

Е.В.УХАНОВА

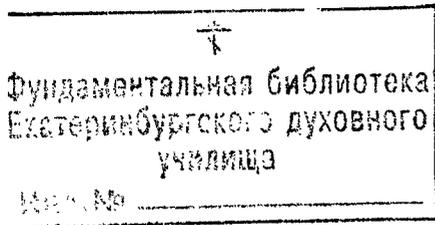
У ИСТОКОВ
СЛАВЯНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ

Е.В.УХАНОВА

**У ИСТОКОВ
СЛАВЯНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ**

Издательский Дом "Муравей"
Москва 1998

Рецензенты:

Кандидат филологических наук Запольская Н.Н.
Доктор исторических наук Плугин В.А.

Уханова Е.В. **У истоков славянской письменности**: М.: ИД "Муравей".
1998. 240 с.

Книга посвящена возникновению и становлению славянской письменной культуры. В ней освещаются предпосылки возникновения письменности у славян, причины ее появления, рассказывается о жизни и деятельности ее создателей - Константина Философа и Мефодия. Проиллюстрированы кириллица и глаголица - два первых славянских алфавита, рассказано о системах письма, послуживших им прототипом. Рассматривается докириллическая письменность, вокруг которой существует много загадок и псевдоисторических вымыслов. Рассказывается о первом литературном языке славян - старославянском, о первоначальном репертуаре славянской книжности, о Библии, лежащей в основе всей средневековой славянской литературы, о древнерусских рукописях, донесших сокровища нашей культуры, об их создании и мастерстве оформления.

ЗАО ИД "Муравей", 123363, Москва, а/я 81

ISBN 5-88739-057-3

© ИД "МУРАВЕЙ", 1997
© Е.В. Уханова, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Велика бо бывает польза от учения книжного: книгами бо наставляемы и учимы пути покаяния, мудрость бо обретаем и воздержание от словес книжных. Се бо суть реки, напаяющие вселенную, се суть истоки мудрости. Книгам бо есть неисчислима глубина, сими бо в печалях утешаемы, си суть узды воздержанию. Мудрость бо велика есть...",- писал древнерусский летописец, рассказывая о времени, когда создавались на Руси первые книги. Сквозь века пронесли это почтение и любовь к книге, преклонение перед содержащейся в них Божественной премудростью древнерусские книжники. Велик интерес к древней славянской письменности и сейчас.

С историей ее возникновения связано много загадок и тайн. Некоторые из них мы, наверное, никогда не узнаем. Однако, о многом сведения сохранились, и задача историка состоит в том, чтобы собрать их воедино, отделить реальные события от легендарных, понять всю полноту сообщаемых сведений, сопоставив их с фактами других источников, и поместить в контекст эпохи.

Тысячу лет назад на смену язычеству из Византии на Русь пришло христианство, которое определило основные особенности развития русской культуры в последующие столетия. Являясь одной из крупнейших мировых религий, оно впитало в себя духовный опыт и культурные достижения многих народов, входивших в древнейшую цивилизацию средиземноморского региона. Принятие христианства означало для Руси, как и для других славянских государств того времени, вхождение в круг цивилизованных стран и приобщение к мировой сокровищнице культуры.

Знания и духовный опыт христианского мира, существовавшего к тому времени уже тысячу лет, были принесены к славянам в рукописных книгах. "Книги - это корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению", - так образно представил их английский философ Фрэнсис Бэкон. Славяне до принятия христианства не имели не только книг, но и развитой письменной системы - азбуки. Даже принятие христианства в некоторых славянских странах не означало введение письменности на родном языке. На протяжении десятилетий христианские тексты могли записываться на чужих языках или при помощи чужих азбук (греческой или латинской). Лишь в 60-х гг. IX в. выдающимся византийским ученым Константином Философом и его братом Мефодием по просьбе князя Великой Моравии Ростислава была изобретена славянская азбука и сделаны первые переводы Священных текстов. Позднее

новый алфавит и созданный Константином и Мефодием новый “словенский” литературный язык были перенесены из соседних славянских стран в Киевскую Русь и с принятием христианства в 988 году стали официально использоваться Древнерусским государством. Обстоятельства изобретения новой азбуки и книжного языка, возникновению славянской книжной культуры и первым этапам ее существования и будет посвящена эта книга.

Первая глава освещает закономерности возникновения письменности у славян. В ней рассказывается о существовавших в древности славянских племенах, о возникновении у них ранних форм государственности в дописьменный период, о причинах принятия ими христианства и предпосылках появления собственной письменности. В следующей главе будет рассказано об условиях возникновения славянской письменности, жизни и деятельности ее творцов - первых славянских просветителей Константина (в монашестве Кирилла) и Мефодия, а также их учеников. Третья глава посвящена обзору различных знаковых систем, которые могли употребляться славянами до изобретения азбуки Константином Философом, а также двум азбукам - “кириллице” и “глаголице”, приписываемых Константину. В ней будут рассмотрены их соотношение и взаимовлияние, их источники, а также гипотезы о времени возникновения и предполагаемых авторах. В четвертой главе будет рассказано о возникновении общеславянского литературного языка. Как работали славянские книжники, как осмыслили они создаваемый ими текст, каков был репертуар ранней славянской книжности. Теме создания и оформления самых первых славянских рукописей посвящена следующая глава. В ней рассказывается о самом процессе изготовления книги: материалах, из которых она создавалась, технике письма и изготовлении переплета, искусстве художников и ювелиров, принимавших участие в создании рукописи. Последняя глава повествует о нашумевших и малоизвестных подделках древних текстов и рукописей. Читатель познакомится с техникой изготовления подделок, с тем, кто и с какими целями их создавал, каковы методы определения фальсификатов. История славянской письменности от ее создания до возникновения крупных славянских книгописных центров будет показана на широком фоне исторических событий и по возможности полно проиллюстрирована изобразительным материалом.

СЛАВЯНЕ НАКАНУНЕ ПОЯВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

Славянская азбука моложе многих других систем письма. Ей "всего" чуть более тысячи ста лет. Она возникла не в результате постепенного совершенствования уже существовавшего алфавита, а была специально создана в середине IX века при дворе византийского патриарха Фотия крупным ученым своего времени Константином Философом. Впоследствии она была названа "глаголицей". Спустя столетия возникла еще одна славянская азбука - "кириллица". В ее основу был положен более привычный в то время греческий алфавит, в который были добавлены новые глаголические знаки, обозначающие специфические звуки славянской речи. Так произошла употребляющаяся сейчас славянская азбука.

Появление письменности не было случайным событием, которое произошло по воле нескольких людей. Ему предшествовал долгий путь развития славянских племен от родового строя к ранним феодальным государствам. Именно на последнем этапе возникла потребность в создании собственной письменной культуры, без которой до этого славяне обходились многие сотни лет. Посмотрим, как жили славяне до появления письменности, что вызвало необходимость ее изобретения и при каких обстоятельствах она возникла.

Предки славян издавна жили в Европе. Они пришли туда во II тысячелетии до новой эры в составе древнеевропейской общности, в которую входили, кроме них, носители будущих италийских, кельтских, германских, балтских и иллирийских языков. В тот момент они составляли мало разделенную на отдельные диалекты языковую общность, внутри которой племена поддерживали постоянные контакты. Как самостоятельный этнос славяне сформировались в середине I тысячелетия до новой эры в результате взаимодействия части древнеевропейского населения с проникшими на территорию Европы небольшими ираноязычными группами, которые растворились в местном населении.

Ученые считают, что первоначально славяне обитали на землях в бассейне реки Вислы. Данные сравнительно-исторического

языкознания говорят о том, что когда праславянский язык стал самостоятельным и начал свое развитие отдельно от других языков, славянские племена имели языковые контакты с балтами, германцами, иранцами, кельтами и, вероятно, фракийцами. На северо-западе соседями славян были германские племена, на северо-востоке славяне вплотную соприкасались с балтами, на юго-востоке они граничили первоначально с фракийцами, которых затем вытеснили скифы (ираноязычное население). С юго-запада к ним примыкали поселения еще существовавших в то время древнеевропейцев.

Можно предположить, что славянское население первоначально называлось "венетами". Это название относится к глубокой древности, ко времени существования древнеевропейской общности. Так именовалось население Северной Адриатики. Античным писателям было известно кельтское племя венетов в Бретани, покоренное Цезарем во время походов в Галлию в 58-51 годах до новой эры. В северо-западной Нормандии проживало еще одно кельтское племя "венеллы", где-то между Альпами, Гельвецией и Нориком размещалось кельтское племя "венноны". Одно из племен лигуров называлось "венены", а одно из альпийских племен - "веннии".

Во всех этих случаях мы имеем дело с архаическим названием древнеевропейских племен. Славяне или их значительная часть также могли носить подобное название. Именно под этим именем в раннесредневековых источниках они известны как соседи германцев. Это этническое имя славян сохранилось до сих пор в некоторых диалектах бывших германских племен, а также в языках финской группы.

Во второй половине V - VI веке новой эры славяне расселяются на обширной территории Юго-Восточной Европы от нижнего Дуная и Прикарпатья на западе до Северского Донца на востоке. От этого времени сохранилось еще одно название славян - "анты". Историк готлов Иордан в своем сочинении, завершеном около 551 года, сообщает, что преемник готского короля Германариха (умер в 376 г.) Винитарий направил войско в земли антов. В первом сражении Винитарий был побежден, но в последующем он победил антов и распял их вождя Божа.

Название "анты" неславянского происхождения. Скорее всего, оно имеет иранское или индоиранское происхождение и обозначает "живущих на окраине", "пограничных жителей". Историк готлов Иордан сообщает: "Анты распространяются от Данастра до Данапра ...". Таким образом, антами в IV веке называлось население, проживавшее в лесостепной полосе между Днестром и Днеп-

ром. Здесь происходило взаимодействие славянских и иранских племен: это была окраина как Скифии, так и славянского мира. "Анты" - не самоназвание славян. Оно зародилось среди ираноязычного населения Северного Причерноморья для обозначения своих соседей. По археологическим признакам они относятся к пеньковской культурно-племенной группировке.

Иордан сообщает еще об одном славянском племени - "склавенах". Он пишет, что "многолюдное племя венетов" известно ныне "под тремя именами: венетов, антов и склавенов". Склавены живут "от города Новиентуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север - до Висклы". Город Новиентун отождествля-

0 2 см

Вещевые находки пражско-пеньковского типа (по В.В.Седову)

ется современными исследователями с городом Невиодун на реке Саве, а Мурсианское озеро - с озером Балатон, рядом с которым находится древний город Мурса. Таким образом, племя "склавинов" обитало между рекой Савой на западе, Вислой на севере и Днестром на востоке. Эта славянская общность соответствует пражско-корчакской археологической культуре.

У византийского историка Прокопия Кесарийского (1 половина VI века) и Иордана славянские племена впервые упоминаются под своим именем. "Склавины" в отличие от "венетов" и "антов" - самоназвание славян. Правда, относится оно не ко всему славянскому миру, а к его крупной племенной группировке. Относитель-

Вещные находки пражско-корчакского типа (по В.В.Седову)

но происхождения этого названия высказывалось несколько гипотез. Установлено, что "-к-" в этом слове вставное. Наиболее убедительной является гипотеза, которая связывает самоназвание "словене" (так оно передается в самых ранних письменных источниках) с понятием "слово". То есть "словене" - это "ясно говорящие" или "люди, владеющие словом", в отличие от не владеющих славянским языком "немцев", то есть "немых".

Разделение славянского мира начала Средневековья на венетов, антов и склавен не имеет никакого отношения к позднему делению славян на западных, восточных и южных. Все археологические материалы отчетливо показывают, что существующее современное разделение славян на три группы является продуктом более позднего исторического развития и не имеет прямой зависимости от диалектно-племенного деления праславянского периода в начале Средневековья. Иордан, пишущий о венетах, антах и склавенах говорит, что славяне составляли не три племенных объединения, а значительно больше. Склавены и анты - это названия племен, селившихся вдоль северных и северо-восточных границ Византии, и поэтому наиболее известных византийским авторам. Иордан поясняет, что "хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами".

Широкое расселение славян в V-VII веках, взаимодействие с другими народами и их культурами, образование городских поселений и зарождение государственности привели к появлению культурных и диалектных различий внутри славянской общности. В силу исторических условий в развитии славян возобладали территориальные особенности, и на основе единой славянской общности стали складываться самостоятельные народности. К середине I тысячелетия происходит распад праславянского объединения, который вызвал распад праславянского языка.

На основе пражско-корчакской культурно-племенной группировки на современной территории Польши формируется польская народность. Источники сообщают о племенах вислян, полян, ленчицан, слензян и др. В Среднем Подунавье постепенно формируются чехи и словаки, которым предшествовали племенные образования седличан, лучан, пшован, дулебов, собственно чехов, морован и др. Славянское население, жившее между верхним течением Западного Буга и Киевским течением Днепра, принадлежало к племенному формированию дулебов. На его основе в VII-IX вв. образовались известные по древнерусским летописям племена волынян, древлян, полян и дреговичей, которые позднее вошли в состав восточнославянской народности.

Славяне в VI-IX веках

Славяне, известные как анты, во второй половине V и VI веке расселяются по всей левобережной части Среднего Поднепровья. Это даже отмечает Прокопий Кесарийский. На юго-западе они распространились до Дуная, а на востоке - соседствовали с племенами, жившими вдоль побережья Азовского моря.

Согласно Прокопию Кесарийскому, анты и скламены пользовались одним языком, у них был одинаковый быт, общие обычаи и верования, внешностью они не отличались, "да и имя встарь у склавинов и антов было одно". Однако, различие между ними византийские историки проводили достаточно четко. Даже среди наемников в армии Византийской империи ант всегда отличался от склавенина. Очевидно, анты и скламены были отдельными племенными формированиями, имевшими собственных вождей, свое войско и ведущими самостоятельную политическую деятельность. Их языки отличались друг от друга как диалекты.

Анты, как и скламены, не сопоставимы с существующим сейчас разделением славян на три ветви: западную, восточную и южную. Последнее упоминание об антах относится к началу VII

Рим и Константинополь. Диптих, V в.

века. В VII и VIII веках их потомки расселились на обширнейших пространствах Юго-Восточной Европы от Среднедунайских земель на западе до Дона на востоке и приняли активнейшее участие в освоении территории, лежащей к югу от Дуная. Они участвовали в складывании племен восточных и южных, и отчасти западных славян.

Приобщение славян к одной из основных древних цивилизаций, средиземноморской, происходило во время их контактов с Византией. Она была величайшей державой, наследницей и хранительницей культуры средиземноморского региона. Западная часть огромной Римской империи, в рамках которой средиземноморская цивилизация достигла невиданного расцвета, во второй половине V в. пала под ударами варварских племен. Нерушимой осталась лишь восточная часть - Византия. "Варварами" византийцы называли окружавшие их племена и народы, которые не знали греческого и латинского языка и были чужды римской культуры. Наиболее значительными этническими группами варваров, селившимися в непосредственной близости от Империи, были германцы и славяне.

Славянское общество в середине I тысячелетия н.э. вступило в новую стадию своего развития: в нем начался распад родоплеменных отношений. Формировался новый, переходный к первым государственным образованиям, строй, получивший название "военной демократии". Для общества такого типа характерна активная завоевательная внешняя политика. В набегах на соседние племена и государства добывались его богатства.

Появление славян на Балканском полуострове, входившем в Византийскую империю, относится к началу VI века. Они пришли на землю Византии как дикие "варварские" племена для захвата добычи во время военных набегов. Первые зафиксированные византийскими историками нападения славян относятся ко времени правления Юстина (518-527 гг.). Начиная с 527 года, набеги повторяются все чаще и чаще. Славян в их вторжениях поддерживают протоболгары (тюрки) и авары. Император Юстиниан (527-565 гг.) для защиты государственных границ был вынужден выстроить сложную оборонительную систему вдоль Дуная, с противоположной стороны которого происходили набеги. Она состояла из крепостей, в которых постоянно находились воинские гарнизоны. Но и она не могла остановить вторжение славян, болгар и аваров.

До середины VI века славяне ограничивались одними набегами и с добычей возвращались в свои земли, на территорию Среднего Подунавья. Затем они начинают постепенно расселяться на землях Империи, южнее Дуная. Византия оказалась бессильной

помешать этому. В середине VI века славяне известны уже на территории Фракии, Иллирии, Италии. К 70-80 годам VI века относится проникновение славян в окрестности Фессалоник, одного из крупнейших городов Империи, и первая волна славянского переселения в Грецию. Сирийский хронист конца VI века пишет, что славяне "прошли ... стремительно через всю Элладу, по пределам Фессалоники и Фракии всей. Они захватили много городов и крепостей: они опустошали, и жгли, и захватывали в плен, и стали властвовать на земле и живут на ней, властвуя, как на своей собственной, без страха ... они растеклись по земле и теперь распространились по ней...".

В течение VII столетия славяне полностью освоили Балканский полуостров. Постепенно смешиваясь с местными жителями, славяне осваивали культурное наследие Византии. В результате славянского расселения часть коренного населения постепенно растворилась среди пришлых племен.

Во время первых контактов с Византией славяне находились примерно на одном уровне хозяйственного развития. Они вели оседлый образ жизни, занимались земледелием, разводили скот. Деревни составляли большие земледельческие общины. Славяне находились на стадии перехода от родоплеменных отношений к ранним формам государственности. Мощным стимулом для их развития было соприкосновение с Византийской империей, на землях которой они селились.

Переходной к государству формой были устойчивые союзы племен во главе с князьями, власть которых становилась наследственной и опиралась на силу постоянных дружин. Византийские письменные источники сообщают о возникновении в конце VI - начале VII века военно-политических образований у славян, которые назывались "славиниями" или "славиями". Это были военные территориальные союзы создаваемые несколькими племенами с целью обороны своих и завоевания чужих земель. Такое название могло носить и одно большое племя. Славинии были переходными образованиями от племенных союзов к раннефеодальному государству. Они по-разному строили свои взаимоотношения с Византией: одни из них торговали, другие - воевали с Империей. По данным писателей VII века, на Балканском полуострове существовало около 25 славянских племен, пришедших из Подунавья.

VII-VIII века - это время, когда все миграционные процессы у славян затухают и наступает период стабилизации жизни. Уже в VIII веке начинают возникать ремесленно-торговые поселения славян - протогорода, развивается широкая торговая деятельность, начинается подъем ремесла. Это, в конечном итоге, привело к

складыванию различных типов славянских культур, развивавшихся в это время бурными темпами.

Самое первое государственное объединение, держава Само, возникло у западных славян в результате их сплочения перед опасностью аварского вторжения. Оно получило свое название по имени князя Само (623-658 гг.) и объединило множество славянских племен. Центр его находился в Нитре и Моравии. Это объединение защитило славян от аварского и франкского вторжения, однако вскоре распалось.

По-другому сложилась судьба славянского племенного союза "Семь родов", находившегося на Балканах в Мисии. Процесс оформления государства был завершен с появлением там тюркоязычных протоболгар. В VI-VII веках протоболгары населяли Приазовье, составляя огромный союз, известный под названием "Великая Болгария". Они не раз вместе с другими племенами, в том числе и славянскими, совершали набеги на Византийскую империю. В середине VII века союз распался. Часть протоболгар ушла во главе с ханом Аспарухом в 70-е гг. VII века в Западное Причерноморье.

Пришедшее на территорию Мисии ок. 680 года протоболгарское войско, спаянное родовой организацией, было серьезной си-

**Нападение императора Никифора на болгар.
Миниатюра Манасиевой летописи, 1345 г.**

лой. Аристократия союза "Семи родов" предпочла вступить с ханом Аспарухом в соглашение и признала его власть. Поэтому новое государство стало называться Болгарией. Столицей его стала Плиска. Болгария вела достаточно агрессивную политику, в том числе и по отношению к Византии. Славянская и протоболгарская знать была заинтересована в походах на богатые земли Византийской империи и расширении границ государства. Византия же стремилась восстановить свои границы по Дунаю. Поэтому на протяжении VIII и в первой половине IX века между Болгарией и Византией ведутся многочисленные войны.

VIII век - это время, когда процесс складывания первых государственных объединений происходит на территории всего славянского мира. В IX в. оно завершается возникновением первых славянских государств. К первым десятилетиям IX века относятся сведения о княжестве Людевита в посавской Хорватии, которое своими действиями создало серьезные затруднения крупнейшей европейской державе того времени - Каролингской империи. Тогда же складывается княжество Борны в далматинской Хорватии, которое положило начало образованию здесь Хорватского государства.

К началу IX века относятся и первые сведения о сербских князьях. Первые государственные объединения сербов возникли одновременно в нескольких областях: в Рашке, Дукле, Травунии, Хуме. С конца IX до начала XI веков крупнейшим среди них была Рашка. Ее жупаны, стоявшие во главе межплеменных объединений (жуп), признавали власть Болгарии. В 931 году жупан Чеслав освободился от болгарского господства и подчинил себе соседние сербские земли. Однако, в конце X века это государство распалось. Сербские земли были поглощены Западно-Болгарским государством. После завоевания его Византией сербские жупаны стали вассалами Империи.

С начала IX века стало складываться новое большое государственное объединение западных славян с центром в Моравии. В это время славянам приходилось отстаивать свою независимость в борьбе с Восточнофранкским (Германским) государством. В правление князя Моймира I (умер ок. 846 г.) мораване приняли христианство из Баварии по латинскому обряду. Своего расцвета Великоморавское государство достигло при преемнике Моймира Ростиславе (846-870 гг.). Он энергично противостоял немецкому вторжению и добился значительного внешнеполитического могущества своего государства. В поисках союзников он обратился к Византии.

Стремясь сделать страну независимой от связанной с Каролингским государством Баварской церкви, Ростислав просил им-

ператора Михаила III прислать из Константинополя проповедника и епископа, который встал бы во главе Моравской церкви. Посланные императором миссионеры Константин и Мефодий ввели в Великой Моравии христианское богослужение на славянском языке и написали при помощи только что созданного алфавита первые славянские книги. Создание славянского богослужения и письменности укрепило политическую самостоятельность Великоморавского государства. Используя противоречия между Франкской церковью и папством, Ростислав добился в 869 году создания для Великой Моравии и соседних славянских земель архиепископства, подчиненного непосредственно Риму, во главе которого был поставлен Мефодий.

Быстрый рост политического влияния и расширение границ государства продолжался и в правление племянника Ростислава - Святополка (870-894 гг.). Однако, сложившееся при нем большое государственное образование было очень непрочным, и со смертью Святополка значительная часть земель отпала от Великой Моравии. Оставшиеся земли распались на уделы, поделенные между его сыновьями. В 895 году Чехия стала самостоятельным княжеством. Чуть позже, в 906 году, венгры нанесли поражение Моравии и захватили восточные словацкие земли. Великоморавское государство перестало существовать.

Просветительская деятельность Мефодия проходила вопреки желанию князя Святополка и немецкого духовенства, которые оказывали открытое сопротивление распространению славянской письменности и богослужения. После смерти Мефодия (885 г.) его ученики подверглись преследованиям и были изгнаны из Моравии. Они обосновались в Болгарии, которая стала в дальнейшем крупнейшим центром славянской письменной культуры. В Моравии утвердились немецкое духовенство и обряды на латинском языке.

Во время нахождения в составе Великоморавского государства на территории Чехии сложились два княжества: одно - с центром в Праге во главе с князем из рода Пржемысловичей, другое - с центром в Либице, возглавляемое зличанскими князьями Славниковичами. Вплоть до десятого века между ними шла борьба за главенство. Первые шаги к образованию единого государства были сделаны в 80-е гг. IX в. Тогда князь племени чехов Борживой из рода Пржемысловичей, принявший крещение при дворе моравского князя Святополка, сумел при его поддержке стать главным среди племенных князей Чешской долины. Окончательное объединение племенных княжеств под властью чешских князей со столицей в Праге относится к правлению князя Болеслава I (935-

972 гг.). В Праге было создано чешское епископство. Обширная держава, однако, была непрочной. Часть ее земель впоследствии отошла к Польскому государству.

Почти все польские земли были объединены в конце X века династией Пястов в относительно единое Польское государство. Первым достоверно известным польским князем был Мешко I (969-992 гг.). Молодому государству приходилось постоянно отстаивать свою самостоятельность от посягательств германских королей, пытавшихся превратить польского князя в своего вассала. В 966 году Мешко I со своими приближенными принял христианство по латинскому обряду. В стране распространилась латинская письменность. В 1000 году в Гнезно была учреждена польская архиепископия. К началу XI века Польша превратилась в одно из крупных государств Восточной Европы.

Болеслав I Храбрый (992-1025 гг.) вел активную и успешную внешнюю политику. Однако после его смерти международное положение Польши осложнилось. Германия вновь начинает войну, против Польши выступает также Чехия и Русь. Страна терпит поражение, а после большого народного восстания 1037 года, подавленного при помощи немецких феодалов, она временно попадает в вассальную зависимость от Германской империи.

В первой половине века IX Болгария расширила свои владения и стала одним из крупных европейских государств. В середине столетия хан Борис (852-889 гг.) принял решение о христианизации страны. Он долгое время колебался в вопросе о том, с чьей помощью это сделать, пытаясь играть на противоречиях между

Крещение болгар в 865 г. Миниатюра Мадридской хроники
Иоанна Скилицы, 2 половина XII в.

римским папой и византийским патриархом. Воспользовавшись жестоким голодом в Болгарии византийцы вторглись в ее пределы. Уступив их давлению, в 865 году Борис и его приближенные приняли христианство по византийскому обряду. Одновременно с этим Борис добился учреждения в Болгарии архиепископии. Двадцатью годами позже именно у него нашли защиту и покровительство преследуемые в Моравии ученики Мефодия. В 893 г. славянский язык был объявлен официальным языком Болгарского государства и церкви. С этого момента все документы и тексты должны были записываться славянской азбукой.

В конце IX века часть болгарской знати предприняла попытку помешать укреплению центральной власти. В 889 году сын и преемник ушедшего в монастырь Бориса Владимир пытался восстановить язычество. Однако, это встретило мощное сопротивление. Владимир был свергнут и ослеплен. Трон занял другой сын Бориса - Симеон (893-927 гг.), один из наиболее выдающихся правителей Болгарии. Высокообразованный, талантливый и честолюбивый, он мечтал об основании

единого славяно-византийского государства на Балканах с центром в Константинополе.

В это время отношения с Византией обострились. В 894 году болгарам было запрещено торговать в Константинополе. Это послужило поводом для Симеона начать военные действия, которые длились 30 лет и закончились его полной победой. Он присвоил себе титул "царя болгар и греков", который до этого не носил ни один из болгарских князей, и заставил византийцев платить дань. Симеон готовился к осаде Константинополя, но она не состоялась, и преемник Симеона Петр (927-969 гг.) заключил с Византией мир.

**Болгарский князь Борис
(в крещении Михаил).
Миниатюра из Евангелия
учительного Константина
Преславского,
2-я половина XII в.**

**Взятие византийскими войсками Преслава.
Миниатюра Мадридской хроники Иоанна Скилицы,
2-я половина XII в.**

В 931 году при поддержке Империи от Болгарии отделились сербы. Спустя треть века император Никифор II Фока отказался платить дань и стал готовиться к войне. В 971 году северная часть Болгарии была захвачена Византией. Западная Болгария продолжала существовать как самостоятельное государство еще почти 50 лет. Однако в 1018 году при императоре Василии II Болгаробойце Первое Болгарское царство пало и вошло в состав Византии.

Одним из самых больших государств раннесредневековой Европы было Древнерусское государство или Киевская Русь. Возникшее на просторах Восточной Европы в результате объединения в IX веке ряда восточнославянских княжеств и племенных союзов, это государство существовало как единое политическое целое на протяжении двух с половиной веков. Оно играло большую роль в истории Европы как связующее звено между странами Европы и Азии.

Картина расселения восточнославянских племен накануне образования Древнерусского государства зафиксирована в русских летописях. И хотя "Повесть временных лет" написана не ранее XI века, она указывает на существование не только племен, реально относимых к IX-X вв., но и на исчезнувшие или оттесненные кочевниками к этому времени восточнославянские племена (уличи, тиверцы). Среди крупных племен она называет волынян (дулебов), белых хорватов, полян, северян, дреговичей, древлян, радимичей, кривичей, вятичей и славян ильменских.

**Поражение царя Самуила и ослепление его воинов
императором Василием.
Миниатюра Манасиевой летописи, 1345 г.**

**Вещевые находки из захоронений новгородских словен
(по В.В.Седову)**

Существует две крайних точки зрения на причины образования Древнерусского государства. "Классическая норманистика" сводится к тому, что государственность и вообще цивилизация были принесены восточным славянам, диким и неспособным к самостоятельному развитию племенам, скандинавами - варягами под предводительством Рюрика. Ряд ученых, стоящих на позициях пантюркизма, наоборот, преувеличивает роль тюркских народов, хотя, разумеется, отрицать историческое значение Хазарского каганата оснований нет. Современные исследования доказывают, что Древнерусское государство возникло, прежде всего, на основе внутреннего развития восточнославянского мира как резуль-

тат определенных и закономерных социальных и хозяйственных сдвигов в ходе разложения родоплеменного строя. Известные внешние влияния, конечно, существовали, но решающей роли в складывании древнерусской государственности они не имели.

Исследования показали, что раннефеодальные государства в Швеции и Норвегии появились позже, чем на Руси, а потому они не могли никак повлиять на формирование Киевского государства. Разумеется, скандинавы (викинги или варяги) в Восточной Европе были. Возможно, что некоторые из них, вступив в соглашение с местной знатью, захватывали власть в отдельных восточнославянских землях. Однако, становясь славянскими князьями, они оказывались в самой тесной связи со славянской знатью, отражали ее интересы, быстро теряли свой этнический облик и язык и ославянивались.

В древнерусских летописях применительно к IX-X вв. говорится о существовании племенных княжеств и местных князей, которые, возможно, появились еще раньше. Для Киева, например, существует сказание о Кие, легендарном основателе города. Известны местные князья у древлян, дреговичей, полочан. Таким образом, уже в IX в. у восточных славян существовало несколько княжеств. Будучи сравнительно небольшими политическими объединениями, эти княжества часто не ладили друг с другом. Подвергались они и внешним нападениям: на севере в VIII-IX вв. - набегам норманнов, на юге, до конца VIII в., - аваров. Восточные источники сообщают о войнах русов с кочевыми мажарскими племенами, временно обосновавшимися в 30-х гг. IX в. в южных степях между Днестром и Днепром. Наконец, восточным славянам приходилось иметь дело с крупнейшей в VII-IX вв. державой Восточной Европы - Хазарским каганатом. Летопись сообщает, что им подчинялась часть восточнославянских племен, в том числе и самое сильное - поляне.

Внешняя опасность была одной из причин, способствовавших объединению восточнославянских племен и княжеств в единое государство. Процесс этот был длительным, но мы располагаем очень немногими сведениями о том, как он проходил. Наиболее крупными восточнославянскими объединениями были киевское и новгородское. Объединительные процессы проходили при ведущей роли и соперничестве этих двух центров. Согласно древнерусским летописям, инициатором объединения южнорусских и севернорусских земель был новгородский князь Олег (882-912 гг.), который, спустившись по Днепру, овладел в 882 году Киевом, убил княживших там Аскольда и Дира и остался в Киеве, сделав его центром своей державы. Окончательное объединение восточнославянских земель заняло более столетия.

**Поход князя Олега на Константинополь (907 г.).
Миниатюра Радзивилловской летописи, конец XV в.**

На протяжении IX-X вв. русские князья ведут активную внешнюю политику. Она была направлена как на получение богатой добычи при набегах на Византию, так и на освобождение части русских племен от хазарской зависимости. Военные действия против Византии сменяются политическими и торговыми союзами. Хазарский же каганат в результате походов Святослава (945-972

гг.) был окончательно разгромлен и уничтожен как государство. Русь стала главной политической силой Восточной Европы.

После смерти Святослава между его сыновьями началась борьба за верховную власть. Владимир I (978-1015 гг.), опираясь на новгородцев и варягов, победил своих братьев и стал великим князем в Киеве. К этому времени восточнославянские земли были в основном объединены. Дальние воен-

**Св. великий князь
Владимир. Икона,
1 половина XV в.**

ные походы уже не оправдывали себя. Поэтому Владимир меняет внешнюю и внутреннюю политику Киевской Руси. Он отказывается от крупных войн с соседями. Чувствуя необходимость в новой идеологии, которая соответствовала бы потребностям единого восточнославянского государства, Владимир проводит две религиозные реформы.

Первая реформа была языческой и сводилась к составлению из большого числа языческих богов Древней Руси единого для всех восточнославянских племен языческого пантеона, освящающего главенство Киевского князя. Реформа по разным причинам встретила сопротивление и не достигла своей цели. Тогда Владимир принимает решение ввести новую монотеистическую религию, т.е. религию исповедующую единого верховного Бога. Таких религий в Киеве знали три: христианство, ислам и иудаизм. Возможно, легенда "об испытании вер" имеет какую-то реальную основу. В ней говорится о посольствах от правителей разных стран, которые рассказывали о преимуществах своего вероисповедания. Владимир разослал своих послов, чтобы проверить истинность их слов, и выбрал, в конце концов, христианство.

Усиление в это время Византии и тесные связи с ней Руси определили центр, из которого христианство проникло на Русь. В 988 году Владимир крестился сам и крестил своих подданных по византийскому обряду. Принятие христианства из Византии не

Речь грека-философа перед князем Владимиром с изложением православной веры. Миниатюра Радзивилловской летописи, конец XV в.

привело к политическому подчинению ей Руси. Была учреждена митрополия и несколько епископств. И хотя митрополиты назначались из Константинополя, они полностью зависели от киевского князя и поддерживали в целом его политику. Владимир добился брака с сестрой византийских императоров Анной, что было свидетельством достижения Древней Русью высокого международного признания.

Итак, в X веке в Центральной и Восточной Европе возникли крупные раннефеодальные славянские государства. Наиболее ярким проявлением преобразований было появление наследственной княжеской власти, не известной до этого древнеславянскому обществу. Ее возникновение влекло за собой строительство укрепленного центра страны - столицы, усиления княжеской дружины - организации, стоявшей за рамками традиционных родоплеменных отношений. Дружина была тесно связана с князем и являлась его главной опорой. У новых государств возникли неизвестные ранее славянам политические институты, более сложная общественная структура, новые духовные потребности, которые не могли быть удовлетворены традиционными языческими представлениями об устройстве мира и человеческого общества.

В этих условиях важным этапом в истории новых славянских государств стало принятие христианства. Славяне вступили в "содружество" государств христианской Европы, открыли двери для

**Крещение великого князя Владимира Святославовича.
Миниатюра Радзивиловской летописи, конец XV в.**

контактов с богатými традициями политической культуры иного мира. Бывшие "варварские" народы вошли в орбиту многовековой христианской цивилизации. Принимая христианство, славянские правители стремились к тому, чтобы их государства не оказались в зависимости от соседних могущественных христианских держав - Каролингской империи, Священной Римской империи, Византии. Не случайно во всех известных славянских памятниках подчеркивается принятие новой веры по собственному свободному выбору. Князья старались добиться особой самостоятельной церковной организации для своих владений.

Раньше всех приняли христианство Великая Моравия (30-е гг. IX в.) и Первое Болгарское царство (60-е гг. IX в.). Принятие новой религии было результатом свободного решения местной правящей верхушки. Обе эти страны были непосредственными соседями тех христианских государств, откуда они были крещены: Великая Моравия - Восточнофранкского королевства (выделившегося из Каролингской империи), а Болгария - Византии. Славянские страны принимали культурные традиции разных центров христианского мира, которые к IX веку уже существенно различались между собой. В условиях соперничества между Каролингами и Византийской империей случалось и так, что соседние славянские государства оказывались сторонниками разных ориентаций. К концу IX века христианство приняли почти все славянские страны, граничащие с христианским миром. Они стали теми очагами, из которых христианство в X в. распространялось в другие славянские земли: из Великой Моравии оно пришло в Чехию и Польшу, из Болгарии на Русь были принесены основные христианские книги.

Вряд ли можно предположить, что решение о принятии крещения было продиктовано славянским правителям и их дружинникам глубоким знанием христианских духовных ценностей и убеждением в их несравненном превосходстве над язычеством. Известные факты более позднего времени о нежелании дружинников подчиняться нормам христианской морали говорят об обратном. На их решение принять крещение влияли другие причины. На славянских князей и их окружение производили впечатление сила и величие их христианских соседей, таких как империя Каролингов и Византийская империя. Их могущество говорило славянским правителям о могуществе христианского бога, более сильного, чем языческие боги. Дружинникам нравился роскошный образ жизни и высокое положение в обществе византийской и каролингской знати. Принятие христианства обеспечивало славянским князьям равноправные отношения с правителями

**Болгаский хан с дружиной на пиру.
Миниатюра Манасиевой летописи, 1345 г.**

крупнейших христианских держав. Важную роль играло и то обстоятельство, что при смене религии было легче утвердить новый общественный порядок. Вместе со старой верой должны были уйти в прошлое и старые общественные отношения, сторонников которых было много среди местной племенной знати.

Как бы то ни было, одним из главных результатов принятия христианства было открытие славянским народам пути к освоению культурного наследия христианского мира, вобравшего в себя достижения многовекового развития одной из древнейших мировых цивилизаций - средиземноморской. Конечно, при отличии культурных традиций и уровня развития славянских стран механический перенос этого наследия был невозможен. В ходе дли-

**Крещение дружины великого князя Владимира.
Миниатюра Радзивилловской летописи, конец XV в.**

тельного взаимодействия местных славянских культур с христианской традицией шел сложный процесс отбора тех культурных ценностей, которые отвечали потребностям и возможностям славянского общества.

Главное место в этом наследии занимала литература, вобравшая в себя все богатство мировой культуры. Христианская церковь латинской традиции не допускала создания собственных славянских литератур. Языками богослужения, а, следовательно, и средневековой литературы и науки, могли быть только греческий и латинский. Иначе обстояло дело в многонациональной Византийской империи, лояльно относившейся к созданию письменной культуры на языках народов, попавших в орбиту ее влияния. Она способствовала появлению у славян богослужения на родном языке, собственной письменности и литературы. Именно греческий ученый Константин Философ (в монашестве Кирилл) и его брат Мефодий заложили фундамент письменной культуры славян, достигшей со временем небывалого расцвета.

Изобретение новой письменности было подчинено решению величайшей культурной задачи: с ее помощью были записаны переведенные с греческого на язык славян тексты христианского богослужения, которые зафиксировали новый для Европы литературный язык, именовавшийся в ту пору "славянским" ("словенским"), а в наше время - старославянским (или церковнославянским).

Помимо этого, изобретение славянской письменности преследовало практические цели. Ее возникновение способствовало усилению политической и культурной независимости самостоятельных славянских государств. Письменность на национальном языке стала сразу использоваться в делопроизводстве, которое являлось непререкаемым атрибутом централизованного государства. Кроме того, она помогала преодолеть значительные политические трудности, возникшие у правящей верхушки в связи со сменой религии. Они затрагивали нормы отношений как внутри общества, так и между соседними государствами. Об этих проблемах дают представление вопросы послов болгарского князя Бориса римскому папе Николаю I, дошедшие до нас в составе знаменитых "Ответов папы Николая I на вопросы болгар".

Поскольку религия так или иначе освящала своим авторитетом многие нормы повседневной жизни общества, то ее смена влекла за собой отмену прямо и косвенно связанных с ней обычаев, которые заменялись новыми. Для многих старых норм, оставшихся в обществе, устанавливалась иная система наказаний, имевшая в жизни средневекового человека огромное значение. Трудности заключались в том, что нормы старой религии и права были хорошо известны правящей верхушке. Ведь она сама являлась носителем одновременно как светской, так и духовной власти в языческом обществе (князь был верховным жрецом). Нормы же новой религии ей были не известны, и с принятием христианства местная власть попадала в зависимость от чужестранцев - епископов и священников, которые были тесно связаны с пославшими их странами. Их деятельность вызывала серьезные сомнения у представителей болгарской власти, опасавшихся, что чужестранцы могут использовать свое влияние для подчинения Болгарии ее могущественным соседям.

Новым людям было доверено не только проведение нового богослужения, но и истолкование христианского вероучения, а также наложение наказаний за отступление от него. Они постоянно обращались к болгарским правителям с различными требованиями, которые основывались на неизвестных им христианских нормах. Положение усугублялось тем, что от имени нового христианского порядка выступали представители разных христианских Церквей, отличавшихся по крайней мере в вопросах обрядности от латинской церкви. Более того, встречались авантюристы, которые не только не имели священнического сана, но и вообще не были христианами. Для того, чтобы болгарские власти могли правильно урегулировать отношения с духовенством внутри страны, а также определить положение Болгарии в христианском мире,

новое вероучение должно было быть изложено на понятном им языке. Это являлось еще одним важным стимулом для создания славянской письменности.

В культурной истории средневековой Европы предприятие Константина и Мефодия было уникальным: уже на протяжении нескольких веков ничего подобного не создавалось. Изобретение новой азбуки и перевод христианских канонических книг на родной язык верующих, не имевший до этого собственной письменной традиции, были сделаны двумя братьями. Это - великий подвиг, по достоинству оцененный уже современниками, почитавшими Константина и Мефодия как своих первоучителей, святых славянских апостолов.

Сам Константин Философ, доказывая правомерность и законность своего изобретения, ссылаясь на то, что христианскую литературу на родном языке имеют многие народы Европы и Ближнего Востока. Однако, надо иметь в виду, что в одних случаях это были языки, которые обрели письменность задолго до возникновения христианства (древнееврейский, сирийский (арамейский), греческий, латинский), в других случаях имелись в виду переводы христианской литературы на языки, получившие для этой цели письменность очень рано (коптский III в., готский IV в., армянский V в., грузинский V в.).

Вместе с тем, старославянский был практически последним литературным языком, создание которого сопровождалось изобретением специально для него предназначавшейся азбуки. (Исключение составляет азбука, созданная в XIV в. русским святым Стефаном Пермским для просвещения зырян, которая впоследствии потеряла свое значение.) Появляющиеся на рубеже средневековья и нового времени переводы Библии на языки разных европейских народов записывались уже существовавшей системой письма - латинской азбукой (а в Восточной Европе - славянской), которая при помощи комбинаций букв или введения дополнительных значков над буквами или под ними приспособлялась к передаче на письме особенностей местной речи.

Детищу славянских первоучителей предстояла долгая и сложная жизнь. К сожалению, переводов, сделанных ими, не сохранилось. Они были изменены и дополнены последующей традицией, которая сохранилась в древнейших из дошедших до нас рукописей. Созданный Константином и Мефодием язык с самого начала рассматривался ими как язык славянских переводов Библии. В дальнейшем он стал языком всей славянской средневековой науки и литературы. Лишь в XVIII-XIX вв. в светской литературе он уступает место новым литературным языкам, складывающимся

ся на национальной основе. Однако, и до сегодняшнего дня старославянские тексты продолжают ежедневно звучать в богослужении Русской православной церкви.

СОЗДАТЕЛИ АЗБУКИ

елико значение просветительской деятельности двух братьев - Константина Философа (в монашестве Кирилла) и Мефодия, давших славянам письменность на родном языке. Их труд состоял не просто в изобретении новых знаков для письма. Они организовали богослужение на славянском языке, перевели с греческого необходимые для этого книги и создали новый литературный язык для народа, не имевшего его никогда. Этим они не только сделали славянские государства равными на политической арене "цивилизованным" державам, но и дали возможность славянским народам приобщиться к мировой сокровищнице науки и культуры, созданной трудом многих народов на протяжении столетий.

Литература о жизни и деятельности Константина Философа и Мефодия огромна. Однако, по многим важным вопросам в науке существуют значительные разногласия. Они объясняются не только недостатком исторических источников, которые содержат сведения о деятельности двух братьев, но и противоречивостью дошедших до нас текстов.

Наиболее содержательные из них - жития - относятся к той характерной для средневековья литературе, где подлинные факты и легенда стоят рядом. Помимо этого житие, т.е. биография святого, строилось по определенной литературной схеме. В нем должен быть отражен тот возвышенный христианский идеал, к которому необходимо было стремиться каждому верующему. Житие подобно иконе, где нет места мирскому, где все факты и события назидательны. Кроме того, тексты создавались в определенных политических условиях, которые непременно отражались на содержании и направленности повествования. Подобная тенденциозность, а также вставки текста более позднего происхождения, делают работу исследователя очень сложной.

Деятельность Константина Философа и Мефодия уже при жизни первоучителей получила широкую известность и вскоре после смерти братьев и признания их святыми приобрела легендарные черты. Об их жизненном пути и просветительской деятельности в славянских землях нам сообщают так называемые

**Св.Методий и св.Кирилл.
Фреска церкви святого Георгия в селе Курбиново, 1191 г.**

"Паннонские легенды" - "Житие Константина" и "Житие Мефодия". Основные биографические факты о жизни и деятельности двух братьев, сообщенные в Паннонских легендах, подтверждаются и дополняются другими произведениями, в том числе и реальными историческими документами.

В научной литературе высказывалось мнение о существовании греческих оригиналов Житий. Однако, большинство исследователей считают их самостоятельными славянскими произведениями. Новый книжный язык славян создавался на основе славянского разговорного и греческого литературного языка. Последний служил эталоном вновь создаваемому, поэтому подражания "научно" организованному греческому языку было не избежать.

Характер и стиль повествования Житий Константина и Мефодия представляется ученым вполне свободным и самостоятельным. Можно предположить лишь, что во время их составления в ряде случаев были использованы греческие и латинские тексты. Особенно это касается тех мест, которые восходят к произведениям самого Константина Философа, написанным по-гречески.

Детальный анализ их языка и структуры еще далек от завершения, но даже при поверхностном знакомстве с Житиями можно заметить, что язык и стиль отдельных глав, характер изложения событий сильно отличаются друг от друга: сухие факты сменяются пространными диалогами и поэтическими образами. Это дает повод исследователям говорить о составлении Житий на основании нескольких источников, в числе которых есть подлинные тексты Константина Философа. К ним, например, относится диспут Константина с хазарскими мудрецами, который позднее был вкратце переведен Мефодием на славянский язык и вставлен автором в текст Жития Константина. Как художественное произведение, вышедшее из-под его пера, рассматривается учеными речь первоучителя в Венеции в защиту равноценности славянской письменности. В Житии Константина, возможно, сохранились и другие фрагменты его произведений - стихотворений, молитв, полемических трактатов, отчетов о миссионерских поездках, дневниковых записей, отдельных высказываний. Оно представляет собой своеобразный сборник произведений Константина Философа.

Житие Константина достаточно смело отступает от традиционных требований жанра византийской агиографической (житийной) литературы. Его подвиги являются в большей степени интеллектуальными достижениями: везде Константин побеждает своих противников мудростью, изобретательностью, находчивостью. Этим Житие заметно отличается от традиционных представлений о благочестивом святом. Житие исторично: его повествование направлено на осмысление подвижнической деятельности Константина в мировом масштабе. Он предстает перед нами как учитель народов, равный первым апостолам. Сочетание черт мудрого богатыря из народного эпоса и классического типа христианского миссионера, византийской агиографической традиции и оригинальных черт новой славянской культуры создает внутреннее напряжение повествования. Отсюда - его высокий художественный уровень, ясно ощутимая ритмическая организация текста, разнообразие стиля, элементы средневековой поэзии, риторики, философско-богословских сочинений.

Житие Мефодия заметно отличается по стилю. Оно очень сдержано, насыщено историческими подробностями и имеет опреде-

ленную направленность - в тяжелых условиях борьбы за сохранение славянской письменности в Великой Моравии доказать моравским правителям святость дела Мефодия. Поэтому в тексте Жития так много документов, писем, высказываний, реальных исторических эпизодов. Однако, в некоторых случаях из политических соображений в текст были вставлены эпизоды или характеристики, которые не соответствуют действительности.

Так, например, в V главе, вопреки истине, утверждается, что инициатором введения богослужения на славянском языке был не только моравский князь Ростислав, но и Святополк, известный как его активный противник, преследовавший после смерти Мефодия его учеников. Предполагается, что подобное утверждение появилось в Житии на раннем этапе его создания, еще в Моравии в 885-886 годах, с целью повлиять на моравского князя Святополка и указать ему на ответственность за судьбу славянской письменности, у истоков которой он якобы стоял. Помимо таких текстов, вставленных в повествование при его создании, существует достаточное количество вставок, появившихся в Житиях и в более позднее время в Болгарии.

По поводу места и времени создания Житий до сих пор не существует единого мнения. Наиболее доказательной является версия, согласно которой Житие Константина было составлено в Моравии вскоре после его смерти одним из ближайших учеников апостола. При его составлении было использовано несколько источников, большая часть которых была получена от Мефодия. Время его создания относят к промежутку между смертью Константина 14 февраля 869 года и 16 декабря 882 года, когда умер римский папа Иоанн VIII. Последняя дата определяется тем обстоятельством, что Иоанну VIII было посвящена так называемая "Итальянская легенда", автор которой, Гаудерих, использовал текст Жития Константина. Эту дату следует отодвинуть, вероятно, к еще более раннему сроку - к 880 году, когда Мефодий посетил Рим и мог перевести Гаудериху привезенный с собой славянский текст Жития Константина.

Житие Мефодия, вероятно, было начато и вчерне написано в Моравии. Текст, видимо, был создан в очень короткий срок из-за трудностей и гонений на последователей Мефодия после его смерти в 885 году. Возможно поэтому оно содержит ряд не очень точных утверждений, отсутствующих в Житии Константина. Некоторые исследователи, без особых на то оснований, считают автором Жития Мефодия его ученика Климента. Однако, ряд ошибок (например, утверждение, что, пробыв в Моравии три года, братья вернулись в Константинополь) свидетельствует о том, что очеви-

дец этих событий Климент не мог быть его автором. Окончательное завершение Жития получили уже в Болгарии в конце IX века. Это объясняет еще одну их особенность. Дело в том, что в Итальянской легенде, использовавшей Житие Константина, содержится ряд сведений о его брате, которые отсутствуют в сохранившейся редакции Жития. Исследователи предполагают, что в Итальянской легенде отразилась самая ранняя версия Жития Константина, из которой с появлением Жития Мефодия большинство сведений о нем были изъяты.

Позднее в Болгарии на основании Житий Константина и Мефодия был создан ряд сочинений, которые, будучи написанными в определенной политической обстановке, в период утверждения и расцвета Первого Болгарского царства, сообщают достаточно тенденциозные сведения. Таким, например, является так называемое "Успение Кирилла". Оно включает в себя "биографический" рассказ Константина Философа о крещении им болгар, живших в Македонии в районе реки Брегалницы. К нему близка "Солунская легенда", составленная достаточно поздно. На основании сообщаемых ею фактов ряд исследователей, как дореволюционных, так и современных, создают гипотезы, согласно которым славяне в районе реки Брегалницы были крещены еще в VII веке Кириллом Каппадокийским или Кириллом Александрийским. К этому моменту они относят и возникновение славянской письменности на базе кириллицы. Эти сведения не подтверждаются никакими другими свидетельствами (их разбору будет посвящена отдельная глава).

В славянских Прологах - сборниках кратких житий святых - сохранилось несколько вариантов проложных житий святых Кирилла и Мефодия. Самые ранние из них относятся к XII в. и являются не всегда надежными источниками информации о Солунских братьях. Существует также несколько похвальных слов Константину и Мефодию. Самое раннее из них, "Похвала святому Кириллу учителю словенскому языку, сотворено Климентом епископом", принадлежит перу ученика Константина Клименту Охридскому. Авторы остальных похвальных слов - не известны. Эти произведения созданы в особом жанре ораторской церковной прозы и конкретных сведений почти не содержат.

Очень надежным источником о создании славянской письменности является трактат древнеболгарского писателя черноризца (т.е. монаха) Храбра "О письменех", написанный на старославянском языке в конце IX в., когда, по словам автора, были живы еще те, кто знал Константина и Мефодия. В нем Храбр рассказывает о причинах создания азбуки Константином, дает ее характеристику,

сообщает о системе письма, существовавшей у славян до Константина.

Одной из загадок, связанной с деятельностью Солунских братьев, является полное отсутствие сведений о них в византийских источниках IX-X вв. Официальные документы византийского двора и другие государственные бумаги сохранились неплохо, но среди них нет ни одного документа, упоминавшего бы о Константине Философе и Мефодии, а также о тех трех официальных миссиях - сарацинской, хазарской и моравской, - в которых братья, судя по Житиям, принимали участие.

Отсутствие каких-либо свидетельств византийских авторов о Константине Философе тем более странно, если учесть, что он играл заметную роль в политической жизни Византии, имел хорошее происхождение, был близок к императору Михаилу III и патриарху Фотию. Об этой близости сообщают не только славянские, но и латинские источники.

Анастасий Библиотекар, один из приближенных римского папы, в своем письме к папе Адриану II называет Константина большим другом патриарха Фотия. Он пишет о том, что "несколько лет назад этот Фотий проповедывал, что каждый человек имеет две души. Когда Константин Философ, муж святой и его очень большой приятель, упрекнул Фотия в том, говоря: "Зачем, распространяя среди народа такое большое заблуждение, ты погубил столько душ?". Несомненно, что между двумя этими яркими и сильными личностями существовали сложные взаимоотношения. О них мы практически ничего не знаем, несмотря на то, что патриарх Фотий был необыкновенно плодовитым писателем (одних писем его разным лицам сохранилось около 300). Именно поэтому удивительно, что в его сочинениях, письмах и документах не сохранилось никаких упоминаний о Константине Философе и его брате.

Некоторые исследователи пытаются объяснить это обстоятельство тем, что идеи просвещения варваров и возможности создания для них новой письменности были чужды интеллектуальной элите того времени. Она исповедовала исключительность греческого языка, литературы и культуры, а потому никак не могла поддержать идеи будущих просветителей. Именно необычность мировоззрения Константина Философа могла не найти отклика у его современников. Возможно, сторонники этой точки зрения правы. Однако, она не может полностью объяснить сложившуюся ситуацию.

В 867 году, т.е. через четыре года после отправки моравской миссии, призванной дать славянам письменность и организовать богослужение на славянском языке, патриарх Фотий разослал

дия встретила там законное негодование, и братьям, в конце концов, пришлось просить аудиенции и благословения у римского папы. К сожалению, и в этом случае мы не располагаем никакими документами, способными прояснить эту одну из ключевых проблем возникновения и введения славянской письменности.

Сохранился лишь один ранний византийский памятник, приводящий свидетельства о Солунских братьях и их последователях. На греческом языке до нас дошло "Житие Климента Охридского", одного из ближайших учеников Константина и Мефодия, известное под названием "Болгарская легенда". Оно было написано в конце XI в. Охридским архиепископом Феофилактом, греком по происхождению. Феофилакт был выдающимся церковным деятелем и известным византийским писателем. В то время, когда он прибыл в Болгарию, она уже была завоевана Византией. Однако, у болгарского народа сохранялись славянские рукописи и память о подвиге своих апостолов. Феофилакт, видимо, решил создать произведение, освящающее их деятельность с точки зрения истинного византийца, с нескрываемой антипатией относившегося к своей пастве.

В "Житии Климента" удивительно уживаются болгарофобия с преклонением перед Солунскими братьями и уважением к их любимому ученику. В качестве источников Феофилакт использовал несохранившиеся славянские тексты и устные предания, поэтому достоверные сведения часто соседствуют с вымышленными. Говоря о создателях славянской азбуки, на первое место он ставит Мефодия, а уже потом - Константина Философа, которого он характеризует как человека, который "был велик в языческой философии, а еще больше в христианской и познал истинную природу вещей".

Существует еще один, более поздний, византийский памятник, свидетельствующий о Константине Философе и Мефодии, - так называемая "Охридская легенда". Это - краткое житие Климента Охридского, составленное известным византийским писателем Дмитрием Хоматианом в первой половине XIII в. При его создании было использовано пространное "Житие Климента" Феофилакта Охридского, однако, в нем сообщаются сведения, которые отсутствуют в других письменных источниках. Относиться к ним необходимо с осторожностью, поскольку в своем повествовании он допускает ряд очевидных ошибок.

Помимо этого в славянских списках сохранилось произведение, в котором многие исследователи видят сочинение самого Константина Философа, созданное им на греческом языке. Это - "Слово на обретение мощем преславнаго Климента, историческую

имуще беседу", так называемая "Корсунская легенда". В нем описывается обретение и перенесение из моря в Херсонес Таврический мощей замученного там одного из первых римских пап Климента. Активным участником их поиска был сам Константин во время хазарской миссии. В течение длительного времени "Слово" не вызывало особого доверия и интереса. Положение изменилось, когда в 1892 году было опубликовано латинское письмо Анастасия Библиотекаря Веллетрийскому епископу Гаудериху, в котором он сообщает сведения, сходные с повествованием "Слова". Он пишет, что Константин Философ создал три произведения, посвященные открытию мощей св. Климента Римского. Это - "Краткая история" (*Brevis historia*), "Похвальное слово" (*Sermo declamatorius*) и небольшой гимн, который изучался в греческих училищах. Анастасий по просьбе Гаудериха перевел на латинский язык "Краткую историю" и "Похвальное слово", а гимн он перевести не смог, потому что "латинский перевод имел бы в одном случае меньше, в другом - больше слогов, и это нарушило бы музыкальную созвучную гармонию". Видимо, гимн был написан в жанре придворной византийской поэзии, в которой был важен принцип равного числа слогов в строке. Гимн пока не найден, а в славянском "Слове на обретение мощем преславнаго Климента" исследователи видят перевод греческого текста "Краткой истории" и "Похвального слова". В нем Константин Философ, из скромности не упоминая свое имя и заслуги, описывает событие, очевидцем которому он был.

Наиболее важные документальные свидетельства о Константине и Мефодии сохранились на латинском языке. Это - послания (буллы) римских пап Иоанна VIII (872-882 гг.) и Стефана V (885-891 гг.) по поводу миссионерской деятельности Константина и Мефодия в подвластных им землях, а также письмо архиепископа Теотмара Зальцбургского и других представителей баварского духовенства к папе Иоанну IX (900 г.). Сохранилось и более раннее сочинение - анонимный памфлет "Обращение баварцев и хорутан", созданный в 871 году группой немецких священников. Причиной его создания было их возмущение тем, что "некий грек по имени Мефодий" явился в Зальцбургскую епархию, заселенную славянами, с текстами священных книг на славянском языке, подрывающими авторитет Римской церкви, которая предписывает совершать богослужение только на латыни.

Однако, помимо негативных характеристик деятельности Константина и Мефодия со стороны провинциального немецкого духовенства, на латинском языке существуют письма одного из приближенных папы, образованнейшего человека своего времени Анастасия Библиотекаря. Он лично знал Константина во время пребыва-

ния славянского первоучителя в Риме и восхищался его ученостью и высокими качествами характера.

Ценный материал также содержится в сочинении епископа Веллетрийского Гаудериха "Житие и перенесение мощей св. Климента", т.н. "Итальянской легенде", написанной в 70-е гг. IX в. Предшественником Гаудериха на епископской кафедре в г.Веллетри, находящегося недалеко от Рима, был св. Климент, впоследствии римский епископ, мощи которого открыл и перенес в Рим Константин Философ. Решив составить жизнеописание небесного патрона своей епархии, Гаудерих обратился к Анастасию Библиотекарю, знавшего Константина, с просьбой сообщить известные ему сведения. Из писем Анастасия к Гаудериху и сочинения самого Гаудериха нам становятся известны подробности миссионерской деятельности Константина и Мефодия. Сведения Итальянской легенды приобретают особую ценность также потому, что при ее написании Гаудерих использовал самую раннюю редакцию Жития Константина, написанную до создания Жития его брата. В ней, как уже было упомянуто, содержится ряд сведений, перенесенных позднее из Жития Константина в Житие Мефодия. Часть из них не совпадает с данными сохранившихся редакций Житий.

Все эти материалы вместе взятые позволяют составить более или менее достоверное представление о первых славянских просветителях и создателях славянской азбуки, об обстоятельствах, связанных с начальными этапами существования славянской письменности и становления нового литературного языка. В целом, сохранившиеся источники показывают, что жизнь и деятельность Константина и Мефодия произвели сильнейшее впечатление на их современников, как сторонников, так и противников. Первые славянские просветители Константин и Мефодий на протяжении последующих веков воспринимались как символ славянской общности. Память о них и о созданной ими письменности хранилась у славянских народов, включая и тех, кто под влиянием Римской церкви сменили ее на латинскую.

* * * * *

Стены Солунской крепости

Судьба Константина и Мефодия сложилась благоприятно для того, чтобы подготовить их к просветительской деятельности у славян. Мефодий (815-885 гг.) и его младший брат Константин (827-869 гг.) родились в греческом портовом городе Фессалоники (ныне Солоники) - втором по величине городе Византии. Он был известен среди балканских славян под названием Солунь, отчего братьев часто называют Солунскими братьями. Уже с конца VI века известны набеги славянских варварских племен на город. Однако, захватить его им никогда не удавалось. Со временем славяне осели вокруг Солуни и даже стали городскими жителями. Братья с детских лет были знакомы с тем болгаро-македонским диалектом славянского языка, на котором говорила часть населения города и его окрестностей. Согласно "Житию" Мефодия, император Михаил, объясняя братьям выбор их в качестве миссионеров, сказал: "Вы оба солуняне, а все солуняне хорошо говорят по-славянски".

Их отец, по имени Лев, был греком и занимал высокое социальное положение: он был крупным византийским военачальником - друнгарием. У него была жена Мария и семь детей. Некоторые исследователи видят в Марии славянку, некоторые - представительницу аристократического греческого рода. Однако ни одна из этих точек зрения не имеет доказательств. Исследователи также подвергают сомнению число детей в семье Льва. Число семь имеет сакральное значение, и могло быть внесено в Житие произвольно.

Дети получили хорошее образование. Старший из семи братьев известен нам по монашескому имени Мефодий (предполага-

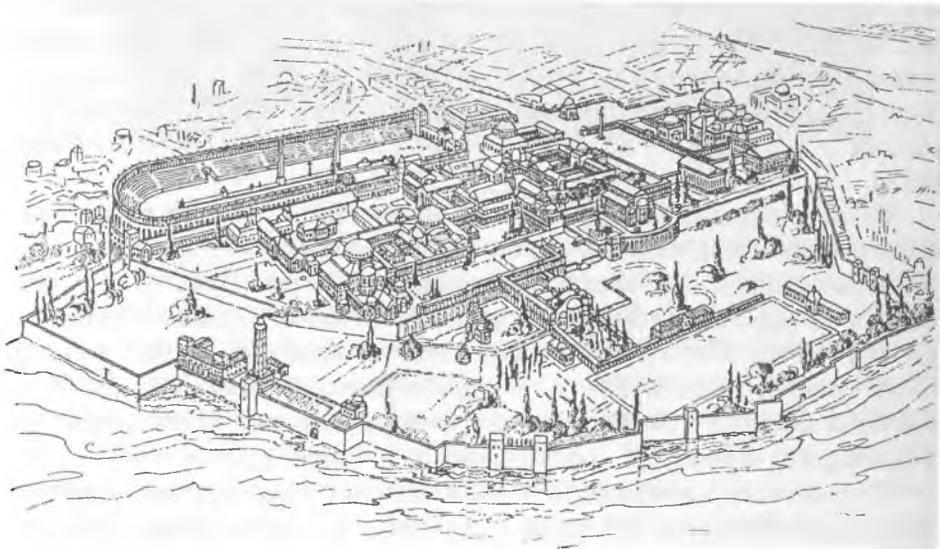
ют, что имя, данное ему при рождении, - Михаил). В 833 году ему исполнилось восемнадцать лет. Согласно принятому обычаю, он поступил на военную службу, которая проходила, видимо, в столице, на виду у императора Феофила. У Мефодия рано обнаружились административные способности, и около 835 года он был назначен военачальником ("воеводой") одной из славянских областей. Подобные славянские области, или "архонтии", входили в состав Византийской империи, но еще не были полностью подчинены ее системе военно-административной организации. На должности архонтов, т.е. правителей этих областей, могли быть назначены представители местной славянской знати, однако Империя старалась заменить их византийскими военачальниками. Одним из них в то время и был Мефодий. За десять лет своего правления он смог хорошо изучить славянский язык. После ухода с императорской службы он оставил мирскую жизнь, постригся в монахи и постригся в один из монастырей на горе Олимп (Малая Азия).

Самый младший из братьев, Константин, с детства выделялся своими способностями. Он рано научился читать и удивлял всех своей начитанностью и способностью к языкам. Будучи подростком, он читал сложнейшие труды христианского философа Григория Богослова. Слух о его способностях достиг Константинополя. После смерти отца в 841 г. в судьбе четырнадцатилетнего Константина принял участие сам логофет (начальник императорской канцелярии) Феоктист, фактический правитель Византии.

Со смертью императора Феофила в 842 году при малолетнем императоре Михаиле III были назначены регенты - мать Феодора и ее брат, логофет Феоктист. Именно Феоктист, узнав об одаренном мальчике, вызвал его в Константинополь, "чтобы он учился вместе с императором". Скорее всего, на Константина, который был старше Михаила на четыре года, возложили миссию воспитателя и старшего товарища будущего императора. Логофет Феоктист остался доволен своим выбором. Константин же осуществил свое заветное желание получить всестороннее образование под руководством лучших наставников, в том числе и будущего знаменитого патриарха Фотия. Исследователи не пришли к единому мнению, где учился Константин: в высшем училище, расположенном во дворце Магнавра (иногда его называют Константинопольским университетом) или он прошел обучение не в особом государственном училище, а в частном кружке ученых, работавшем в Константинополе под покровительством логофета.

В Житии Константина об этом сообщается так: "За три месяца он изучил всю грамматику и взялся за другие науки. Изучил

Гомера, геометрию, и у Льва и Фотия изучил диалектику и другие философские учения, кроме того риторику, арифметику, астрономию, музыку и другие эллинские науки. И так он изучил все это, как не изучал этих наук никто другой". Свидетельством мудрости юного Константина является его ответ на вопрос логофета Феоктиста, "что есть философия? Он же (своим) искусным умом сразу ответил: "Знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к Богу, что учит человека делами (своими) быть по образу и подобию сотворившего его". И от этого (времени) еще больше возлюбил его и постоянно спрашивал его обо всем (этот) столь великий и честный муж".

Реконструкция большого императорского дворца

У Константина открывались блестящие перспективы, но он не стремился сделать административную карьеру. В его Житии описывается следующий эпизод: " Однажды логофет сказал Константину: "Твоя красота и мудрость вынуждают меня еще больше любить тебя. Я имею духовную дочь, которую я крестил, очень красивую и богатую, из хорошего и большого рода. Если хочешь, отдам тебе ее в жены. От императора ты получишь большие почести и княжение. Можно ожидать и большего - стратигом будешь." На это Философ ответил логофету: "Это большой дар для тех, кто его желает. Для меня же нет ничего выше учения. Хочу, накопив знания, искать чести и богатства своего прадеда". Услышав этот ответ, логофет пошел к императрице и сказал ей: "Юный философ

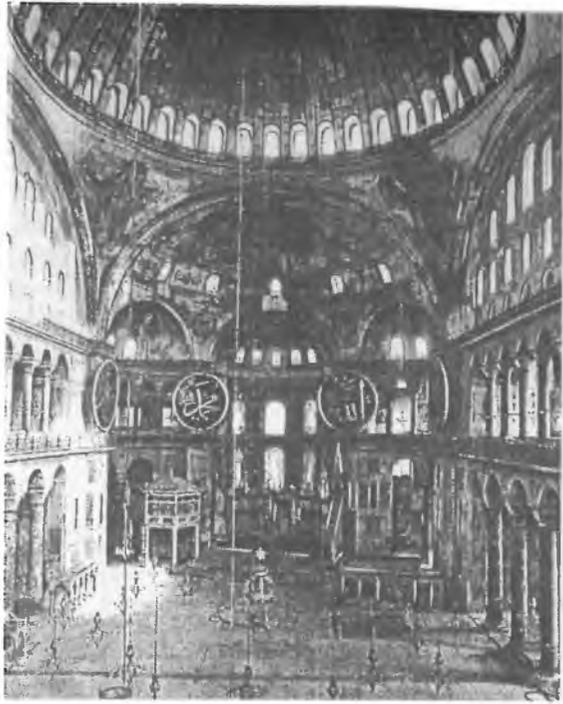
не любит этой жизни, но не отпустим его от нас. Пусть станет священником, дадим ему службу библиотекаря у патриарха в Святой Софии. Возможно, так удержим его". Так с ним и поступили".

Должность библиотекаря (хартофилакса, т.е. хранителя рукописей) главного патриаршего собора империи - Софии Константинопольской - была очень почетной и означала, что Константин должен был стать первым секретарем патриарха. Она была очень значимой, поскольку хартофилаксы замещал патриарха во всех важных делах управления церковью, когда тот не мог принять личного участия в них. Константин стал секретарем патриарха Игнатия.

**Константинополь (Стамбул).
Современный вид храма святой Софии (532-537 гг.)
с пристроенными к нему турецкими минаретами**

Необходимо отметить, что время, на которое приходится юность Константина и его первые серьезные шаги в жизни, было особым. Середина IX века - это время культурного подъема Византии и стабилизации внутренней жизни Империи после преодоления более чем столетнего раскола общества при иконоборчестве и восстановления иконопочитания в 843 г. Наиболее ярким признаком перемен было восстановление после перерыва в несколько веков деятельности так называемого Константинопольского университета. Усиливается интерес к античным авторам, переписке и изучению их текстов. Главное внимание уделяется лингвистичес-

**Современный интерьер храма св.Софии,
перестроенного в мечеть**

кому анализу древних текстов, исследованию особенностей их стиля и структуры. Наиболее яркими представителями этого направления были Лев Математик, возглавивший впоследствии университет, и видный чиновник императорской канцелярии, а впоследствии патриарх - Фотий. Именно они были учителями Константина. Константин не испытывал интереса к точным наукам, поэтому отношения со Львом могли быть формальными. Этого не скажешь о Фотии, с которым Константин был достаточно близок. Константин не мог остаться в стороне от того культурного направления, ведущим представителем которого был его учитель. А оно, в свою очередь, послужило поводом для критики политических противников Фотия, среди которых был и патриарх Игнатий.

Критика врагов Фотия была направлена против его занятий светскими науками, особенно против изучения текстов античных авторов. Создатель Жития Игнатия писал: "...вопреки евангельскому изречению - кто хочет быть мудрым в веке сем да будет неразумным - Фотий утвердил свое сердце и ум на гнилом и песчаном основании светской мудрости". Другие утверждали, что Фотий продал свою душу волхву-еврею за то, что тот научил его гаданию,

астрологии и эллинской науке. Конечно, все это было явным преувеличением. Фотий был не только знатоком древних авторов, но и крупнейшим православным богословом своего времени.

Все дело было в двух точках зрения на светскую науку и античное наследие, существовавших в то время в обществе. Одни считали, что знания и светские науки бесполезны для благочестивого человека, и даже вредны. Светская "мудрость", с их точки зрения, является препятствием к познанию высшего Божественного откровения, данного в Библии. Другие же, наиболее образованная часть общества, считали античное наследие и светскую науку необходимым предварительным этапом к восприятию высшей мудрости - теологии. Именно к знаниям испытывал тягу Константин Философ, поэтому он разделил точку зрения Фотия.

Именно под руководством Фотия проходило становление Константина Философа как крупнейшего ученого-филолога и теолога своего времени. Восприятие светской науки как подготовительного этапа к постижению богословия способствовало тому, что Константин, стремившийся стать монахом, получил великолепное разностороннее светское образование. Оно позволило ему осуществить историческую миссию создания славянской письменности. Помимо огромной эрудиции, в кружке Фотия Константин усвоил правила ведения полемики, основанной на терпимости к своему оппоненту и широте взглядов. Диспуты по самым различным проблемам получают широкое распространение не только в кружке, но и во всем обществе. После подобного обучения Константин становится выдающимся полемистом и оратором, чьи способности не раз использовались императором. Онигодились ему и в его просветительской деятельности у славян.

Из занятий с Фотием Константин вынес фундаментальные знания, широту воззрений, специальный интерес к филологии и искусство полемики. Однако, как считают ученые, нет оснований полагать, что именно в Фотиевском кружке зародилась идея создания специального славянского письма. Элита византийского общества, к которой принадлежали интеллектуалы Фотиевского кружка, исповедовали особую исключительность греческого языка и литературы и пренебрежение к культурной жизни других народов. Примером этой "надменной изоляции" был сам Фотий, который, будучи широко эрудированным, видимо, не знал никакого другого языка, кроме греческого. Таким образом, идея создания особой славянской письменности была результатом не особой ориентации византийской научной элиты, а следствием широких политических планов императора и византийской церкви, совпавших с областью научных интересов Константина.

Константин Философ, разделяя научные взгляды Фотия, видимо, не присоединялся к его политической группировке, борющейся за власть. Однако, во время исполнения им обязанностей хартофилакса и помощника патриарха Игнатия, активного врага Фотия и убежденного противника светских знаний, между Константином и Игнатием возникли, вероятно, серьезные разногласия. Через непродолжительное время после назначения его на должность хартофилакса Константин неожиданно, не предупредив никого, покидает Константинополь и тайно уезжает в один из монастырей Малой Азии. С большим трудом друзья отыскали его лишь через шесть месяцев. Согласно Житию, они "так и не могли склонить его вернуться на прежнюю должность, уговорили его взять кафедру и преподавать философию местным и иностранным ученикам со всеми обязанностями и доходами".

Несмотря на молодость, Константин занял кафедру философии, видимо, в той самой Магнаурской высшей школе, где он учился. Там же он получил имя "Философа". Оно является не только эпитетом, которым его наградили современники и потомки за мудрость и эрудицию, но отражением его реальной профессии - заведующего кафедрой философии в высшей школе Константинополя.

Диспут по вопросам веры и почитания икон.
Миниатюра Мадридской хроники Иоанна Скилицы,
2-я половина XII в.

К этому времени Житие относит его публичный диспут с бывшим патриархом Иоанном VII Грамматиком, который был лишен сана патриарха за иконоборческие взгляды. В Житии этот эпизод передан достаточно лаконично. Однако, существует специальное сочинение Константина Философа "Написание о правой вере", которое содержит целый раздел, посвященный иконопочитанию. Часть исследователей подвергают сомнению реальность подобного диспута: после восстановления иконопочитания в 843 году ни разу не вставал вопрос о возобновлении публичных споров с иконоборцами. Включение этого рассказа, как и описаний других религиозных диспутов, по их мнению, было призвано доказать не только высокую ученость Константина, но и его правоверие, которое распространялось и на созданную им азбуку. Однако, сама по себе полемика с иконоборцами продолжала оставаться актуальной на протяжении длительного времени. Сам патриарх Фотий писал антиконоборческие трактаты. Поэтому, возможно, что перед нами - отрывок из полемического сочинения Константина Философа.

Обмен письмами между византийским императором и халифом. Миниатюра хроникки Иоанна Скилицы, 2-я половина XII в.

Византийский император Михаил III (842-867 гг.) и его двор, видимо, быстро оценили выдающиеся способности Константина и стали направлять его в ответственные миссионерские поездки, имевшие не только церковное, но и политическое значение. Будучи еще молодым человеком, Константин принял участие в "сарацинской миссии": "...агаряне, называемые сарацинами, начали хулить божественное единство святой Троицы, говоря: "Как вы, христиане, утверждая, что Бог един, его же снова разъединяете

на три тверди: Отец, Сын и Святой Дух. Если вы можете это ясно объяснить, пришлите к нам таких людей, которые могли бы рассказать об этом и убедить нас". Поэтому император сказал Константину: "Слышишь ли, Философ, что говорят поганые агаряне против нашей веры? Так как ты слуга и последователь Святой Троицы, иди и воспротивься им". Согласно Житию, возглавил миссию к сарацинам, т.е. арабам, Константин, а в помощники он получил асикрита (дворцового секретаря) Георгия.

Однако, византийские источники ничего не говорят о сарацинской миссии. Помимо этого противоречие содержится в самих Житиях. В кратком проложном Житии Константина и Мефодия вопреки пространному Житию Константина говорится, что в сарацинской миссии принимал участие и Мефодий. Тем не менее, нет причин сомневаться в реальности этого события и участии в нем Константина, поскольку существует достоверный источник, свидетельствующий об этой миссии. Это - хроника арабского писателя Абу-Джафар Табари (839-923 гг.). Он освящает ее с совсем другой точки зрения, однако, нет сомнения, что речь идет об одном и том же событии.

Захват арабами Фессалоник.
Миниатюра Мадридской хроники Иоанна Скилицы,
2 половина XII в.

Оно произошло во время одного из перемирий между византийцами и арабами в 855-856 году. По данным хроники, миссию возглавлял не молодой Константин, а занимающий высокое положение при дворе асикрит Георгий. В ее состав входило около пятидесяти вельмож со своими слугами. Цель миссии - обмен пленными. Свидетельства Жития Константина и хроники вовсе не противоречат друг другу. Видимо, у миссии было несколько целей: Георгий занимался обменом пленников на берегах реки Ламуса в Киликии, Константин в это время решал богословские вопросы

в Багдаде. Хрониста в этом случае интересовали политические вопросы, писателя Жития - сведения о "своем" святом.

Сарацинская миссия в Житии Константина описывается подробно, сообщается множество деталей диспута. По словам Жития, Константину Философу не составило труда одержать верх над мусульманскими оппонентами. При этом он обнаружил хорошее знание Корана. Но после рассказа об успешном завершении миссии и возвращении Константина домой в феврале-марте 856 года изложение событий становится предельно кратким и не всегда мотивированным.

"Прошло немного времени и Константин, отрехшись от всего на этом свете, поселился в одном месте, посвятив себя только самосозерцанию. Он ничего не оставил себе на завтрашний день, раздав все нищим, предоставив заботу о себе Богу". Случилось так, что в праздничный день ему и его слуге нечего было есть, и только чудесное приношение пищи неизвестным спасло их от голода. "И тогда Константин вознес молитву Богу за все это. Затем он отправился на Олимп к своему брату Мефодию и здесь начал жить, непрестанно молясь Богу, беседуя только с книгами". Все это мало напоминает тот образ жизни, который вел Константин в университете, когда многие влиятельные люди искали его общества.

Видимо, столь резкие перемены связаны с государственным переворотом 856 года. Был убит покровитель Константина логофет Феоктист, императрица Феодора была заточена в монастырь, власть перешла к дяде Михаила III Варде. Константин, как близ-

**Убийство Вардой императора Михаила III.
Миниатюра Мадридской хроники Иоанна Скилицы,
2-я половина XII в.**

кий Феоктисту человек, мог быть подвергнут изгнанию, уволен из университета, лишен средств к существованию. В монастыре он мог найти пристанище, как и многие государственные деятели, чья политическая карьера в то время внезапно обрывалась. В монастыре на горе Олимп он провел со своим братом Мефодием около пяти лет. Чем он был занят в это время - не известно. В одной из рукописей с Житием Константина существует добавление: к сообщению, что Константин "только с книгами беседовал", приписано "ночь и день весь с братом своим в них упражнялся". Несомненно, что в монастыре Константин занимался научной и литературной деятельностью. У нас нет фактов, подтверждающих, что именно в это время он начал работу по созданию славянской азбуки. Однако, по мнению многих исследователей, эта работа требовала большого времени и значительных усилий и могла быть начата именно тогда.

Несмотря на близость Константина к убитому Феоктисту и постриженной в монахини императрице Феодоре, из-за чего, вероятно, Константин был удален от двора, он был тесно связан и с сохранившим свой трон Михаилом III, и с патриархом Фотием. Поэтому через пять лет, в 860 году, Константин вновь начинает играть заметную роль в византийской дипломатии. Согласно Житиям Константина и Мефодия, на Константина Философа была возложена хазарская миссия, посланная по просьбе хазарского кагана с целью доказать преимущества христианства перед иудаизмом и мусульманством.

"Тогда стал искать цесарь Философа и, когда нашел его, рассказал ему о хазарском деле, говоря: "Иди, Философ, к людям

Обмен посольствами между византийским императором и халифом. Миниатюра Мадридской хроники Иоанна Скилицы, 2-я половина XII в.

тем, дай им ответ и поведай о Троице Святой с ее помощью, ибо никто другой не может этого достойно совершить". Он же сказал: "Если велишь, государь, с радостью иду на дело и босой и пеший и не взяв ничего, что бог не велел ученикам своим носить (с собой)". Ответил же цесарь: "Если бы хотел так сам для себя сделать, то верно бы мне сказал, но, зная власть и достоинство цесарево, достойно ступай с царской помощью", - так передает Житие Константина диалог с императором. Готовность Константина к любым условиям миссии и покровительственное заявление об императорской помощи в ней может лишний раз свидетельствовать о предшествующей этому поручению опале Константина.

Из Житий следует, что миссия была послана императором без участия Фотия, однако в Итальянской легенде, созданной на основе ранней редакции Жития Константина говорится, что "император, посоветовавшись с патриархом, призвал к себе упомянутого уже Философа и вместе с хазарскими посланниками и своими участниками миссии торжественно его послал в Хазарию, так как полностью доверял его мудрости и красноречию".

Исследователи не раз подвергали сомнению подробности хазарской миссии, сообщаемые Житием. Прежде всего, не ясна настоящая цель миссии. Согласно Житию, хазары стояли перед выбором веры. "Вашего совета спрашиваем и просим от вас мужа книжного. Если переспорит евреев и сарацин (т.е. иудеев и мусульман - Е.У.), то примем вашу веру". Однако, как известно, хазары, по крайней мере вся правящая верхушка и знать, к началу IX века уже приняли иудаизм, и поэтому доказательства правоты христианства для них были неактуальными. Неправдоподобной выглядит вся речь хазарских послов, изложенная в Житии, в которой от имени кагана обычаи собственного народа были названы "постыдными", а греки названы "великим народом", которые имеют "царство от бога". Последнее высказывание отражает взгляд византийца, а не мнение хазарского кагана, и свидетельствует о влиянии византийской идеологии на учеников Константина и Мефодия, которыми были написаны Жития первоучителей.

Исследователи, сомневающиеся в достоверности сообщенной в Житии цели хазарской миссии, пытаются найти другие причины для поездки Константина. Одни из них считают, что ее цель была в улучшении положения христиан в Хазарии после принятия каганом и знатью иудаизма. Известно, что среди населения исповедующих иудаизм в это время было немного, а христианская община была большой.

**Осада русами Константинополя.
Миниатура Радзивилловской летописи, конец XV в.**

Другие ученые, признавая важность этого мотива, полагают все же, что главная цель была иной. Византия была обеспокоена активизацией "русов". После их удачного похода на Константинополь в 860 году, когда император вынужден был откупиться от них богатыми подарками, Византия искала политического сближения с Хазарией и ее поддержки в борьбе с новыми варварами. К северу

Крепостная стена Константинополя со стороны моря

от Византии пролегал крупнейший торговый путь из Азии в Европу. Усиление там новых воинственных славянских племен нарушало сложившееся политическое равновесие. Предположение о подготовке нового военно-политического союза против русов косвенно подтверждается ответом кагана: "Все мы - друзья и приятели твоего царства и готовы идти на службу твою, куда захочешь". Кроме этого показательно, что хазарская миссия была направлена из Константинополя в 860 году, сразу после перемирия с русами.

Согласно Житию, Константин возглавил миссию. Однако, косвенные данные говорят о том, что во главе миссии стояло другое лицо. "Когда же пришли туда, где должны были сесть за обеденный стол у кагана, его спросили: "Каков твой сан, чтобы мы могли посадить тебя согласно твоему положению?". Если бы Константин был официальным главой миссии, он представлял бы императора. В этом случае у хазар не могло бы возникнуть затруднений относительно его положения и формальностей, с этим связанных.

Не совсем выясненным остается вопрос об участии Мефодия в хазарской миссии. Итальянская легенда ничего не говорит об этом. А проложное Житие Мефодия сообщает не только об участии его в миссии, но и причину, по которой его взял Константин: "Кирилл же уговорил своего брата идти с ним, потому что тот знал славянский язык". Это сообщение имеет очень большое значение. Видимо, Хазарская миссия каким-то образом у Константина была связана со славянами. Кроме того, это уже не первое сообщение о хорошем знании Мефодием славянского языка. Сохранились свидетельства о том, что сочинения Константина с греческого на славянский переводил именно Мефодий. Помимо всех его достоинств, во время миссии он "служил меньшому брату как раб". Именно так говорится о нем в его Житии.

Перед ответственной встречей с каганом и иудейскими философами Константин всю зиму 860/861 года провел в Корсуни (Херсонесе, на месте современного Севастополя) - самом крупном византийском городе в Северном Причерноморье. Херсонес был форпостом Империи на границе с варварами и располагался на пути к хазарам. По мнению большинства исследователей, он готовился к диспуту у кагана и изучал еврейский язык и ветхозаветные тексты. Он знал Библию только в греческом переводе, а для успеха в диспуте необходимо было оперировать текстами оригинала. В Херсонесе была большая еврейская община, где Константин нашел учителя и в короткий срок овладел языком. "Тогда же пустился в путь и, когда дошел до Херсона, научился здесь еврейской речи и письму, переведя восемь частей грамматики, и воспринял от этого еще большее знание".

Остатки древнего Херсонеса

Менее правдоподобно следующее сообщение Жития: "Жил там некий самаритянин и, приходя к нему, беседовал с ним, и принес самаритянские книги, и показал ему. И выпросив их у него, Философ затворился в доме и отдался молитве, и, приняв знание от Бога, начал читать (эти) книги без ошибок. Увидев это, самаритянин возопил великим гласом: "Воистину те, кто веруют в Христа, скоро и дух святой и благодать обретают". А когда сын его вскоре крестился, тогда он и сам крестился после него".

Самаритяне принадлежали к семитской этнической группе и в период раннего средневековья селились на ближнем Востоке: Египте, Сирии, Месопотамии. Данных о поселениях самаритян в Крыму нет. Еще в VII веке до новой эры они стали использовать в разговоре арабский язык. Сведений же о его знании Константином также не существует. В кратком проложном Житии Константина говорится о том, что, кроме славянского, он владел еще четырьмя языками: греческим, латынью, еврейским и сирийским. Все это вместе взятое заставляет подвергать сомнению реальность данного эпизода. Кроме того, для жанра житий свойственны рассказы об испытаниях, преодоленных святыми с Божественной помощью. После них обычно те, кто их испытывал, принимают крещение, пораженные чудом.

Однако, самые большие споры вызвало следующее сообщение Жития: "нашел же здесь евангелие и псалтирь, написанные рус-

кими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога". Известие о существовании у славян письменности до изобретения азбуки Константином породило среди исследователей массу догадок и различных толкований этого текста. Их обзор мы дадим в специальной главе. Здесь же лишь отметим, что наиболее вероятным объяснением является то, что первоначально на месте "рускими" было написано "сурскими", т. е. сирийскими, а затем буквы были переставлены и, быть может, не без умысла. Часть ученых считает, что речь в этой части Жития идет вообще об изучении Константином восточных языков: еврейского и сирийского. Из краткого Жития Константина мы знаем, что он действительно знал сирийский язык. К тому же, для того чтобы читать сирийские тексты необходимо, действительно, уметь "различать буквы гласные и согласные", поскольку в сирийском алфавите для гласных нет специальных букв. Гласные звуки обозначались особыми значками то над согласными, то под ними.

Помимо изучения языков, в Херсонесе произошло еще одно событие, имевшее большое значение для последующей деятельности Константина. Им было обретение мощей римского папы Климента, который, согласно легенде, был замучен и утоплен в Херсонесе в конце I века н.э. Более того, мы придерживаемся мнения,

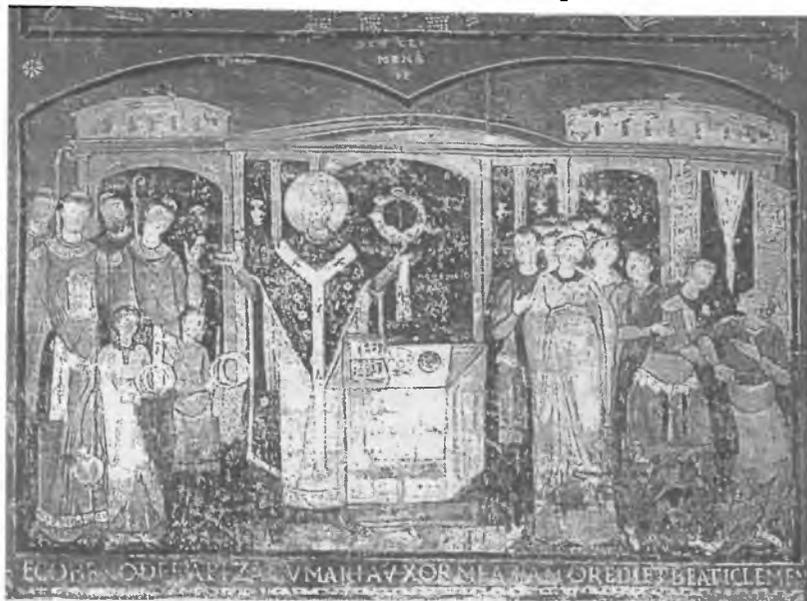
что именно поиск мощей и организация их торжественного обретения объясняют пребывание Константина столь длительное время в Херсонесе.

Достоверных сведений о четвертом римском епископе, который позже стал называться папой, почти нет. Его пытаются отождествить с другими историческими лицами, носившими имя Климент, однако, ни одна из попыток не является убедительной. Скорее всего, прав был церковный историк IV века Евсевий, когда писал о нем, как о мирно почившем в Риме

**Св.Климент, папа Римский.
Мозаика храма святой Софии в
Киеве, середина XI в.**

и оставившем себе преемника. На долгие столетия о нем забыли. Однако позже, быть может только в VIII или даже IX веке, была сочинена легенда о его мученичестве в Херсонесе.

**Св.Климент совершает литургию в Риме. Чудо с Сисинием.
Фреска церкви св.Климента в Риме, XI в.**

Согласно ей, в конце I века Климент был главой христианской общины в Риме. Поскольку христианство отрицало официальную религию, оно подвергалось гонениям со стороны властей. Климент был из знатного рода, поэтому, когда о его отступничестве донесли императору, он получил возможность доказать свою лояльность властям: он должен был принести жертвы "кумирам", иначе его ждала ссылка на окраины Империи, граничащие с варварами. Климент выбрал ссылку и отправился в Херсонес.

Согласно легенде, в Херсонесе он был с радостью встречен высланными задолго до него христианами, работавшими в мраморных каменоломнях. (Надо заметить, что месторождений мрамора в Херсонесе нет и никогда не было. Более того, в конце I в.н.э. эта территория только начинала попадать под влияние Римской империи, которая в то время не могла не только организовать массовые работы ссыльных, но и непосредственно контролировать территорию при помощи постоянно присутствующего там войска). Климент стал духовным наставником сосланных и начал постепенно обращать в христианство местное языческое население. Узнав о том, что рядом с каменоломнями нет воды, и христи-

ане мучаются от жажды, Климент, по видению божьему, указал место, где надо рыть землю. Из нее забил спасительный источник. Услышав об этом чуде, местные жители с еще большей охотой стали приходиться к Клименту и принимать крещение.

Слух о проповеднической деятельности Климента в Херсонесе достиг Рима. Приехавший туда для искоренения христианства римский военачальник также, как и в первый раз, предложил Клименту отречься от Христа и принести жертвы официальным богам. Климент отказался, и тогда его бросили в море с якорем на шее, чтобы христиане не смогли почитать его останки как святого мученика. Паства Климента и его близкие ученики, видевшие с берега смерть святого, взмолились Богу о том, чтобы тот позволил им обрести его останки. И тогда произошло чудо: море расступилось, а на месте гибели святого верующие нашли мраморный храм, в котором лежало тело св. Климента. Одному из учеников было видение св. Климента, который запретил забирать свое тело. Оно должно было остаться под водой, а каждый год, в день его смерти, море на семь дней будет расступаться и открывать доступ верующим для поклонения мощам.

Эту легенду привез Константин в Херсонес, где о св. Клименте никто не знал. Приехал же он с целью найти мощи святого. Этому событию придавали большое значение не только в Херсонесе, но и в Константинополе. В середине IX века в связи выходом Византии из экономического кризиса и восстановлением в церковной жизни иконопочитания, возникла необходимость укрепления всей церковной организации, в том числе и на окраинах. Не был исключением и Херсонес. Более того, в Константинополе могли существовать особые планы, связанные с открытием мощей св. Климента и, быть может, их определило осознание уже в то время предстоящей славянской миссии Константина и Мефодия.

Ведь изобретение новой азбуки и перевод на славянский язык Священного Писания, которые, видимо, задолго до просьбы славян обдумывались Византией, было, с точки зрения догматической и политической, очень непростым делом. "Как можно на воде слова писать, не приобретя имени еретика!" - воскликнул Константин Философ, когда узнал, что у славян нет "букв для языка своего", и что ему придется не только переводить книги, но и создавать новую азбуку. Помимо этого, земли славян находились в сфере влияния Рима, и Константинополь не хотел обострять и без того сложные отношения с ним. Поэтому мощи одного из самых первых и очень почитаемых римских епископов, который, по преданию, был учеником св. Петра, основателя Римской церкви, были очень важны для миссии к славянам.

Для Константинополя обретение в Империи мощей одного из самых значимых для Римской церкви епископов могло быть более важным событием, чем для Херсонеса, однако, с официальной точки зрения, его инициатором должен был быть именно Херсонес. Поэтому в "Слове на перенесение мощей св. Климента", помещенного в древнерусском Прологе, говорится о просьбе главы города Никифора и херсонесского епископа Георгия о содействии в обретении мощей св. Климента. Для подтверждения "истинности" мощей необходима была своего рода церковная комиссия, которую должен был выслать патриарх. В Херсонес был направлен весь хор Великой Софии Константинопольской - главной церкви Империи. Это свидетельствует о том, что обретение мощей Климента в глазах патриарха и императора имело большое значение. Естественно, что Константин, который был лишь священником, не мог возглавить эту миссию, как об этом сказано в его Житии.

Однако, сообщение латинских источников об исключительных заслугах самого Константина тоже вполне правдоподобно. И дело не только в том, что он принес в дар мощи в Рим, он был участником и свидетелем истинности прославления святыни, он описал эти торжества. Возможно также, что в столице именно Константин был инициатором обретения мощей или принимал в подготовке этого события очень деятельное участие. Из письма Анастасия Библиотекаря следует, что Константин разыскал "многие книги о страданиях, чудесах и писаниях блаженного Климента", а также о его храме и о "местонахождении самого Климента по отношению к храму". Их он показывал местному епископу, клиру и народу, чтобы вдохновить их на поиски мощей.

Видимо, на Константина было возложено историческое обоснование обретения мощей в Херсонесе. Ведь через три года он возглавит очень непростую моравскую (славянскую) миссию. По мнению некоторых ученых, "деятели римской курии, торжественно встретившие его, не сомневались, что он привез в Рим подлинные мощи высоко почитавшегося здесь святого. И это автоматически освящало в их глазах всю его просветительскую деятельность, включая изобретение славянской азбуки (что в этих условиях приобретало характер такого же божественного откровения, как и обретение святых мощей) и перевод на старославянский язык книг священного писания".

Обретение мощей было проведено в соответствии с обрядами Великой Софии. Об этом свидетельствуют участие в нем хора Софии Константинопольской и упоминание в "Слове на перенесение мощей", содержащем "Краткую историю" Константина, песенного последования (особого вида проведения богослужения). Основ-

ная часть описываемого события представляла собой по существу литанию (от греч. *λίτη* - усердная молитва) - крестный ход к святыням, расположенным в отдалении от основного храма. Он был перенят Великой Софией из практики Святогробской Иерусалимской Церкви и широко распространен. Он носил как праздничный характер, так и умиловительный по случаю различных общественных бедствий. Возможно, существовал особенный чин открытия и перенесения мощей святого, однако текстов, его описывающих, не сохранилось.

**Крестный ход в Константинополе.
Миниатюра Мадридской хроники Иоанна Скилицы,
2-я половина XII в.**

Общей чертой всех литаний было пение в начале ее тропаря или стихирь празднику, которому литания посвящена. В "Слове на обретение мощей" именно так и говорится: "от пристанища исходяще, молитвена же бе песнь, сице глаголюще: "Не отврати ны посрамлены...". Выйдя из храма, процессия направилась с "пением" к острову, где предполагалось найти мощи. Под "пением" подразумеваются псалмы и тропари празднику. Надо заметить, что в процессии наряду с церковным клиром принимали участие, вероятно, только немногие избранные горожане, "етери от теплых".

Подойдя к острову, было совершено "усердное моление" (лития). Теоретически, здесь должен был прочитан ряд молитвословий, состоящий из общего прошения и частных молитв. В "Слове" упоминается молитва св. Клименту "Отче! весть Бог ..." и пение 2-го псалма, парафраз из 11 стиха которого был дан как описание состояния присутствующих: "бе же сице: страхом Божиим и трепетом одержими и слезами". Затем, молящиеся пришли к тому

месту, где должны были лежать мощи святого. Там они совершили начальную часть утреннего богослужения.

После этого начались активные поиски мощей св. Климента, сопровождаемые исполнением кондакарного пения. Во время исполнения 33 псалма, составлявшего 16 антифон псалтыри, была обретена голова св. Климента, а затем и все его останки и якорь, с которым, согласно преданию, он был утоплен.

**Открытие мощей св.Климента, папы Римского, в Херсонесе.
Фрагмент миниатюры Менология императора Василия II,
конец X в. (порись П.Мильковик-Пепек)**

Увидев, что поиски увенчались успехом, все присутствующие восслали "хвальну песнь Богу", т.е. совершили благодарственный молебен. Когда же настало время совершения литургии, архиерей, не имея возможности ее совершить при отсутствии алтаря, "за подобие такая службы" возложил на голову себе раку с мощами и отнес на корабль. На нем раку повезли в Херсонес, а оставшаяся процессия направилась обратно пешком, распевая церковные гимны.

Отойдя от острова десять стадий (около двух километров), они, видимо, подошли к городу и увидели огни множества свечей. Это городской правитель Никифор вышел с праздничным шествием встречать мощи. Все вошли в город, и Никифор приготовил торжественную встречу кораблю с ракой. Встретив с почестями мощи св. Климента, он "умолил" поставить их на "мало время" на "ново-

созданем столпе града", который был возведен "во имя святого Климента" и там "слово приношению почести". Под городским "столпом" подразумевается только что построенная башня в оборонительной стене города, которую правитель хотел освятить мощами святого. Поэтому он просил архиереев хоть на короткое время оставить их там и устроить чествование, на котором предполагалось чтение похвального слова Клименту (которое, возможно, было написано Константином Философом) .

С наступлением вечера собралось огромное количество народа, "множество же много", и было "неудобь донести на место блаженую раку", что не входило в планы официальных лиц из Константинополя. Поэтому Никифор второй раз "молил" архиереев и, быть может, присланных из Константинополя на торжества высоких чиновников, перенести мощи по городской стене вначале в храм св. Созонта, который был рядом со стеной, "близ забрал". В первую стражу ночи (от 7 до 9 часов вечера по современному счету), когда народ успокоился и разошелся, "безмолвию бывшу", архиерей с приближенными перенесли, раку с мощами св. Климента в храм св. Леонтия. Там присутствующие священники и архиереи, а также хор Великой Софии, отслужили всенощное бдение. На утро при стечении народа в церковь св. Леонтия была совершена праздничный крестный ход в пределах города, литургия и водосвятие мощами св. Климента.

После обретения в конце января мощей св. Климента Константин, согласно сообщению Жития, отправился к хазарам. Целых две главы посвящены диспуту Константина с иудеями, язычниками и магометанами. По свидетельству самого автора Жития, эта запись представляет собой сокращенное изложение сочинений Константина, переведенных на славянский язык его братом Мефодием. Не исключено, что в данном случае перед нами полемическое сочинение Константина, направленное против иудейской религии, а не запись действительно имевшего место диспута.

При обсуждении вопросов вероучения и обрядов он проявил глубокую богословскую подготовку, блестящую эрудицию, сильную логику и находчивость. Все его оппоненты были посрамлены. Каган послал письмо императору Византии, в котором благодарил его за столь ученого мужа, разъяснившего им истинную веру. "И познали, что это - вера истинная, и повелели, чтобы тот, кто хочет крестился, надеясь, что и мы к тому же придем. Все мы - друзья и приятели твоего царства и готовы (идти) на службу твою, куда захочешь". При расставании каган хотел богато одарить Константина, однако тот в награду попросил лишь пленных греков.

Каган отпустил с ним пленников, и Константин отбыл в Херсонес, а затем в Константинополь.

Рассказ о завершении хазарской миссии крайне противоречив. После заявления первого советника кагана о превосходстве христианской веры над остальными религиями и о том, что "без нее никто не может жить жизнью вечной", следовало бы ожидать решения о принятии каганом и всеми его подданными христианства. Однако за этим последовало лишь разрешение хазарского кагана креститься всем, кто захочет. Крещено же было Константином всего 200 человек. Такое противоречие, видимо, возникло из необходимости согласовать окончание положенной в основу этого сюжета полемической речи (или специального произведения) Константина, которое должно было обязательно закончиться утверждением торжества христианства, с реальными результатами хазарской миссии. Как уже было сказано, целью миссии Константина не мог быть лишь диспут о вере, поскольку хазарские правящие круги выбор религии сделали задолго до этого. Основная цель миссии была политической и могла заключаться в установлении политического и военного союза в борьбе против "русов".

К тому же она могла преследовать цель улучшения положения христиан в Хазарии после принятия каганом и знатью иудаизма. Известно, что среди населения исповедующих иудаизм в это время было немного, а христианская община была большой. И хотя арабские авторы сообщают о веротерпимости хазарского кагана, который разрешал принимать жителям каганата любую религию, хазарская миссия 861 года отправилась в Хазарию, вероятно, после каких-то конфликтов между ней и Византией. Об этом свидетельствует упоминание в Житии Константина о хазарском полководце, осаждавшем "христианский град" во время пребывания в Крыму Константина, а также о пленных греках, освобожденных по его просьбе каганом. Вероятно, во время этого конфликта проповедь христианства была запрещена. Новое сближение Хазарии с Византией, которое выразилось в обещании кагана оказывать помощь императору, сопровождалось отменой этого запрета. Этим и воспользовался Константин для возобновления попыток обращения хазар в христианство, результаты которых были довольно скромными.

Хазарская миссия вернулась в Константинополь осенью 861 года. Мефодий после возвращения был назначен настоятелем большого и богатого монастыря Полихрон на Олимпе. О Константине же скупо сообщается, что он снова "живяше без молвы" при церкви Двенадцати Апостолов. Вероятно, именно там на время была положена та часть мощей св. Климента, которую Константин

привез после их обретения в Константинополь. В "Слове на перенесение мощей", содержащемся в древнерусском Прологе сказано, что мощи после их обретения были положены в церкви Святых апостолов. Такая церковь не известна в Херсонесе, а в некоторых списках "Слова" прямо говорится о Константинопольской церкви.

Находясь там, Константин, овладевший в Херсонесе восточными языками, смог прочесть надпись на драгоценной чаше из хранилища храма св. Софии, которую до этого никто не сумел расшифровать. Однако, это не было главным. Возможно именно в то время Константин приступил к созданию славянского алфавита и переводу Евангелия и Псалтыри на создаваемый им новый литературный язык. Скоро ему предстояла еще одна миссия. На этот раз - моравская.

Византийская империя, Болгария и Великая Моравия в середине IX в.

Великая Моравия в середине IX была одним из крупнейших европейских государств. В ее состав входили Моравия, Словакия, Малая Польша, Лужица, земля бодричей. Столицей был город Велеград. В Великой Моравии к этому времени было введено христианство по римскому обряду. Богослужение проходило на латинском языке, которого местное население не понимало, а церковная власть находилась в руках баварского духовенства. Зависимость от него мешала моравскому князю Ростиславу проводить свою внешнюю и внутреннюю политику: в это время он вел борьбу с королем Людовиком Немецким, которого баварское духовенство поддерживало. В 863 году Людовик заключил союз с Болгарией, поэтому Ростиславу необходимо было найти союзника. Им стала Византия. Ростислав принимает решение о создании с ее помощью собственной церковной организации и о введении славянского языка в богослужение. Это должно было обеспечить ему независимость в вопросах идеологии.

Возможно, первоначально он обратился с подобной просьбой в Рим, но, видимо, не нашел там поддержки. Позже папа Адриан II писал Ростиславу: "Вы просили себе учителя не только у этого светлейшего престола, но и у благоверного императора Михаила. Император послал вам блаженного Константина Философа вместе с братом прежде, чем мы успели послать кого-либо".

В 863 году Ростислав обращается за помощью к византийскому императору Михаилу III. "Наши люди отвергли язычество, и придерживаются христианского закона, но мы не имеем такого учителя, который бы на нашем языке проповедовал истинную христианскую веру, чтобы, глядя на нас, и другие страны уподобились нам. Поэтому пошли нам, владыка, епископа и учителя

**Послы князя Ростислава у императора Михаила III.
Миниатюра Радзивиловской летописи, конец XV в.**

ПОСЪ ЛАСТА НЪ МОРА ВЪ КЪ
 ЦРЬЮ МНХАНОУ ГЛЮЩА
 ТАКО· ТАКО БЖИ КЮ МАТН
 ЮСЪ ДРАВНЕСЛЪ· НСОУТЬ
 ВЪНЪ КЪШЪ ЛНОУ Н ТЕЛЪ
 ЛМОЗН КРЪСТН НН· НЪЗЛА
 ХЪ ННЪ ПРЪКЪ· ННЪНЪ МЪЩ·
 ОУТАШЕНЪ РАЗАНУЪ· АМЪ
 СЛОВЪ НН ПРЪСТАДЪННЪ
 ИЛА МЪ· Н ЖЕ БЪЗНЪНА
 СТА КЛАЪ МАНСТН НОУНРА
 ЗОУЛЪ СЪ КАЗАЛЪ· ТО ДО
 БРЪТН ВЛАКО ПОСЪ ДН ТАКЪ
 МОУЖЪ НЖЕНЪ Н СПРАВН

Просьба князя Ростислава к
 императору Михаилу III
 прислать миссионеров. Из
 Жития Мифодия. Список XII в.

такого. От вас исходит добрый закон во все страны", - сообщает нам Житие Константина Философа.

Ростислав просит не просто проповедника, но епископа, который наладил бы и возглавил церковную организацию в Моравии. Византийский патриарх, не мог назначать епископов в земли, находящиеся под юрисдикцией римской курии. Поэтому он послал Константина, не наделенного официальными полномочиями.

Возможно именно поэтому не сохранилось никаких византийских документов, свидетельствующих об этой миссии.

"И цесарь собрав собор, призвал Константина Философа, дал знать ему об этом деле и сказал: "Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе туда идти, ибо дела этого никто совершить не может, только ты". Отвечал Философ: "Тело мое утомлено и я болен, но я пойду туда с радостью, если есть у них буквы для их языка". И сказал цесарь ему: "Дед мой, и отец мой, и иные многие искали и не обрели, как же я могу их обрести?" Философ же сказал: "Кто может записать на воде беседу и (кто захочет) прослыть еретиком?" Отвечал же ему снова цесарь с дядей своим Вардой: "Если захочешь, то может тебе дать (их) Бог, что дает всем, кто просит без сомнения, и открывает стучащим".

Так передает Житие Константина его разговор с императором, хотя вряд ли он был действительно таким. Константин Философ, один из образованнейших людей своего времени, хорошо знавший славянский язык, не мог не знать об отсутствии собственной азбуки и письменности у славян. К тому же подготовка поездки к славянам, началась, как мы предположили, значительно раньше.

Император совершенно определенно говорит, что эта проблема волновала не только его, но и его отца и деда. Предыдущие неудачные попытки создания славянской азбуки не случайно относятся к 20-40-м гг. IX века, когда Византии наконец удалось упрочить свою власть над славянским населением Македонии и

Греции. Они, несомненно, были связаны с организацией христианской миссии среди славян. Принятие ими христианства должно было прочно связать славян с Империей и покончить с их постоянными восстаниями против византийской власти. Константин продолжил предшествующую традицию, и его работа, как уже было сказано, началась задолго до посольства Ростислава. Несмотря на сообщение Жития о создании азбуки одним Константином, в нем косвенно говорится о наличии у него помощников: "Пошел же Философ и по старому обычаю стал на молитву и с иными помощниками. И вскоре открыл ему их Бог, что внимает молитвам рабов своих, и тогда сложил письмена, и начал писать слова Евангелия "Вначале было Слово..."

Диалог с императором, помещенный в Житии, видимо, должен был защитить Константина и его детище от обвинений в ереси, а также показать, что вся миссия была санкционирована императором, а не была собственной инициативой Константина. Именно этот отрывок дает современным исследователям один из основных аргументов концепции об отсутствии письменности у славян до Константина. Ведь здесь приводится обоснование необходимости введения азбуки у народа, который ее никогда не имел.

О попытках фиксации на письме звуков славянской речи говорит черноризец Храбр в своем сочинении "О письменах". Он пишет, что еще в период язычества славяне "чрътами и резами четеху и гатааху", т.е. считали (или читали) и гадали. Об этих "чертах и резах" высказывались самые разнообразные предположения. Никаких следов их не сохранилось, и можно предположить, что они имели очень ограниченные функции, т.к. славяне, крестившись и узнав латинский и греческий языки, стали их буквами "без устроения" пытаться записывать свою речь.

"Но как можно хорошо написать греческими буквами *Бог* или *живот*, или *дзело*, или *церковь*, или *чаяние*, или *широта*, или *ядь*, или *юность*, или *язык* и другие подобные им?". Здесь черноризец Храбр указывает слова в которых употреблялись звуки, отсутствующие в греческом или латинском языках: *б*, которой не было в греческом, *ж*, *дз*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, носовые и редуцированные (неполные) гласные. Поэтому в передаче этих букв царил произвол и хаос. "И так продолжалось много лет", - добавляет Храбр. Надо отметить, что судя по перечисленным словам, проблемы в написании возникали не только в христианских терминах, как это себе представляют некоторые ученые, но и в широко употребляемой бытовой лексике. Видимо, и для ее записи существовавших до Константина графических средств не хватало.

Перед Константином Философом и Мефодием стояли трудные задачи. Надо было не только придумать новые буквы, в том числе для специфических славянских звуков. Необходимо было продумать построение письменной речи, поскольку она не могла не отличаться от разговорного славянского языка, а также от построения греческого и латинского книжного языка. У славян не существовало достаточного числа слов и понятий, необходимых для правильной передачи Священного Писания. Они должны были быть специально созданы. К тому же, надо было в короткий срок перевести значительный объем текста на язык, никогда не имевший письменной литературной традиции.

Константином была создана азбука, названная впоследствии "глаголицей". Она учитывала все особенности звуков славянской речи. Создателями нового письменного языка были найдены возможности для передачи свойственной греческим текстам сложной структуры предложений средствами живой славянской речи. В основу перевода был положен тот славянский диалект, который был известен Константину и Мефодию - диалект славян, живших в крупном греческом городе Фессалоники. Часть терминов была заимствована из греческого языка, а часть - была создана специально для славянских переводов. До отъезда в Моравию был сделан перевод краткого Евангелия-апракос, употреблявшегося в богослужении.

Язык первых переводов Константина и Мефодия до нас не дошел. Самые ранние славянские рукописи относятся к концу X -

Константин Философ и Мефодий переводят книги на славянский язык. Миниатюра Радзивилловской летописи, конец XV в.

началу XI века. Более чем за сто лет, прошедших со времени первых переводов, славянский письменный язык претерпел значительные изменения. Они вносились в него как в Великой Моравии и Паннонии, так и позже - в Болгарии. Для определения языка переводов Константина и Мефодия требуется сложная реконструкция исследователями дошедших до нас текстов.

Через несколько месяцев после просьбы князя Ростислава, в конце 863 года, миссия во главе с Константином Философом направилась в Великую Моравию. Константин вез князю Ростиславу послание императора Михаила III, который очень высоко оценивал совершившееся событие. Он поздравлял князя с тем, что теперь моравский народ будет причислен "к великим народам, которые славят Бога своим языком". Дорога, которой миссия направилась в Моравию, проходила через Болгарию, вероятно, через города Ниш и Белград. Это был тот единственный случай, когда первоучители ступали на болгарскую землю, в которой изгнанная впоследствии из Моравии славянская письменность достигнет небывалого расцвета и прославит имена Солунских братьев.

Ростислав устроил византийцам торжественную встречу. Наступил самый важный период деятельности Солунских братьев и их учеников, продолжавшийся, по данным Жития Константина, сорок месяцев, до начала весны 867 года. Однако, Житие о нем почти ничего не сообщает. Где жили и как работали братья, кто были их учениками, какие тексты они переводили и как проводили миссионерскую деятельность среди местного населения? Об этом можно лишь догадываться.

Конечно, сразу же после их прибытия немедленных перемен в богослужении произойти не могло. Необходимо было время для его постепенного перехода на славянский язык. Нужны были дополнительные славянские переводы, обогащенные новыми славянскими терминами. Надо было подготовить духовных лиц из местных учеников. Много сил отнимала и борьба с баварским духовенством, которое выступало за сохранение латинского языка в богослужении, хотя наиболее активные его представители были изгнаны из Моравии Ростиславом после прибытия миссии из Византии.

Ко времени прибытия моравской миссии местная христианская церковь уже прошла немалый путь развития. Здесь уже утвердилась новая религия и понятия с ней связанные, принесенные славянам латинским духовенством. И хотя язык богослужения был латинский, славянский с самого начала использовался в проповедях и исповеди, в произведениях народно-поэтического устного творчества, в устной правовой традиции, во внутриволи-

тических и административных делах. На основе литературного языка, созданного Солунскими братьями, и существовавшего в Великой Моравии славянского культурного диалекта в течении короткого времени шел процесс формирования славянского письменного языка. Он мыслился, прежде всего, как язык церковных текстов, на котором впоследствии была написана вся средневековая литература южных и восточных славян. Однако, вскоре он начал играть заметную роль и в административной жизни страны. На нем стали фиксироваться правовые нормы.

Точных данных о переводческой деятельности Константина Философа, Мефодия и их учеников нет. В Житии Константина говорится: "Вскоре же весь церковный чин перевел и научил их утрени и часам, и обедне, и вечерне, и тайной молитве". В Житии Мефодия говорится о переводе Евангелия, Апостола, Псалтыри и "избранных церковных служб". Что подразумевается под последним до сих пор не выяснено. Однако, исходя из перечисления богослужебных чинов, в которых использовался славянский язык, должны были быть переведены молитвословия, произносимые в церкви, а также последования отдельных "церковных служб" - крещения, венчания и др. Кроме Евангелия и Апостола мог быть сделан перевод части Ветхого Завета, употреблявшейся в богослужении и помещаемой в специальной книге Паремийник.

Константин и Мефодий не сразу перевели богослужение на славянский язык, а постепенно, сохраняя в нем также часть текстов на латинском и греческом языке. "Эти же ничего не делали противного канонам", - писал папа Адриан II Ростиславу. Поэтому латинское духовенство не могло в то время открыто противостоять им. Вот как описывает Итальянская легенда деятельность братьев в Моравии: "Братья старательно взялись за выполнение того, ради чего они прибыли сюда, обучать чтению и письму их детей, организовывать церковные службы, чтобы серпом слова выкорчевывать различные заблуждения, которые они обнаружили у этого народа". Деятельность Константина и Мефодия распространилась также в область светского гражданского и семейного права. Ими был переведен с греческого и существенно дополнен памятник юридического содержания - "Закон судный людям".

В итоге переводческой деятельности Константина и Мефодия на славянском языке был создан корпус текстов, дававший представление о главных нормах христианского мира, и литературный язык, способный, подобно греческому и латинскому, обслуживать все сферы общественной жизни Великоморавского государства. Большую роль здесь сыграла поддержка, оказанная Солунским братьям правящими кругами Моравии, интересам кото-

рых в первую очередь отвечала просветительская деятельность Константина и Мефодия.

Однако, наряду с успехами моравской миссии в ее деятельности существовала непреодолимая трудность: братья не имели права посвящать своих учеников в священники, которые могли бы проводить богослужение на славянском языке. Это право имел только епископ. Реально контролирующей же моравские земли епископ был поставлен римским папой. Он принадлежал к немецкому духовенству, которое всеми силами боролось против славянского богослужения. Ведь появление собственной славянской церковной организации выводило бы славянские земли из-под его контроля.

В начале 867 года Константин и Мефодий приняли решение уехать вместе со своими учениками для возведения их в сан: "И так 40 месяцев провел в Моравии и пошел рукоположить учеников своих". Возможно, предполагалось, что руководители миссии не вернуться в Моравию. Только этим можно объяснить, что провожая апостолов, Ростислав хотел дать им богатые дары, от которых они отказались.

Итальянская легенда в этом месте имеет очень важное дополнение, подтверждающее это предположение: "взяли с собой нескольких из своих учеников, которых считали достойными получения епископской степени". Отсутствие в Житии Константина этих слов вызвано, видимо, тем, что эти планы не осуществились, и редактор, чтобы в Житии не оставалось противоречивых мест, удалил их. Таким образом, цель путешествия Солунских братьев заключалась в том, чтобы посвятить в высших иерархов Моравской Церкви своих учеников и вернуться домой в Константинополь, поскольку возложенные на них задачи были выполнены.

По дороге Солунские братья и их ученики посетили славянское Блатенское княжество, находящееся в Паннонии. "Коцел князь Паннонский очень полюбил славянские буквы, научился им и дал им в обучение пятьдесят учеников", - сообщает Житие Константина. Так возник новый центр славянской письменности.

К сожалению, ни в одном из текстов не говорится о том, куда поехали Константин и Мефодий "святить" своих учеников. В Житии лишь указывается об их пребывании в Венеции, которая могла быть промежуточным пунктом их путешествия. Поэтому в научной литературе существует несколько точек зрения по этому вопросу. Предполагается, что это мог быть Константинополь, Рим, Аквилея, Венеция.

Наиболее вероятной точкой назначения мог бы стать Константинополь (ведь именно оттуда прибыла моравская миссия). Путь

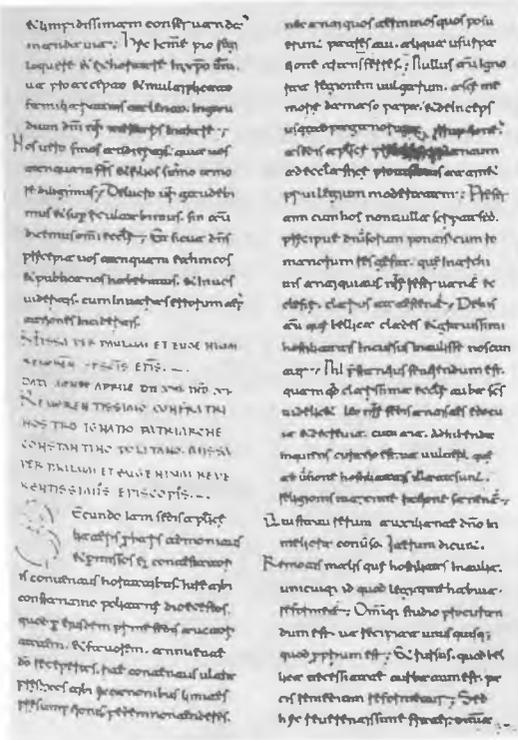
от Венеции до него был удобен, сообщение с ним было регулярным. Казалось бы, можно сесть на один из кораблей и уехать на родину, которую братья давно уже не видели. Однако, внутренне положение Византии и ее отношения с римским папой были таковы, что не позволяли Солунским братьям ехать туда за помощью.

В тот момент конфликт, назревавший с 60-х гг. IX века из-за разграничения сфер влияния на Балканах достиг предельной остроты: собор латинских епископов в Риме объявил константинопольского патриарха низложенным, а собор православных епископов в Константинополе отлучил от церкви папу Николая II. Миссия работала на подчиненных римской юрисдикции землях, и обращение к патриарху с просьбой об организации Моравской епархии было равнозначно уничтожению всего, что было достигнуто за эти годы. Помимо этого произошли крупные события и в самом Константинополе: в сентябре император Михаил был убит, патриархом вместо Фотия стал Игнатий, его заклятый враг и противник его начинаний. Когда-то из-за него Константину пришлось оставить должность секретаря патриарха и удалиться в монастырь. В такой ситуации поездка в Константинополь была бессмысленной.

К тому же за год до этого произошло событие, которое также не способствовало успеху миссии. В 866 году болгарский князь

Борис, не добившись от Византии согласия на создание независимого болгарского патриархата, порвал с Империей и обратился к папе и Людовику Немецкому с просьбой о присылке духовенства. Теперь, даже если бы патриарх пошел на создание Моравской епископии, она оказалась бы на Балканах в полной изоляции.

Письмо римского папы Иоанна VIII (от апреля 878 г.) константинопольскому патриарху Игнатию с требованием под угрозой отлучения от Церкви в срок 30 дней отозвать епископов и других духовных лиц из земель болгар, где они не имеют права проповедовать. Список XI в.

Существует еще один аргумент, который ясно свидетельствует о том, что Солунские братья ехали именно в Венецию. В ней, согласно Житию Константина, происходит диспут с противниками славянского богослужения. Однако, в нем участвуют не случайные люди, а "латинские епископы, и попы, и черноризцы". Другими словами, его ожидал там специально созданный церковный собор. Согласно Житию, Константина обвинили в том, что он нарушил священный обычай славить Бога только на трех языках, признанных достойными этого: еврейском, греческом и латинском: "Скажи нам, как ты теперь создал для славян письмена и учишь им, а их не обрел раньше никто другой, ни апостол, ни папа римский, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин? Мы же знаем лишь три языка, на которых подобает Бога с помощью (особых) письмен славить: еврейский, греческий и латинский".

В латинской духовной литературе, в отличие от византийской, рано утвердилось учение, согласно которому существует лишь три священных языка, на которых может существовать текст Библии. Они стали таковыми, потому что на них была написана вина Христа при распятии его на кресте: "Царь иудейский". Представление об особых достоинствах этих трех языков зародилось первоначально в VII веке как реакция римской церкви на резкий упадок не только образованности, но и грамотности в среде светских людей. Одновременно с этим завершался процесс складывания из отдельных групп духовенства привилегированного сословия, претендовавшего на особое место в обществе. В связи с этим появляется монополия католической церкви на толкование Священных текстов и руководство всей духовной жизнью общества.

"Всемогущий Бог нашел угодным, чтобы Святое Писание в некоторых своих частях осталось тайной, ибо иначе, если бы было полностью понятно для всех, слишком низко бы его ценили и утратили к нему уважение",- писал папа Григорий VII чешскому князю, обосновывая свой отказ разрешить проведение богослужения на славянском языке. Верующим предоставлялась возможность лишь молиться на своем родном языке и слушать проповеди. Хотя допущение того или иного языка для перевода на него Священного Писания относилось к области административной, а отнюдь не к догматической. Например, в постановлениях франкфуртского синода 794 года прямо указывалось: "пусть никто не думает, что Богу следует молиться лишь на трех языках". В связи с этим разные римские папы могли по-разному относиться к славянскому богослужению.

"Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? Скажите мне, зачем делаете Бога немощным, как если бы он не мог дать (народам своего письма) или завистливым, как если бы не хотел дать? Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и воздают хвалу Богу каждый на своем языке ... И бездушные (вещи), издающие звук, будь то свирель или гусли, если не производят различных звуков, то как распознать что пищит, что гудит? Ибо если неясный звук издаст труба, кто станет готовиться к сражению? Так, вы, если издадите языком непонятные слова, как станет понятным то, что говорите? Ибо будете, как говорящие на воздух"... И этими словами и многими иными посрамил их и оставил".

Предметом спора в речи епископов служат "книги", которые могут пониматься и как новая письменность, и как новые переводы. В Житии приведены доказательства в защиту нового славянского письма, однако некоторые исследователи предполагают, что среди спорных вопросов на венецианском соборе могли фигурировать и переводы Константина. Дальнейшие претензии со стороны немецкого духовенства в адрес Константина, и особенно Мефодия, будут высказываться по поводу неуверенности его противников, что именно проповедуют Солунские братья на неизвестном им языке. Поэтому в Венеции Константин мог отстаивать и сделанные им перевод Евангелия. Возможно, это было одной из причин получения им приглашения от папы приехать в Рим.

Градский патриарх не стал рукополагать в священники и епископа учеников Константина и Мефодия, как на то они могли рассчитывать. Ведь Градская патриархия, центром которой была Венеция, так же как и Венецианская республика, хоть и признавали над собой патронат римского папы, однако тесно были связаны

с Византией и неоднократно занимали самостоятельную позицию. Видимо, в сложившейся ситуации, которая была очень необычна и требовала слишком большой ответственности, только римский папа мог принять реше-

Церковь св.Климента в Риме (Сан Клементе). Из плана г. Рима 1593

ние. Именно в этот трудный час, когда, казалось, все многолетние усилия моравской миссии могли пропасть, большую помощь ей оказали мощи св. Климента, которые Константин вез с собой.

Согласно Житию, когда о святине узнали в Риме, Константин получил приглашение от папы Николая I прибыть туда. "После того, как узнал обо всем этом преславный папа Николай, он очень обрадовался от полученного сообщения. Он приказал пригласить их апостольским письмом пожаловать к нему. Получив эту весть, они были удостоены приглашением апостольской кафедры. Они сразу же отправились в путь", - сообщает Итальянская легенда. В конце 867 или в самом начале 868 года братья с учениками прибыла в Рим (быть может, к празднику обретения мощей св. Климента, которое произошло 30 января). За это время там произошла смена пап: Николай I умер и ему на смену 14 декабря 867 года пришел Адриан II.

**Церковь св.Климента в Риме (Сан Клементо).
Современный интерьер**

**Перенесение мощей св.Климента в 868 г.
в церковь Сан Клементо.
Фреска церкви св.Климента (Сан Клементо), XI в.**

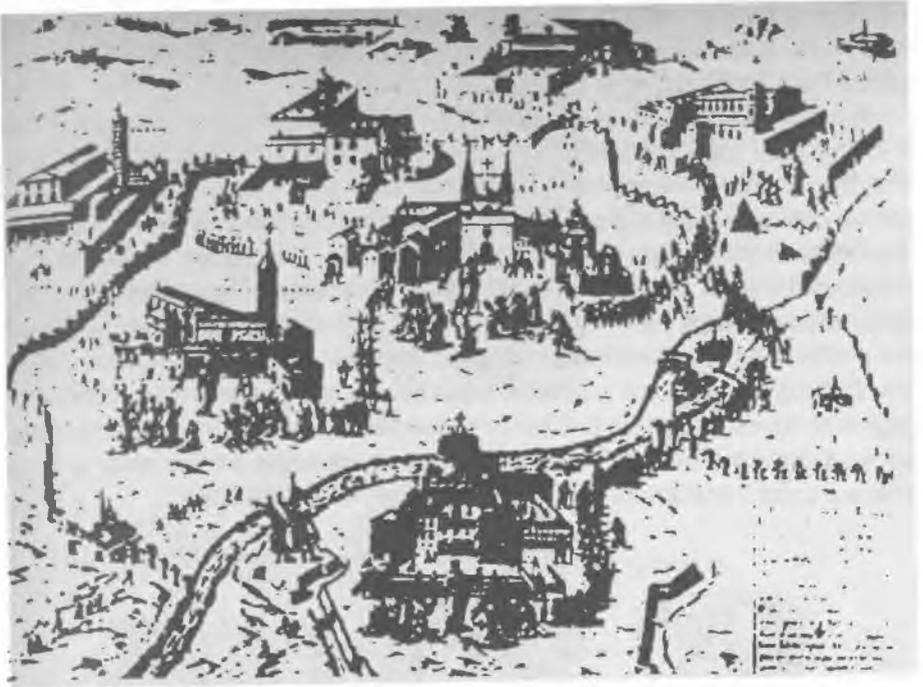
**Фрагмент фрески:
св.Кирилл (Константин), папа Адриан II и Мефодий.**

Встреча была необыкновенно торжественной. Когда Константин прибыл в Рим, "навстречу ему вышел сам римский папа Адриан со всеми гражданами, несущими свечи, так как они знали, что он несет с собой мощи святого Климента, мученика и римского папы", - сообщает Итальянская легенда. В этом нет ничего удивительного. Описанная процессия была встречей мощей св. Климента. Она очень похожа на то шествие, которое было устроено в Херсонесе городским правителем Никифором, когда найденные мощи св. Климента должны были принести в город.

Специально для мощей св. Климента был подготовлен один из центральных соборов Рима, известный ныне как Сан Клементе. Первоначально принесенные мощи были положены в кафедральной церкви Рима - соборе св. Петра. В 868 году состоялось торжественное перенесение мощей св. Климента из него в Сан Клементе. Это знаменательное событие нашло отражение на дошедших до нас фресках конца IX-X вв. и конца XI в. Часть из них могла быть написана очевидцами этих событий, которые видели Константина Философа и Мефодия при их жизни и, возможно, донесли до нас черты портретного сходства.

Мощи св. Климента были не просто еще одной святыней, связанной с Римом. Это были мощи святого папы - мученика, вместе с Петром, основателем Римской церкви, проповедовавшим слово Божие. Именно он в I веке стоял у истоков Великой Римской церкви, которая теперь в борьбе с Константинополем претендовала на мировое господство, и поэтому как никогда нуждалась в его обосновании и подтверждении. Имея обретенные в Византии мощи папы-мученика, просвещавшего в I веке византийские земли апостольской миссией, Римская церковь могла претендовать на старейшинство, на которое Константинопольская церковь, созданная лишь в IV веке, претендовать не могла.

Адриан II благословил литургию на славянском языке, освятил славянский перевод Евангелия, который принес Константин в Рим, и положил славянские книги в алтаре церкви св. Марии (которая отождествляется исследователями с существующей ныне церковью Санта Мария Маджоре). В ней была отслужена литургия. После посвящения учеников в священники и диаконы были отслужены литургии "на славянском языке" еще в нескольких крупнейших соборах города - в кафедральном соборе св. Петра, св. Петрониллы, св. апостола Андрея, считавшегося небесным патроном Византии, принесшим туда христианство, и св. Павла, продолжателями просветительских идей которого считали себя славянские первоучители.

Семь римских церквей:
“Сан Петро”, “Санта Мария Маджиоре”, “Сан Джовани”,
“Сан Лоренцо”, “Сан Клементо”, “Сан Паоло” и “Сан Себастьяно”.
Гравюра 1571 г.

Большинство исследователей понимают под "славянскими" литургиями богослужение, проходившее полностью на этом языке. Однако, это не так. Даже Житие указывает, что Константин принес в Рим одно только славянское Евангелие. Все молитвословия литургии и пение псалмов проходили на латинском или греческом языках. И лишь только одно из самых священных мест литургии - чтение Евангелия, олицетворявшее присутствие Христа на этом таинстве, произносилось по-славянски.

"Было же много, которые поносили славянские книги, утверждая, что не подобает никакому народу иметь свои буквы, кроме евреев и римлян, согласно надписи Пилата, написанной на кресте Господнем. Папа принял их, назвав их пилатниками и триязычниками", - сообщается в Житии Мефодия. Более того, папа не только осудил триязычников, но и "повелел одному епископу, который был болен той же болезнью, посвятить из славянских учеников трех в священники, а двух в агносты [т.е. в чтецы]". Затем рукоположили в священники Климента, Наума и других учеников Константина и Мефодия. Интересно, что одним из епископов, со-

вершавших этот обряд, был Гаудерих Веллетрийский, будущий создатель Итальянской легенды. Сам Мефодий, до этого монах, также был посвящен в священники.

Автор Жития Константина не объясняет, почему, несмотря на серьезное противодействие, которое Солунские братья встретили в Венеции, папа сразу же "похвалил" славянские книги, отдал приказание высшим церковным иерархам посвятить их учеников в священники и сам отслужил литургию в церкви св. Марии над положенными в алтаре славянскими книгами. Политическая причина, вызвавшая такой прием, уже была нами названа - принесение мощей св. Климента, которые подтверждали древность Римской кафедры и могли служить одним из аргументов в ее борьбе за мировое превосходство. Существовала также еще одна причина, заставлявшая папский престол с пониманием отнестись к созданию на славянских землях отдельных епископств.

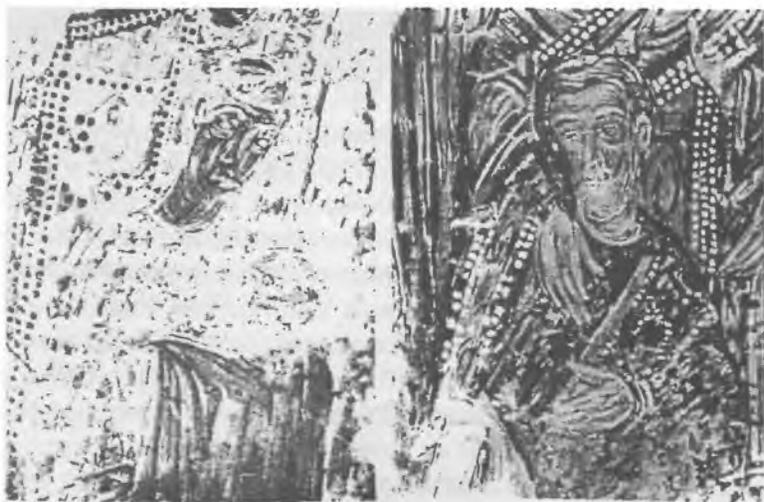

**Освящение папой Адрианом II славянских книг
в церкви св. Марии.
Миниатюра Радзивилловской летописи, конец XV в.**

Верховное правление Римской церковью осуществлялось папскими правительственными учреждениями - папской курией. Особенно усилившаяся в это время, она стремилась ослабить позиции провинциальных церквей и пыталась проводить политику создания на соседних с ними землях самостоятельных епископств, подчиняющихся непосредственно папскому престолу. Помимо несомненного повышения влияния и доходов римской курии, такой шаг ослаблял позиции франкского епископата, который позволял себе держаться слишком независимо по отношению к Риму. Поэтому Константин, Мефодий и их ученики были приняты в Риме с большим пониманием.

**“Последний суд над святым Кириллом”.
Фреска церкви св.Климента в Риме,
конец IX-X вв. Слева
от Христа и ангелов -
свв. Андрей и
Мефодий, справа -
свв.Климент и Кирилл
(прорись
П.Мильковик - Пепек)**

Фрагменты фрески с изображениями свв.Кирилла и Мефодия

Прибывшие поселились в одном из греческих монастырей, которых в Риме было не мало. Возможно, это был монастырь св. Параскевы, расположенный возле церкви св. Марии. Константин принимал самое живое участие в жизни Рима. Он встречался с римлянами, которые требовали от него разного рода объяснений, проводил беседы с представителями различных слоев населения, собирал сторонников славянского богослужения. Так прошел целый год. Именно тогда с ним познакомился папский библиотекарь Анастасий, оставивший восторженные отзывы о нем. "Великим мужем апостольской жизни" назвал он его в одном из писем к королю Карлу Лысому.

Однако, не все складывалось удачно. Из-за существования серьезной оппозиции среди немецкого духовенства, а, быть может, еще по каким-то причинам, папа не спешил назначить в Моравию славянского епископа, которым должен был стать Константин. Прошел год, с того времени как братья и их ученики приехали в Рим. Константин тяжело заболел. Предчувствуя смерть, он в середине декабря, под Рождество, принял монашескую схиму под именем Кирилл. Через пятьдесят дней, 14 февраля 869 г., его не стало.

Перед смертью он сказал Мефодию: "Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну (и ту же) борозду, и я на поле падаю, окончив день свой. Ты же очень возлюбил гору [т.е. свой монастырь на Олимпе], но не смей ради горы оставить учительство свое, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?". Этот прекрасный текст, помещенный в Житии Мефодия, согласно недавним исследованиям представляет собой в старославянском оригинале стихотворение с чередующимися строками по 8 и 9 слогов, а его создание приписывается Мефодию.

"И когда приблизился час его, приняв мир, перенестись в жизнь вечную, поднял к Богу руки свои и сотворил молитву со слезами, говоря так: "Господи Боже мой, Ты, что сотворил ангельские все чины и бесплотные силы, и развернул небо, и заложил землю, и все сущее привел из небытия в бытие, Ты, что всегда и везде выслушивал творящих волю Твою, боящихся Тебя и хранящих заповеди Твои, внемли моей молитве и сохрани верное Твое стадо, к которому Ты приставил меня, неспособного и недостойного раба Твоего ... Тех, что Ты мне дал, как Твоих Тебе передаю. Направляй их сильной десницей Твоей, покрой покровом крыльев твоих, и пусть все хвалят и славят имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа во веки. Аминь". 14 февраля 869 года Константина (в монашестве Кирилла) не стало.

"Тогда святой папа приказал, чтобы все греческие и римские священники явились на его погребение с псалмопением и церков-

ными песнями, со свечами и с каждением фимиама, и чтобы покойнику были отданы такие погребальные почести, какие отдаются только папе". Так Итальянская легенда рассказывает о погребении Константина.

"Тогда вышеупомянутый его брат Мефодий пришел к святому папе, пал пред ним на колени и сказал: "Считаю достойным и необходимым сообщить твоему блаженству, апостолический отец, что когда мы покинули наш дом, чтобы служить делу, которое мы с Божьей помощью свершили, наша мать со слезами на глазах взяла с нас клятву, что если один из нас умрет на чужбине, живой брат привезет покойника в наш монастырь, чтобы похоронить его там подобающим образом. Пусть ваша святость благоизволит дать мне возможность выполнить эту обязанность, чтобы не выглядеть перед кем-либо, что я сопротивляюсь материнской мольбе и заклананиям".

**Церковь св.Климента в Риме.
Нижняя базилика, где налево в конце находится могила
св.Кирилла (Константина)**

Папа вначале дал согласие. Тело Константина было положено в мраморный гроб и опечатано папской печатью. Однако, все римское духовенство, кардиналы и епископы, а также наиболее почетные граждане Рима выступили против просьбы Мефодия. Тогда папа постановил похоронить Константина в главной церкви Рима и усыпальнице всех пап - соборе св. Петра. Мефодий вновь просил папу изменить свое решение, и Константин был погребен в церкви св. Климента, мощи которого освящали всю его миссию. Так закончил жизнь один из самых ярких людей своего времени:

**Церковь св.Климента в Риме
Могила св.Кирилла (Константина)**

человек огромной эрудиции, необыкновенного трудолюбия, непреклонной воли, редких душевных качеств. Ученый и просветитель, стоявший у истоков всей славянской книжной культуры.

Мефодий возглавил и продолжил апостольскую миссию брата. Возможно, он не был столь блестящим ученым и полемистом, как Константин, однако он обладал всеми достоинствами, позволившими ему довести дело брата до конца: он был талантлив, смел, вынослив, необыкновенно трудолюбив, он обладал непреклонным характером и выдающимися организаторскими способностями. К тому же славянский язык он знал лучше брата. Теперь именно он должен был стать моравским епископом.

Почти весь 869 год Мефодий и его ученики прождали в Риме. Папа Адриан не спешил выносить решения, поскольку назревали крупные события, беспокоившие римскую курию. В августе 869

года началась война короля Людовика Немецкого с моравским князем Ростиславом. Тогда же прибыли послы князя Коцела с просьбой об организации самостоятельной епископии в Паннонии, которая до этого подчинялась немецкому духовенству.

Адриан направил Мефодия и учеников к князю Коцелу с посланием Ростиславу, Коцелу и Святополку, в котором он приветствовал введение славянского языка в богослужение. "...Итак, вы просили учителя не только у сего апостольского престола, но и у благочестивого императора Михаила. Он, так как мы не смогли этого сделать, послал вам блаженного Философа Константина и его брата. Узнав, что ваши страны находятся в ведении нашего апостольского престола, они не сделали ничего противного канонам и предстали перед нами, и привезли мощи св. Климента... Размыслив, мы решили отправить в ваши страны сына нашего Мефодия, посвященного нами, с его учениками, мужа, совершенного разумом и истинной веры, чтобы он вас просветил, как вы сами того просили, объяснив вам на вашем языке Святое Писание, весь богослужебный чин и святую мессу, т.е. службы, включая крещение, как начал делать Философ Константин с Божьею благодатью и по молитвам святого Климента... Соблюдайте лишь следующее правило: пусть читают во время мессы послания Апостола и Евангелия сначала по-латыни, а затем по-славянски, да исполнятся слова Писания: до восхвалят Господа все языки... все возгласят славу на разных языках, какие дал им Святой Дух".

Коцел принял Мефодия и его учеников "с великой честью". Однако, ему нужен был не просто проповедник, а прежде всего епископ, и вскоре он вновь отправляет Мефодия в сопровождении большой свиты в Рим. Исследователи задаются вопросом: почему папа не поставил епископа сразу, как его просил Коцел, и Мефодию через несколько месяцев пришлось возвращаться обратно? Объяснение этому, возможно, в том, что между папой и славянскими князьями существовала предварительная договоренность поставить епископом Константина. Когда официальное посольство от князя Коцела прибыло в Рим, Константин уже умер. Между папой и послами было решено сделать епископом Мефодия. Требовалось получить согласие славянских князей на это. Кроме этого, Константин и Мефодий в Риме хлопотали о создании церковной организации, охватывавшей и Паннонию, и Великую Моравию. Однако, в условиях, когда Ростислав вел войну с Людовиком Немецким, а Коцел был вассалом последнего, они, вероятно, не могли действовать совместно. Римская же курия соглашалась поставить Мефодия лишь для "всех славянских стран". Для улаживания всех этих вопросов Мефодий отправился к Коцелу, и когда

договоренность была достигнута, он поехал в Рим для принятия сана.

Вернувшись в Блатноград облеченным высокой церковной властью, Мефодий разворачивает широкую деятельность по созданию церковного книжного центра, в котором в специальных школах велось обучение молодых людей славянскому письму, богословию, технике изготовления рукописей, церковной службе на славянском языке. Здесь создаются новые переводы на славянский язык не только церковных, но и юридических текстов. Однако, этот второй после Моравии центр славянской письменности просуществовал очень недолго.

Положение Мефодия было очень сложным. Паннония в церковном отношении подчинялась Зальцбургу. С образованием славянской епископии были затронуты интересы зальцбургского духовенства, имевшего в Паннонии крупные земельные угодья и большие доходы. Началась ожесточенная борьба с Мефодием, который не получал активной поддержки ни от папы, ни от князя Коцела.

Положение усугубилось тем, что в 870 году Ростислава, приветствовавшего деятельность Мефодия, на моравском княжении сменил Святополк, относившийся к славянской письменности отрицательно. Святополк, племянник Ростислава, претендуя на власть в княжестве, объявил о своем отделении от дяди и признании вассальной зависимости от восточнофранкского короля. Он захватил Ростислава и выдал его немецким феодалам. Воспользовавшись ситуацией, немецкие феодалы вторглись в земли Ростислава, над которыми в качестве наместников короля были поставлены немецкие графы. В ноябре 870 года Людовик Немецкий созвал в Баварии большое собрание "франков и баваров", на котором состоялся суд над Ростиславом. Он был приговорен к смертной казни, которая была заменена по приказу короля ослеплением. Судя по всему, одновременно с этим было созвано собрание епископов Баварской провинции, на котором был устроен суд над Мефодием. Немецкие священники, нарушив церковные законы, без ведома римского папы бросили Мефодия в тюрьму. В ней Мефодий пробыл до 873 года, подвергаясь мучениям и жестокому обращению.

Согласно Житию, положение изменилось, когда в конце 872 года на папский престол вступил энергичный и многоопытный папа Иоанн VIII. Он узнал о случившемся в Паннонии и не без оснований усмотрел в этом нарушение прерогатив папы. Однако, выступление его в защиту Мефодия последовало после бурных событий, произошедших в Моравии. В это время там вспыхнуло

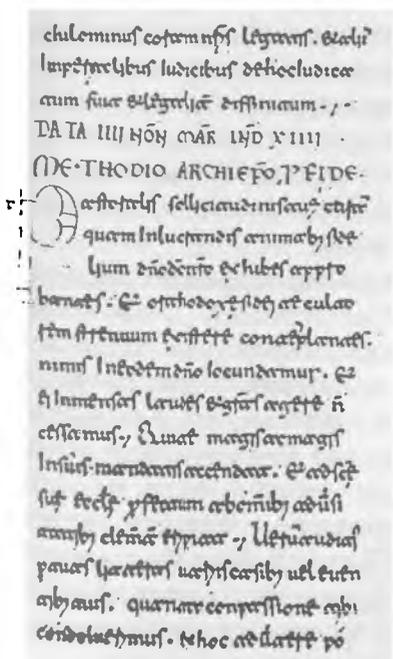
восстание мораван, которое повлекло изгнание немецкого духовенства. Они успешно боролись с попытками немецких феодалов восстановить свою власть, а после объединения их чехами, военные действия были перенесены на территорию Восточнофранкского королевства. В 873 году Людовик Немецкий был вынужден вступить в мирные переговоры. Вероятно, одним из условий заключения мира было требование освобождения Мефодия. Именно тогда папа и выступил в его защиту. Его вмешательство могло иметь место и достигло успеха именно потому, что Великая Моравия сумела нанести поражение немецким феодалам и требовала освобождения своего епископа. Весной 873 года Мефодий был восстановлен во всех своих правах и с тех пор до самой смерти он оставался моравским епископом. В Паннонию он не вернулся, а по приглашению мораван поехал в Великую Моравию.

Однако, и в Моравии Мефодия и его учеников ждали трудности. Святополк был противником славянской литургии. Скоро между князем и Мефодием начались конфликты, вызванные разными причинами. Одна из них - "нечестивые дела" и образ жизни князя, мало соответствовавший христианским нормам. Поддержку князь находил у немецкого духовенства. Мефодий потратил много сил и времени на борьбу со Святополком и его окружением. В папскую курию посылались доносы о том, что Мефодий не только служит на славянском языке, но и искажает христианское учение. По распоряжению папы в 880 году Мефодий прибыл в Рим.

Его сопровождал доверенный человек Святополка, который от имени моравского князя должен был обвинять епископа.

В Риме Мефодий одержал полную победу. "Мы находим, - писал Иоанн VIII, - что он истинно исповедует церковное учение и может быть полезным во всей церковной службе. Мы посылаем вам обратно управлять предоставленной ему Божьей церковью и приказываем принять его как вашего собственного пастыря с достойной почестью, вниманием и радостью, подтверждая повелением нашей апосто-

Письмо римского папы Иоанна VIII от 23 мая 881 года с похвалой Мефодию Моравскому за ревностное исповедание христианской веры. Список XI в.

лической* властью его архиепископские привилегии". Однако, помощником ему, епископом Нитранской церкви, папа назначает заклятого врага Мефодия и активного противника славянской литургии Вихинга.

Существовало мнение, что на встрече с папой Мефодий последовательно и упорно защищал все догматы византийского православия, которые, как известно, в некоторых случаях расходились с догматическим учением Римской церкви. Однако факты говорят о другом. Иоанн VIII отлично разбирался во всех вопросах церковной ортодоксии; во время беседы были затронуты все спорные вопросы между Римом и Константинополем, и в частности, вопрос об ипостасях Троицы. Судя по письму, ответы Мефодия удовлетворили папу. Это свидетельствует о том, что Мефодий был готов принять все обряды и догматические положения Римской церкви для того, чтобы сохранить славянский язык богослужения. Это было важнее частных расхождений между Римом и Константинополем.

Помимо этого, некоторые исследователи предполагают, что богословский "экзамен", устроенный Мефодию Иоанном VIII в Риме сопровождался такой же экспертизой славянских книг в присутствии римской курии. Именно эта экспертиза, а не устные объяснения Мефодия могла так безоговорочно восстановить авторитет паннонского епископа в глазах латинского духовенства. Ведь до этого подобной проверки на правильность переводов сделано не было: римский папа Адриан II признал славянские переводы, принесенные в 868 году Константином, не проверяя их. Немецкое духовенство, не понимая славянского языка богослужения и переведенных библейских текстов, могло выступать с требованиями их экспертизы. Полное прекращение после этой поездки жалоб на нарушение Мефодием догматов Римской церкви свидетельствует о безоговорочном признании правоты Мефодия и истинности славянских переводов Священного Писания.

В Житии сообщается о подложном письме, привезенным мораванам Вихингом, в котором Мефодий был осужден. Позже обнаружилось другое, подлинное письмо папы, в котором благословлялось дело Мефодия и проклинались его враги. Такая ситуация могла сложиться под влиянием внешнеполитической обстановки. В тот момент наметилось сближение между Восточнофранкским королевством и Моравией, которое поддерживало часть римской курии. Эту идею сотрудничества олицетворял в той ситуации противник Мефодия Питранский епископ Вихинг. Поэтому, вероятно, ему было обещано влиятельными духовными лицами, что Мефодий будет осужден. С этим известием он приехал в Моравию и

стал широко пропагандировать данные ему заверения, выдавая их за папское решение. Папа же, чье отношение к Восточнофранкскому королевству было достаточно враждебным, принял совсем другое постановление: "Брат наш Мефодий свят и правоверен и апостольское дело делает, и в руках его от Бога и престола апостольского все славянские земли, и кого он проклянет, да будет проклят, а кого он благословит, да будет благословен".

**Мефодий и его ученики за перепиской книг.
Миниатюра Радзивиловской летописи, конец XV в.**

После официального признания Иоанном VIII славянской литургии в Моравии и Паннонии положение Мефодия и его учеников упрочилось. Даже Святополк не мог открыто их преподавать. В это время была проделана огромная работа, не уступавшая по своим масштабам подготовке братьев к их первой моравской миссии. В поразительно короткие сроки Мефодием и тремя его помощниками - "борзописцами" (писцами) был выполнен перевод почти всего Ветхого Завета (за исключением книг Маккавейских). Для этого Мефодий оставил активную проповедническую деятельность и возложил ее на наиболее верных и опытных учеников.

Часть исследователей подвергает сомнению сообщение Жития Мефодия о переводе им всей Библии в столь короткий срок. Отмечается, что, когда в конце XV века в Новгороде была предпринята аналогичная попытка, переводов многих библейских книг найти не могли. Те же исследователи, кто доверяют сообщению Жития, находят подтверждение ему в предисловии болгарского книжника X века Иоанна Экзарха к переводу "Богословия" Иоанна Дамаскина. Там говорится, что Мефодий "перевел все 60 уставных книг с греческого на славянский". Следует учитывать, что

ряд библейских книг (Евангелие, Апостол, Псалтырь) были переведены еще на первых этапах работы моравской миссии. Тогда же в составе Паремийника была переведена значительная часть текстов Ветхого Завета. Таким образом, большая часть переводов была уже сделана, и Мефодию надо было лишь завершить начатую работу.

Помимо этого, в последние годы своей жизни Мефодий выполнил славянский перевод Патерика - очень популярного в древней письменности сборника, рассказывающего о жизни и наставлениях выдающихся подвижников христианской церкви. Тогда же Мефодий перевел Номоканон - сборник церковных законов, составленных в Византии. Однако, он сделал перевод не последней редакции этого текста, созданной патриархом Фотием, а первоначальной версии его автора Иоанна Схоластика (VI в.). Это свидетельствует о том, что Мефодий как архиепископ моравский, независимый от константинопольского патриарха и получивший полномочия и привилегии от римских пап, мог позволить себе некоторую свободу в выборе церковных юридических текстов.

О взаимоотношениях византийского двора и Мефодия в последние годы его жизни существуют много споров, основанных на сообщении Жития Мефодия о том, что Мефодий после последнего приема у папы отправился в Константинополь, где на него, якобы, гневался император. Но Господь смягчил сердце императора, и тот с радостью и почестями встретил моравского епископа. Оставив у себя славянские книги, а также священника и дьякона из его учеников, император с великими милостями отпустил его в Моравию. Такой же прием Мефодий встретил и у патриарха.

Ряд исследователей подвергает это сообщение сомнению и видит в нем более позднюю вставку, сделанную в Болгарии. Начало этого сообщения в Житии оборвано, что показывает на небрежность вставки: не понятно, кто гневается на Мефодия, кто и кому начал говорить об этом. Не понятна цель визита Мефодия. Это сообщение не нашло отражение ни в греческих, ни в латинских, ни в болгарских источниках, хотя прибытие Мефодия в 881 году в Константинополь должно было вызвать пристальный интерес. Это путешествие не могло быть осуществлено без санкции римского папы, который, вряд ли дал бы разрешение на установление непосредственного контакта моравского архиепископа с Византией без контроля римской курии. Осложнять отношения с папой в то время, когда он выступал единственным защитником славянского богослужения в Моравии, Мефодий не мог. Поездка Мефодия в Константинополь могла дать лишний аргумент его врагам, подвергающим сомнению правильность его веры. Однако, многие ис-

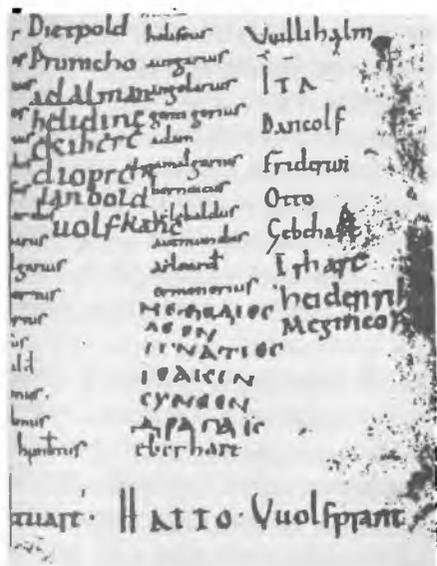
следователи допускают возможность такой поездки и выдвигают различные предположения о ее целях. При существующем состоянии источников сказать что-либо определенное о целях визита невозможно.

Между тем, Мефодий после визита к папе, который полностью одобрил его деятельность, возвратился в Моравию и, "оставив шумный свет и возложив надежду на Бога", принялся за перевод Ветхого Завета. После смерти папы Иоанна VIII в 882 году противники славянской письменности и литургии активизировались. Однако, до 885 года происходила частая смена претендентов на папский престол, и славянскими вопросами по разным причинам не занимались.

6 апреля 885 года Мефодий скончался в окружении учеников и единомышленников. Болгарская легенда сообщает, что уходя из жизни, учитель оставил 200 учеников, которые были священниками, дьяконами и иподьяконами. Перед смертью своим преемником он назначил морованина Горазда, одного из самых близких своих учеников. Похороны Мефодия были очень торжественными. Ученики отпевали его в соборной церкви Велеграда на латинском, греческом и славянском языках. Где был захоронен Мефодий, не известно. Одни ученые называют Велеград, другие - Девин, третьи - Микульчице.

После смерти Мефодия в Моравии при поддержке Святополка сторонники латинского богослужения во главе с Вихингом резко активизировали свою деятельность. После удачной войны с германской империей 884-885 гг.

Святополк значительно расширил границы своего государства. В этих условиях позиции молодой славянской церкви могли бы окрепнуть, но этого не произошло. Святополк и окружавшая его знать с пренебрежением относились к богослужению на славянском языке и признавали только латинскую службу. Между учениками Мефодия и немецким духовенством началась жестокая борьба.

Помяник монастыря Райхенау с именами Мефодия и его учеников

ба, которая закончилась в 886 году отменой славянской литургии в Моравии и Паннонии.

В августе 886 года на папский престол вступил Стефан V, который поставил во главе моравской церкви Вихинга и категорически запретил славянскую литургию. "Однако божественные службы, святыя таинства и литургия, которые этот Мефодий осмеливался служить на славянском языке, впредь никто не осмеливался бы делать то же самое... А упорствующих и не подчиняющихся, которые постоянствуют во вражде и соблазне, приказываем изгнать из лона церкви как сеятелей плевел, если они не исправятся после первого и второго напоминаний. Приказываем обуздать их силой и изгнать далеко от ваших земель, чтобы одна большая овца не заразила все стадо", - писал в своем послании Святотополку Стефан V.

Все последовательные сторонники дела Мефодия после побед и унижений были изгнаны из страны. Часть учеников бежала в Далмацию. Большая часть молодых священников и дьяконов была продана в рабство на невольническом рынке в Венеции. Так трагически для моравских и паннонских земель завершился этап существования богослужения и письменности на родном языке. Последним очагом Кирилло-Мефодиевской просветительской миссии на западе была Чехия, которая со временем также перешла на латинское богослужение.

Однако, несмотря на эти трагические события, дело Константина и Мефодия не пропало. Часть учеников после жестоких мучений была изгнана из столицы Моравии. "Солдаты ... вывели их за пределы города, раздели и голыми тащили по земле... Кроме того, солдаты прикасались своими мечами к их шее, чтобы убить, а свои копья упирали в их грудь, чтобы оьровавить копья. Пораженные смертельным ужасом, они должны были умирать не один раз, ожидая каждый раз удара... Когда они оказались далеко от города, солдаты их бросили, а сами направились обратно в город". Так описывает расправу над учениками Мефодия Житие Климента Охридского. С большими мучениями добрались они до Дуная. "Когда они добрались до берегов Дуная, увидели большую и потому непроходимую реку. Они связали три дерева с помощью липового лыка и переплыли ее".

На этом их мучения закончились. В Белграде, который тогда находился под властью Болгарии, их с почестями встретил наместник болгарского князя Радослав, который знал, что в столице очень нужны такие люди. "Поэтому он оставил их при себе, чтобы они пришли в себя после долгого пути, а затем направил их к князю как драгоценный дар и сообщил ему, что это как раз те

люди, которых он с большим желанием ищет". Вероятно, ученики Мефодия не случайно направились в Болгарию.

Встреча болгарского князя Бориса с Климентом, Наумом и Ангеларием была очень торжественной. "Выслушав их, князь благодарил Бога за то, что он послал ему таких служителей для Болгарии и что дал ей в учителя и в устроителя веры не случайных лиц, а исповедников и мучеников. Он приказал дать им подобающие священникам одежды, удостоил их всяческих почестей и распорядился предоставить им жилища, которые принадлежали его ближайшим друзьям".

В это время Болгария в культурном и церковном отношении находилась в зависимости от Византии. Административным, церковным и литературным языком был греческий язык. Князь Борис, при котором Болгария стала большим и могущественным государством, хотел освободиться от какой бы то ни было византийской зависимости. Ему было известно о существовании в Моравии и Паннонии славянской письменности и славянской литургии. Он всеми силами хотел привлечь к себе людей, которые смогли бы сделать для Болгарии то, что когда-то Мефодий и его ученики сделали для Моравии и Паннонии. Таких людей в распоряжении Бориса не было. И когда в Болгарии появились ближайшие ученики Мефодия, князь принял их с величайшими почестями.

Борис понимал, что прежде, чем ставить вопрос о самостоятельной церковной организации, необходимо наладить подготовку славянских священников, создать необходимое число славянских богослужебных книг. Не желая привлекать к своим планам внимание патриарха и его людей, а также потенциальных противников славянского богослужения среди своего окружения, Борис принял решение организовать подготовку молодых кадров под руководством ученика Мефодия Климента далеко от столицы, на юго-западной окраине Болгарии. Эта местность называлась Кутмичевица, и находилась она между Охридским озером и побережьем Адриатического моря. Здесь стараниями Климента возник один из крупнейших книжных славянских центров, названный Охридским.

За семь лет (886-893) Климент проделал огромную работу. Были созданы школы для детей и взрослых. Велась активная литературная деятельность: переписывались моравские тексты, делались новые переводы. Климент создавал новые произведения на славянском языке, среди которых большую часть составляли поучительные или похвальные слова для праздничных богослужений. Согласно с моравской традицией все тексты были написа-

Церковь св.Софии в Охриде - кафедральный собор Охридской архиепископии. Воздвигнут в период правления царя Самуила (конец X - начало XI вв.). Полностью обновлен во время архиепископа Льва (1036-56 гг.)

ны глаголицей. Своей литературной деятельностью Климент заложил основы Охридской литературной школы, которая сыграла выдающуюся роль в истории болгарской средневековой литературы.

Другой крупнейший книжный центр возник в восточной Болгарии - в Преславе. У истоков его деятельности стояли ученик Мефодия Наум, пришедший вместе с Климентом Охридским из Моравии, и ученик младшего поколения Константин, названный впоследствии Преславским. Константин, видимо, разделил участь многих моравских священников, проданных Святополком в рабство. В Житии Наума читаем: "Пусть и это будет известно вам, которые прочитают то, о чем мы писали раньше, как еретики одних мучали, а других - пресвитеров и дьяконов - продали евреям за деньги. Купив их, евреи привезли их в Венецию. Когда их продали, в Венецию прибыл царский человек из Константинополя по государственным делам. Узнав о судьбе этих людей, царский человек их откупил. Затем он их отвез в Константинополь и рассказал обо всем императору Василию. Здесь им вернули их чины и саны пресвитеров и дьяконов, которые они имели прежде. Дали им и службу. И никто из них не умер в рабстве. Одни из них, покровительствованные императорами, получили успокоение в Константинополе, другие пришли в болгарскую землю, где с великой честью нашли покой". Многие исследователи полагают, что среди пришедших в Болгарию священников был и Констан-

Остатки Круглой (Золотой) церкви царя Симеона в Преславе, X в.

тин, ставший впоследствии епископом Преславским. Константин был выдающимся болгарским писателем и переводчиком. Однако ему, как предполагают, принадлежит еще более значимый труд: он мог быть автором кириллического алфавита.

В 893 году во главе Болгарского государства становится третий сын Бориса Симеон, получивший до этого блестящее образование в Константинополе. С ним связано много важных событий в истории Болгарии. Одно из них - укрепление болгарской церковной самостоятельности и переход богослужения на славянский язык. Это решение было принято на знаменитом соборе 893 года в новой столице Болгарии Преславе. Славянский язык был провозглашен официальным языком государства и церкви. На соборе был выбран и первый болгарский епископ, которым стал Климент.

Для создания собственной церковной организации к этому времени многое было уже сделано: стараниями учеников Мефодия в Болгарии были подготовлены люди, способные проводить славянское богослужение, были переведены и переписаны необходимые богослужебные книги. Возможно именно на этом соборе встал вопрос о введении новой азбуки - кириллической.

Как предполагают многие ученые, не везде в Болгарии глаголица была принята с одобрением. В то время богослужение велось

**Св.Наум Охридский. Икона церкви пресв.Богородицы
Перивленты в Охриде, XVI в.**

при помощи греческих книг, и священников, которые могли бы проводить его по глаголическим текстам, видимо, было не достаточно. К тому же славянский язык был объявлен официальным языком не только церкви, но и государства. Все административные документы должны были также записываться глаголицей. До этого для этих целей также использовался греческий язык и письмо, и, видимо, государственный аппарат не был готов к переходу на глаголическую азбуку. Поэтому, вероятнее всего, князю Симеону не оставалось ничего другого, как предложить созванному собору компромисс: славянский язык провозглашался официальным языком государства и церкви, но письмо должно было остаться в своей основе греческим.

Как уже говорилось, опыт использования греческих букв для записи славянских слов у славян уже был: до изобретения азбуки Константином они использовали греческую азбуку "без устройства". Поэтому необходимо было лишь усовершенствовать этот опыт, что и было сделано довольно быстро.

Согласно сообщению Охридской легенды, это сделал Климент Охридский: "Он изобрел и другие формы букв для большей ясности нежели те, которые нашел мудрый Кирилл". Однако, боль-

Св.Климент Охридский. Фреска церкви пресв. Богородицы Перивлелты в Охриде, 1294-95 гг.

шинство ученых не доверяет этому сообщению и считает его более поздней вставкой в текст. В Македонии, где вел свою деятельность Климент и где он создал Охридскую книжную школу, господствовала глаголица. Здесь ее позиции были наиболее устойчивы. Все дошедшие до нас македонские рукописи конца X-XI века написаны глаголицей (Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие, Синайская псалтырь и др.). Вытеснение ее в Македонии кириллицей исследователи относят лишь к XII веку. Кроме того, ни один из учеников Константина Философа не поднял бы руку на священное для них глаголическое письмо.

Именно в Македонии, где протекала деятельность учеников Константина - Климента, а затем и Наума, кириллическое письмо встретило наибольшее сопротивление.

Реформу азбуки мог провести один из учеников младшего поколения, связавший свою деятельность с Преславской книжной школой, в которой были созданы наиболее ранние кириллические книжные памятники. Предполагают, что им мог быть Константин Преславский - блестящий оратор, талантливый переводчик, писатель и поэт. В основу новой азбуки он положил греческие буквы, написанные тем четким почерком, который использовался при создании богослужебных греческих рукописей, - так называемым литургическим уставом (унциалом). Буквы, недостающие для обозначения специфических славянских звуков, были заимствованы из глаголицы либо целиком (например, ш), либо после некоторой их стилизации в соответствии с греческими начертаниями. В результате добавления в греческий алфавит глаголических букв возникла новая азбука, получившая в последствии название "кириллица". И хотя все вышеизложенное является принятой в науке гипотезой (поскольку никаких определенных сведений в письменных памятниках не сохранилось), она одна может объяснить все проблемы, связанные с ранним этапом славянской письменности.

СЛАВЯНСКИЕ СИСТЕМЫ ПИСЬМА И ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЕ

остоверные свидетельства о начальных этапах возникновения и распространения славянской письменности почти полностью отсутствуют. Поэтому представления о ее истории полны разнообразных предположений, гипотез и даже мифов. Один из самых загадочных вопросов - вопрос о существовании письменности до изобретения Константином азбуки. Несомненно, что в каком-то варианте она существовала. Но о том, какой она была, когда возникла, для чего применялась, можно лишь догадываться. Поэтому суждения о ней у исследователей в разное время были настолько несхожими, что приводили их иногда к абсолютно противоположным выводам.

В отечественной славистике до 40-х гг. XX в. и большей части зарубежных исследований более позднего времени существование докириллического письма у славян обычно отрицалось. В 40-х-50-х годах в советской науке для доказательства полноценности и независимости славян в своем развитии появилась противоположная теория о том, что письмо у них возникло самостоятельно в глубокой древности. Более того, выдвигалось даже предположение, что оно появилось без каких-либо влияний со стороны уже существующих письменных систем и повторило весь путь мирового развития письма: от первоначальных пиктограмм и прими-

Образцы египетских логограмм (по В.А.Истрину)

тивных условных знаков к логографии - специальным значкам, обозначающим целые понятия, от них - к слоговому или консонантно-звуковому письму (т.е. такому, где знаки обозначали слоги или одни согласные буквы), а уже затем на их основе возникла современная вокализированно-звуковая система письма, где все согласные и гласные звуки имеют свое особое обозначение.

Однако, исходя из общих закономерностей развития письма, а также согласно особенностям славянского языка, такой путь развития невозможен. История не знает ни одного народа, письменность которого прошла бы все стадии развития письма. К тому же у славянской письменности было не много времени на это: как известно, потребности в письменности возникают на достаточно позднем этапе развития человечества, когда в обществе появляются развитые хозяйственные отношения и начатки государственных институтов, для функционирования которых она необходима. Разложение родо-племенного строя у славян началось в середине I тысячелетия н.э., а закончилось к концу этого же тысячелетия образованием ранних феодальных государств. За такой короткий срок их письменность не смогла бы пройти все этапы развития. Тем более, что многие формы письма не подходили к строю славянской речи: богатство грамматических форм славянского языка не соответствовало логографической системе, где знаки обозначали целые понятия; слоговое письмо было бы непригодно, поскольку славянский язык отличается многообразием слогового состава; консонантно-звуковое письмо также не могло правильно отразить славянскую речь, поскольку в ней не только согласные, но и гласные в равной мере участвуют в образовании корней слов, несущих основную смысловую нагрузку.

Существовали также теории о протокириллическом и протоглаголическом письме, а также об особых славянских знаках, не похожих на существующие ныне. Основные сведения о наличии докириллической письменности исследователи черпают из сочи-

варабы	†	♀	††	∪	∥∥∥
свамы	△	∩	✱	⚡	
варийцы	∩	∩	♀	∞	
квдувейо	△	∩	∩	♀	△

Знаки собственности у различных народов (По В.А.Истрину)

нения конца IX - начала X века болгарского писателя черноризца Храбра "О письменах". Храбр сообщает, что: "Прежде убо словене не имеху книг, но чертами и резами чьтеху и гатааху (гадаху), погани суще". Когда же славяне крестились, продолжает Храбр, то они "римскими и гречьскими письмены нуждаахуся (писати) словенску речь без устроения".

Свидетельство черноризца Храбра разъясняет назначение знаков языческой письменности: "чертами" они "чьтеху" и "резами" - "гатааху (гадаху)", т.е. черточки они употребляли для счета, а нарезки для гадания. Следы гадания "резами" (нарезания определенных знаков) уцелели в более позднее время: о них сохранились упоминания в былинах. Числовое значение некоторых знаков славянской письменности и использования их также для "гадания", которое являлось составным элементом языческой религии, нашло отражение в славянских языках. Например, русские слова "читать", "считать" и "чтить", "почитать" имеют один корень "чѣт".

Существует мнение, что эти "черты и резы" были письмом, которое способно было передавать все необходимые понятия и полностью удовлетворять потребности языческого общества. А указанный Храбром переход к греческим и латинским буквам произошел с появлением новых христианских понятий, которые никак не могли быть переданы средствами "черт и резов".

Однако, когда черноризец Храбр говорит о невозможности написания отдельных славянских слов, он приводит в пример не христианские термины, а слова, применявшиеся в обиходной речи: *бог, живот, гѣло, церкви, чаанне, широта, юдь, жд, юность, азык*. Поэтому вряд ли возможно объяснить переход на "неустроенное" греческое и латинское письмо особыми терминами новой религии. К тому же "черты и резы" не были фонетическим письмом, а являлись значками, передававшими отдельные понятия: не случайно черноризец Храбр противопоставляет их греческим и латинским буквам, "письменам". Это значит, что их возможности по сравнению с буквенным алфавитом были гораздо скромнее.

Более того, исследователи приходят к выводу, что это древнейшее славянское письмо было очень примитивным, включавшим небольшой, нестабильный и отличающийся у разных племен набор простейших значков. В сколько-нибудь развитую и упорядоченную логографическую систему, где был бы представлен большой набор знаков, обозначающих не только отдельные предметы, но и отвлеченные понятия и явления, это письмо превратиться не могло. Ведь никто из соседей славян логографические системы не применял, а для самостоятельного развития отдельных знаков в логографию требуются века. Помимо этого, логография не соот-

ветствует сложному грамматическому строю славянского языка. Поэтому возможности "черт и резов" были очень ограничены, как было ограниченным и применение их в общественной жизни. Они представляли собой, видимо, простейшие счетные знаки в форме черточек и зарубок, родовые и личные знаки, знаки собственности, календарные знаки и знаки для гадания.

Помимо свидетельства черноризца Храбра о существовании докирилловской письменности в нашем распоряжении есть свидетельства иностранных путешественников и писателей, а также археологические находки. Вот важнейшие письменные свидетельства:

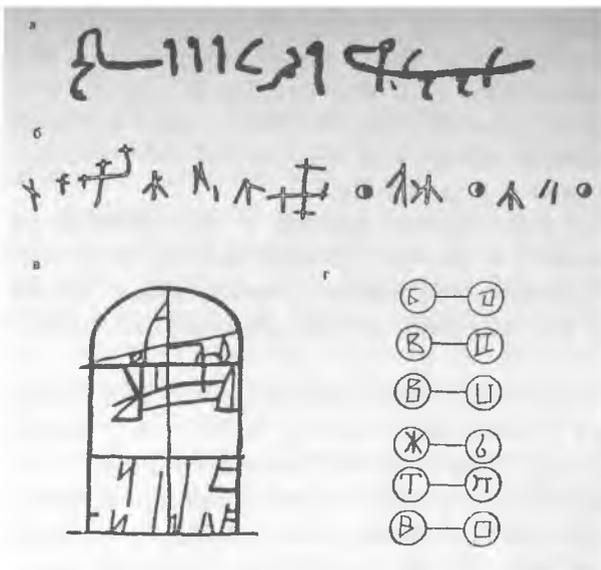
1) Сообщение арабского путешественника ибн-Фодлана, который во время пребывания у волжских болгар в 921 году видел обряд погребения одного руса. "Сначала они развели костер и сожгли на нем тело, а затем они построили нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку тополя, написали на ней имя этого мужа и имя царя русов и удалились".

2) Сообщение арабского писателя эль-Массуди (умер в 956 г.), который в сочинении "Золотые луга" утверждает, что он обнаружил в одном из "русских храмов" пророчество, начертанное на камне.

3) Сообщение епископа Мерзебургского Титмара (976-1018 гг.), который указывает, что в языческом храме города Ретры на славянских идолах были начертаны особыми знаками их имена.

4) Сообщение арабского ученого ибн-эль-Недима, который в труде "Книга росписи наукам" передает относящийся к 987 г. рассказ одного из кавказских князей к князю русов. "Мне рассказывал один, на правдивость которого я полагаюсь, что один из царей горы Кабк послал его к царю русов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезаемые на дереве. Он же показал кусок белого дерева, на котором были изображены, не зная, были ли они слова или отдельные буквы". Ибн-эль-Недим даже зарисовал эту надпись. Дешифровать ее не удалось; графически она не похожа ни на греческое, ни на латинское, ни на глаголическое, ни на кириллическое письмо.

Имена умершего князя (сообщение 1) и славянских идолов (сообщение 3) представляли собой, вероятно, условные личные знаки, которые часто использовались, например, на монетах, пломбах и печатях древнерусских князей. Пророчество же в языческом русском храме (сообщение 2) могло быть выполнено "чертами и резами" для "гадания". Надпись ибн-эль-Недима не дешифрована, однако нет ничего невероятного в том, что это также "черты и резы" в интерпретации арабского автора.

Недешифрованные дохристианские надписи и знаки:
 а) надпись, воспроизведенная ибн-эль-Недимом;
 б) алекановская надпись, найденная под Рязанью;
 в) надпись на ребре барана, найденная под Черниговом;
 г) кириллические буквы и знаки на дрогичинских свинцовых пломбах, найденных на Западном Буге
 (по В.А.Истрину)

Археологические находки также подтверждают существование у славян особых знаков для счета и гадания. Они возникли прежде всего для обозначения календарных наблюдений, которые определяли всю хозяйственную деятельность земледельческого народа, каким были славянские племена. От XVI-XVII вв. до нас дошел народный календарь в виде четырехгранных деревянных бирок с нарезкой дней, месяцев и праздников. Намного более ранние памятники с календарными пометами дают нам археологические раскопки, проведенные под руководством академика Б.А. Рыбакова.

В настоящее время известно около десятка сосудов, которые можно причислить к сосудам-календарям. Все они происходят из области интенсивного земледелия в лесостепной полосе и относятся археологами к так называемой "черняховской культуре", которая охватывала обширный район лесостепной Украины (Волынь, район Киева и среднего течения Днепра). Сосуды относятся к "траяновым векам" (II-IV вв. н.э.), когда, по мнению Б.А.Рыбакова, славяне Среднего Поднепровья вели оживленную торговлю хлебом с Римской империей. С ней связаны сотни кладов римских серебряных монет, полученных в торговых операциях с причерноморскими купцами.

Б.А.Рыбаков отождествляет черняховскую культуру со славянской. Однако, большинство исследователей на основании анализа археологического материала считает, что черняховская культура объединила в себе несколько племенных и этнических группировок, которые могли существовать достаточно обособленно. В

ней выделяются скифо-сарматские, пшеворские и зарубинецкие, готские и восточно-германские элементы. Черняховская культура не была изначально славянской. Однако, именно внутри нее на территории Подольско-Днепровского региона при сильном иранском влиянии будет складываться славянская племенная группировка, известная как “анты”. Славяне - наследники черняховской культуры - несомненно могли перенять способ записи календарных наблюдений, определяющих всю их хозяйственную жизнь. Поэтому мы вправе рассмотреть систему записей на сосудах-календарях II-IV вв. как возможный прототип славянских “черт и резов”.

Два сосуда, найденных в 1957 г. у деревни Лепесовка, были обнаружены в жертвеннике сельского языческого святилища в виде разбитых осколков. Их первоначальный облик позже был

Новогодняя гадательная чара IV в. из деревни Лепесовки с гадательным кругом-календарем (по Б.А.Рыбакову)

восстановлен реставраторами. Плоский венчик одной из чаши был разделен на 12 различных прямоугольных секций с неповторяющимся рисунком, которые символизировали 12 месяцев, образующих годовой цикл. Содержание изображений и их последовательность совпадают, с точки зрения Б.А.Рыбакова, с помесечной последовательностью языческих праздников древних славян и с календарными сроками сельскохозяйственных работ.

Секторы, помеченные знаком косоугольного креста, обозначавшего у древних славян солнце и пламя, соответствовали январю, марту и июню. На эти месяцы приходились языческие праздники солнца: праздник начала прибавления дня, приходившийся на начало января, который считался месяцем "разгорания солнца"; праздники весеннего равноденствия (конец марта) и летнего солнцестояния (Иван Купала - 24 июня). Секторы, соответствующие апрелю, августу, сентябрю, октябрю и декабрю, помечены изображениями, соответствующими сельскохозяйственным работам этих месяцев и срокам охоты: апрель помечен изображением сохи, август - колосьями, сентябрь - изображением деревьев и сети (срок осенней охоты сетями, развешиваемых между деревьями, на улетающих к югу птиц), октябрь - изображением волокон (срок обработки льна и конопли), декабрь - сплошной сетью (указывающей срок зимней охоты при помощи силков). Изображения, помещенные в остальных четырех секторах, указывают на важнейшие явления природы, характерные для соответствующих им месяцев (в основном нерабочих). Так, изображение, соответствующее февралю, может быть понято как деревья в снегу (февраль - месяц снегопадов); майское - как знаки пробивающихся из-под земли ростков; июльское - как знаки расцвета растений; ноябрьское (волнистые линии) - как знаки осенних дождей.

Сосуды с изображением символов 12 месяцев, подобные найденным в языческом алтаре, могли использоваться славянами для гаданий. Во всем цикле обрядов и праздников мы знаем лишь один момент, когда взор древнего славянина охватывал весь год в целом. Это время празднования Нового года. Торжественный цикл новогодних обрядов начинался воспоминаниями о прошлом, затем произносились заклинания на весь будущий год одновременно с гаданиями о том, что он принесет.

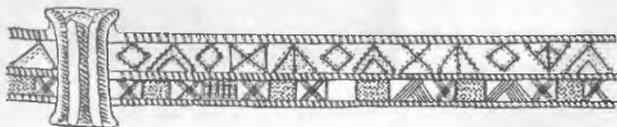
Согласно наблюдениям над более поздней традицией, для январских заклинаний и гаданий в знаменитый "крещенский вечерок", связанных с "подблюдными" песнями, требовались специальные сосуды для священной воды, в которую опускали золотое кольцо. Идея воды подчеркнута массивной рельефной линией в виде зигзага, идущей вокруг всего сосуда из Лепесовки под самым

Гадательная чара IV в. из деревни Лепесовка (по Б.А.Рыбакову)

венчиком. Вода и золото были обязательными атрибутами новогодних аграрно-магических гаданий и символизировали воду и солнце, дающие древнему славянину урожай. Лепесовская чаша со знаками 12 месяцев могла быть именно таким сосудом для священной воды, при помощи которой осуществлялись новогодние гадания об урожае. Большие глубокие сосуды в Древней Руси назывались *чарами*, от них мог пойти обычай называть гадание при помощи чар *чародейством*.

К более частному случаю чародейства может быть отнесен сосуд из лепесовского жертвенника, где вместо 12 месяцев даны символические изображения 9 в произвольно выбранном порядке: ноябрь, октябрь, июль, сентябрь, февраль, утрата (в том числе январь-?), июнь. В нем отсутствуют многие земледельческие меся-

Сосуд IV в. из села Войскового с календарными "чертами и резами" (по Б.А.Рыбакову)

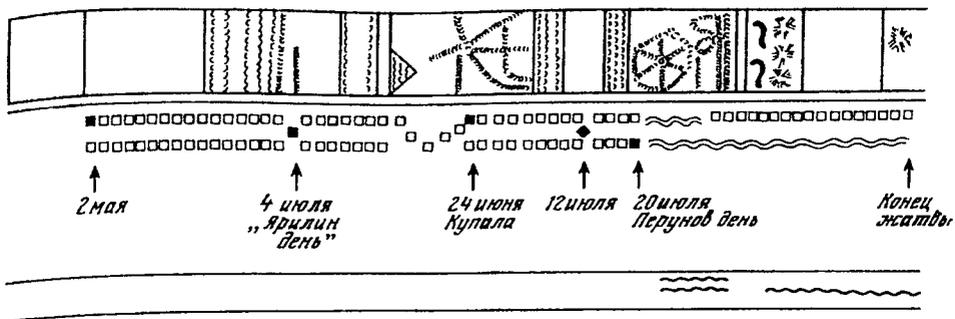

цы. С точки зрения Б.А.Рыбакова, он был предназначен не для аграрных предсказаний и заклинаний, а для гаданий девушек о предстоящем замужестве.

Существует еще один, не менее интересный, тип сосудов, на тулове которых изображены два ряда иных знаков. На сосуде в виде одноручного кубка или ковша, найденном у села Войскового, верхний ряд содержит 12 четко обозначенных значков, нижний - 16 отдельных клейм, среди которых мы встречаем также чередование косых крестов (знаков солнца) с заштрихованными прямоугольниками, обычно обозначающими пашню. Анализ этих изображений также приводит Б.А.Рыбакова к выводу о том, что перед нами календарь, верхний ряд которого символизирует 12 месяцев аграрного года, а нижний - сельскохозяйственные работы, приходящиеся на это время. Возможно, именно такой сосуд был использован в жатвенном обряде вятичей, описанный в 903

**Ритуальный сосуд-календарь IV в. для летних молений о дожде
из села Ромашки
(по Б.А.Рыбакову)**

Общая развертка рисунков на кувшине из села Ромашки

	2 мая	20-30 мая	11-20 июня	4-6 июля	15-18 июля	7 августа
Сроки дождей по календарю У. В. Н. З.						
Ромашки. Киевская область						Жатва 20/VII
Оптимальные сроки дождей по данным XIX-XX вв. для Киевской области			4/VI	24/VI		Жатва
	Всходы	19-26 мая выход в травку	14-18 июня колошение	1-6 июля молочная спелость	13-22 июля железная спелость зерна	

Сопоставление сроков молений о дожде с оптимальными сроками по агротехническому руководству XIX в. для Киевщины (по Б.А.Рыбакову)

году арабским писателем ибн-Русте: "Во время жатвы они берут ковш с просом, поднимают к небу и говорят: "Господи! Ты, который снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии".

Помимо вышеописанных сосудов существует еще один их тип, представленный кувшином из могильника в с. Ромашки, который является уникальным полным аграрным календарем. На тулово сосуда специальными штампами нанесен самый сложный орнамент, разделенный на два пояса разной ширины так, что каждому крупному знаку верхнего пояса строго соответствует определенная часть орнамента нижнего ряда.

Смысл 96 квадратиков нижнего ряда заключался в том, что они изображали отдельные дни летнего аграрного периода и календарно точно обозначали числа важнейших языческих праздников в честь Ярилы, Купалы и Перуна, символически изображенных в верхнем ряду. Этих праздников было семь: 2 мая - день молодых всходов, совпавший впоследствии с христианским праздником первых русских святых Бориса и Глеба; 4 июля - день Ярилы-солнца, впоследствии связанный с переходящим церковным праздником Троицына дня; 24 июня - день солнцеворота, впоследствии - день Ивана Купалы; 12 июля - день отбора жертв Перуну (или более архаичному Роду); 20 июля - праздник Перуна

или Родъ, совпавший позднее с христианским праздником Ильи пророка; 24 июля - начало жатвы; 7 августа - праздник урожая, окончание жатвы, замещенный христианским праздником Преображения 6 августа. Все сроки дождевых периодов, указанных в этом календаре совпадают с четырьмя оптимальными периодами дождей, необходимых яровым посевам.

Зашифрованный смысл Ромашковского глиняного календаря этими примерами не заканчивается. Однако, их достаточно, чтобы не только продемонстрировать конкретные символы "черт и рез", но и определить общий характер самих знаков, принципы записи информации и ее содержание. Несомненно, что эти знаки не могли соперничать с фонетическим письмом, о котором славяне узнали от своих соседей греков и немцев.

Существуют еще несколько "надписей", знаки которых могут быть причислены к "чертам и резам". Это надпись на глиняном сосуде, найденном около с. Алеканово под Рязанью, знаки на дрогичинских свинцовых пломбах, а также некоторые другие. Однако, в отличие от описанных выше сосудов, они не представляют собой сложной системы и могут быть отнесены к знакам счета и владельческим клеймам. Необходимо подчеркнуть не только их примитивный характер, но и разнообразность их состава, непохожесть друг на друга, что свидетельствует о том, что единой последовательной логографической системы письменности у древних славян не сложилось.

Письмо типа "черт и резов", пригодное для календаря, счета, гадания и т. п., было непригодным для записи военных и торговых договоров, богослужебных текстов и других сложных документов, потребность в которых появлялась у славян с зарождением государственности. Для этой цели славяне еще до введения азбуки, изобретенной Константином, использовали греческие и латинские буквы "без устройства", т. е. пытались обозначать звуки, присущие славянской речи, буквами чужого языка.

Сообщение черноризца Храбра о попытках славян использовать для записи текстов на славянском языке латинские и греческие буквы подтверждается существованием так называемых "Фрейзингенских отрывков" - рукописи второй половины X века. Она содержит записи молитв на славянском языке, сделанные латинскими буквами. Анализ языковых данных и установление оригиналов, с которых переводили эти тексты, показывает, что часть отрывков отражает тексты, написанные, вероятно, в Моравии в первой половине IX века. Копией таких же древних текстов является и Клагенфуртская (Целовецкая) рукопись середины XV в., где содержатся написанные латинскими буквами славянские тек-

сты договоров русских князей с Византией X в. Договоры составлялись в двух экземплярах. На одном из них писались имена русских послов, на другом - представителей византийской власти. Один из экземпляров был предназначен для русских князей. Большинство исследователей придерживается мнения, что переводы греческих текстов договоров на русский язык были современны самим договорам. Помимо лингвистических наблюдений, это может обосновываться тем, что дипломатическая практика Византии предполагала составление международных актов в двух экземплярах - на греческом и на языке партнера по переговорам.

В договоре 944 г., заключенном Византией с князем Игорем, говорится о необходимости русским купцам или послам иметь с собой грамоты от русского князя для того, чтобы быть хорошо принятым в Константинополе. Хотя это сообщение и означает, что в Киеве в то время уже существовала княжеская канцелярия со штатом писцов, можно лишь гадать, на каком языке писались такие "зверительные" грамоты, которые мог прочесть византийский чиновник. Им мог быть как славянский язык, так и греческий. Помимо должностных лиц, владеющих общепринятым греческим языком, в византийских канцеляриях, вероятно, могли быть чиновники, знавшие кириллическую азбуку славян (осно-

Сосуд с древнейшей кириллической надписью, найденной на территории России

ванную на греческих начертаниях), принятую тогда в Болгарии. Ими могли быть и сами славяне, находившиеся на службе у византийского императора.

Исключительный интерес для изучения вопроса о характере древнерусской письменности представляет надпись на керамическом сосуде из Гнездовского кургана (под Смоленском), которая по археологическим данным датируется первой половиной (не позднее середины) X в. Эта надпись была сделана до официального крещения Руси и введения кириллической письменности. Существующие на сегодня прочтения *гороу-хи-а*, *гороу-х-а*, *гороу-шн-а*, *гороу-ни-а*, *гороу-ни-а*, *гороу-н'-а* видят в ней производное (причастие ? - рус. *горюча(я)*, ц.-слав. *горюща*) от глагола *горѣти*. Другие исследователи видят в этой надписи производное от имени владельца сосуда - Горуна, Горунши. Согласно существовавшему погребальному обряду этот сосуд с надписью владельца мог быть разбит и положен в могилу умершего. Все исследователи расходятся в прочтении только одного места - как раз того, которое не могло быть правильно передано при помощи греческого алфавита. Это может говорить в пользу теории о постепенном, эволюционном возникновении кириллического письма из греческого. Гнездовская надпись, по этой теории, относится к той эпохе, когда кириллица еще только формировалась.

От времени, предшествующего официальному крещению Руси, дошли до нас также деревянные замки-цилиндры, которыми опечатывали мешки с собранной данью. Нанесенные на них кириллические надписи датируются временем изготовления самих замков - 70-ми годами X века.

В научной и популярной литературе иногда встречаются утверждения о существовании развитой христианской письменности у восточных славян до изобретения азбуки Константином Философом. Они основываются на сообщении Жития Константина о том, что во время его пребывания в Херсонесе и изучения им еврейского и самаритянского языков он обнаружил "евангелие и псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога".

Это загадочное сообщение вызвало в свое время большую полемику. Высказывалось несколько предположений о том, что имел в виду автор под "русскими письменами". С точки зрения одних исследователей, это - письмена древних "русов" (восточных славян), которые затем послужили основой азбуки, изобретенной

Константином Философом. Другие исследователи предполагают, что под русами здесь подразумевают готов, с которыми якобы русов могли путать в Византии. (Однако ниже в этом же тексте готы фигурируют под своим именем "готфи", что свидетельствует о том, что автор различал эти два народа.) С точки зрения еще одних ученых, здесь имеются в виду "сурские", то есть сирийские письма. Существовали и другие интерпретации этого сообщения, доходившие до утверждения о неподлинности этого места и более поздней вставке его в текст Жития.

Наиболее удачное объяснение, не требующее изменений текста, могла бы дать гипотеза о знакомстве Константина с письмом древних "русов" - жителей Поднепровья IX в., но, как мы показали, каких-либо следов его существования нет.

Не упоминается о нем в других письменных источниках. Согласно Житию Константина, византийский император Михаил III, поручая ему изобретение славянской азбуки, говорит о том, что у славян нет букв для записи своей речи. Оттуда же мы узнаем, что основным обвинением в адрес Константина на соборе латинского духовенства в Венеции было изобретение им букв, которых не знали раньше. В Итальянской легенде, принадлежащей к латинской традиции, также говорится об изобретении Константином новой азбуки. Существует специальное сочинение славянского писателя черноризца Храбра, посвященное обоснованию правомерности существования новой азбуки, изобретенной Константином. В Житии Наума, ученика Мефодия, говорится о переводе Солунскими братьями Библии "от еллинского языка на простой язык болгарский". В Житии другого ученика Константина и Мефодия - Климента Охридского, написанного греческим писателем и Охридским епископом Феофилактом, сообщается, что Климент научился Писанию, "преложенному к болгарскому языку" Солунскими братьями.

Большинство исследователей в настоящее время разделяет мнение о том, что в данном месте Жития речь идет о "сурских" - сирийских текстах. Они исходят из следующих соображений. Во-первых, в кратком проложном Житии Константина, возникшем на базе первоначального текста Жития, встречается сообщение о знании Константином, кроме славянского, еще четырех языков: греческого, латинского, еврейского и "сурского". Предполагается, что первоначальное чтение сохранилось в кратком Житии, а в пространном Житии это место испорчено или сознательно изменено, или вставлено позже.

Исправление текста, с точки зрения палеографии, вполне возможно. Ведь звук [у] в старославянском языке, как и в греческом, передавался первоначально при помощи диграфа, т.е. комбина-

ции из двух букв "он" *о* и "ижицы" *у-оу*. Со временем книжники стали отказываться от диграфа и переходить к написанию этого звука через "ижицу", иногда меняя слегка ее форму. Помимо этого, "ижица" сама по себе обозначала звук [и]. Поэтому в слове "сурский" ("сирский") первый слог можно было прочесть по-разному, что могло послужить поводом для книжника переставить две первые согласные, не меняя гласного, и получить вариант "русский" (роуский - "русский").

Помимо этого, интересующий нас раздел пространного Жития Константина имеет свою определенную логику. Он посвящен изучению Константином восточных семитских языков. Сначала Константин осваивает еврейский язык, затем самаритянский, и, наконец, сирийский. Ряд исследователей подвергает сомнению это сообщение, задаваясь вопросом, почему он не выучил этот язык в Константинополе, где у него было намного больше возможностей. Однако, такой же вопрос можно было бы задать и в отношении самаритянского и еврейского языков. Возможно, в данном случае мы имеем дело с не очень удачной попыткой автора Жития связать все, что ему известно об изучении Константином семитских языков, с его поездкой в Хазарию на диспут с иудеями. О бесспорном знании Константином сирийского языка свидетельствует фрагмент его предисловия к сделанному им переводу Евангелия, в котором он оправдывается в том, что прибегал в своей работе к переводам Библии на сирийский язык, выполненным еретиками несторианами.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что Константину при беседе с человеком, владеющим "русскими письменами", понадобились некоторые усилия, чтобы понять "смысл этой речи". Когда же он стал говорить на нем, "многие удивлялись ему, хваля Бога", т.е. реагировали так же, как и в предыдущем случае быстрого освоения Константином самаритянского языка, воспринимая это как очередное чудо, явленное христианским Богом. Если бы это был действительно язык восточного славянина, у Константина не было бы проблем в его понимании, т.к. языки южных и восточных славян отличались в то время не более, чем диалекты. И беседа Константина на этом языке никого не смогла бы удивить. К тому же, "для правильного чтения "русских" письмен ему необходимо было научиться различать "гласные и согласные". Внимание именно к этой стороне обучения Константина можно объяснить тем, что в сирийском письме, которое здесь имеется в виду, как и в других семитских алфавитах, гласные звуки не имели специальных букв, а обозначались особыми значками то над, то под согласными.

На основании сообщения об ознакомлении Константина в Херсонесе с рускими письменами" уже в раннем средневековье стали развивать идеи о самобытности русской письменности. (Не исключено также, что именно эта идея повлекла за собой сознательное, а не механическое, как можно было бы предположить, изменение соответствующего места в Житии Константина.) "Сказание о русской грамоте", созданное не позднее XIV в., так повествует об этом: "Яко рускыи язык [народ] ниоткуда же прия веры сея с(вя)тыя, и грамота руская ни кем же явлена, но токмо самим Богом вседержителем: Отцом и Сыном и Святым Духом ... А грамота руская явилась Богом дана в Корсуну русину, от нее же научися философ Костянтин: и оттуда сложив и написав книги руским языком... Послан бысть философ Костянтин в Мораву моравьскому князю, просившу философа. И тамо шед, научи мораву и ляхы, и чехы, и прочая языкы и веру утвердив в них правоверную и книги написав русским языком". Несколько позже было прибавлено "Кр(е)стися руский великий кн(я)зь Владимир во граде Корсуне, идеже книги обретошася руским языком писаны, ту и крещение".

Таким образом, грамота и вера на Руси признается автором не заимствованной, а открытой Богом благочестивому русину, живущему в Корсуне, у которого Константин Философ и научился "письменам", а затем распространил их среди других славянских племен. Владимир от греков также принял только крещение и "наряд" церковный, русская же вера была открыта ему самим Богом. Подобная идея могла быть популярна на Руси в разное время; точных датировок текст не содержит. На рубеже XIX-XX вв. она была подхвачена и развита академиком В.И.Ламанским, и с тех пор периодически с некоторыми изменениями появляется в научной и популярной литературе.

В.И.Ламанский развивал концепцию, согласно которой "первое крещение Руси" состоялось после похода русских на Константинополь в 860 г. Его осуществил Константин Философ во время своей "хазарской миссии" и основал для новокрещенных русских епископскую кафедру. Полагая, что Русь в IX веке была Хазарской провинцией, Ламанский утверждал, что Константин взял с собой в Хазарию приготовленные им славянские книги, которые затем были оставлены в Киеве. Единственным доказательством подобной концепции, противоречащей данным всех источников по истории славян, было известное послание патриарха Фотия 867 года. В нем сообщается, что "так называемые русы, поработив окрестные народы и чрезмерно возгордившись, подняли руки на Римскую державу, но теперь они приняли чистую и непорочную веру христианскую, так что получили епископа".

При этом, разумеется, не анализируется этническое содержание термина "русы", который даже столетие спустя, в X в., не означал восточноевропейских славян. Принятое в Византии наименование 'Ρως, переводимое обычно как "Русь", "русы" впервые встречается в сирийском источнике конца VI в. Тогда оно, конечно же, не могло относиться к восточным славянам. Известно оно и по арабским сочинениям, в которых под ним подразумеваются, видимо, аланы. В то время подобное название (также, например, как и термин "болгары"), относилось прежде всего к традиционному названию территории, население которой могло быть этнически неоднородным и в течение времени меняться. В Византии термин "Русь" в IX-X вв. обозначал не восточных славян, а выходцев из Северного Причерноморья, которые могли говорить на разных языках. Поэтому даже полное доверие к сообщению Фотия о "командировании" в 'Ρως во второй половине IX в. епископа еще не означает, что организация каких-то христианских приходов в Северном Причерноморье была связана с ведением там хотя бы проповеди на славянском языке.

Вместе с тем, даже в рассказе о крещении Владимира конца X в. греческие авторы именуют восточных славян не "русами", а "скифами" или "тавроскифами", что также связано с местом их обитания. Это было известно и первому русскому летописцу Нестору. В рассказе о расселении славянских племен в Восточной Европе он добавляет: "да те звались от грек Великая Скифь".

Идея крещения Руси и получения ею письменности в IX веке оказалась достаточно популярной в советской историографии 50-60-х гг., в которой утверждалась идея полной самобытности культуры восточных славян. Она основывалась, скорее, на патриотическом пафосе, нежели на данных исторических источников. "Даже самая возможность мысли о заимствовании письменности откуда-то извне, хотя бы из родственной славянской страны, представляется ... "противоестественной", если принять во внимание такой бесспорный факт, как весьма высокий в самый ранний период уровень русской культуры... и ее независимый характер", - писал один из характерных представителей этого направления. Основанная же на сообщениях реальных исторических источников концепция об изобретении славянской письменности Константином Философом воспринималась как "неверие в творческие силы русского народа", который, по мнению некоторых авторов, еще будучи языческим создал глаголическое письмо на базе упоминаемых черноризцем Храбром "черт и резов".

Замечание о "неверии в творческие силы" еще не появившегося на этнической карте народа (ибо древнерусская народность на-

чинает формироваться после 882 г. в составе складывающегося вокруг Кчева Древнерусского государства) свидетельствует об ориентации авторов подобных теорий на непрофессионального читателя, который не должен заметить неточностей и "небрежностей" в обращении с историческими фактами.

Дело не только в том, что наименование "русский" в IX в. относилось не к восточным славянам, а к части населения Северного Причерноморья. В данном случае игнорируется то принципиальное обстоятельство, что речь в Житии Константина идет не о каких-нибудь хозяйственных записях, которые могли быть у язычников, а об основных книгах христианского богослужения, переписанных до 860 г. Таким образом, предполагается существование у славян христианской письменности и богослужения задолго до складывания у них надплеменного государственного объединения, нуждавшегося в монотеистической религии. Известно, что небольшая часть славян могла принимать в это время христианство в частном порядке. Однако, вряд ли можно предполагать, что местные славяне, получившие церковную организацию только в 988 г., более чем за столетие до этого события, в 860 г., имели не просто письменность, а важнейшие христианские тексты.

История обращения в христианство "варварских" народов Европы не знает случая, когда у только что крещеного народа возникала письменность на своем языке. В церквях Паннонии и Моравии в течение первых десятилетий служба велась на латинском языке, а после крещения Болгарии на протяжении почти 30 лет языком местной церкви оставался греческий язык. Большинство же стран Европы, таких как Франция, Германия, Италия и др., своей письменности с принятием христианства вовсе не получили. Языком богослужения, литературы и науки стал латинский язык.

Надгробная надпись болгарского монаха на греческом языке 871 г. (Болгария)

Именно поэтому изобретение Солунских братьев являлось уникальным для средневековой Европы, а интерес к нему со стороны славянских князей определялся не вспышкой "национального самосознания", а соображениями исключительно политическими: славянские тексты Священного Писания были нужны им в борьбе за автономную церковь, которая бы поддерживала их политику, а не противостояла ей. Поэтому литература на церковнославянском языке к середине X в. получила достаточно широкое распространение у южных и западных славян, и когда в ней появилась потребность на Руси, она уже была представлена кириллическими и глаголическими рукописями.

На Руси славянская азбука, преимущественно в виде кириллического алфавита, появляется незадолго до принятия христианства. Первые записи были связаны с хозяйственной и, быть может, внешнеполитической деятельностью недавно возникшего крупного государства. Первые книги содержали запись христианских богослужебных текстов. До этого времени следов никакой другой христианской письменности, кроме той, которая связана с деятельностью Константина и Мефодия и их последователей, у восточных славян не обнаружено. Так же, как не обнаружено ее у других славянских племен и государств. Существует похожая гипотеза о возникновении у болгар глаголицы за два столетия до моравской миссии Солунских братьев. Ее мы рассмотрим ниже, когда будем давать обзор предполагаемых источников глаголической азбуки.

Что же представляют собой две славянские азбуки, легшие в основу славянской письменности, и как они соотносятся друг с другом?

Литературный язык славян дошел до нас, зафиксированный в рукописных памятниках двумя азбуками - глаголицей и кириллицей. Слово "глаголица" может быть переведена словом "буковича" и обозначает азбуку вообще. Термин "кириллица" может означать "азбуку, изобретенную Кириллом", однако большая древность этого термина не доказана. Рукописи эпохи Константина и Мефодия до нас не дошли. Самый ранний глаголический текст - Киевские листки (X в.), кириллический - надпись в Преславе 931 г.

По буквенному составу кириллица и глаголица почти совпадают. Кириллица, по рукописям XI века, имела 43 буквы. Глаголица, согласно памятникам того же времени, имела 40 букв. 39 из них служили для передачи почти тех же звуков, что буквы кириллицы, а одна - "гервь", отсутствовавшая в кириллице, предназначалась для мягкого *г*. Отсутствовали в глаголице буквы аналогичные кириллическим "пси" *ψ* и "кси" *ξ*, заимствованные из

Глаголица	Числовое значение	Кириллица	Числовое значение	Звуковое значение	Название
Ⲁ	1	А	1	а	АЗЪ
Ⲃ	2	Б	—	б	БОУКЪІ
Ⲅ	3	В	2	в	ВЕД.И
Ⲇ	4	Г	3	г	ГЛАГОЛН
Ⲉ	5	Δ	4	д	Δ.ОБРО
Ⲋ	6	Е	5	е	ЕСТЬ
Ⲍ	7	Ж	—	ж	ЖИВЕТЕ
Ⲏ	8	З, S, Z	6	џз	З.ЪА.О
Ⲑ	9	З	7	з	ЗЕМАГА
Ⲓ	10	І, İ	10	и	И
Ⲕ	20	И	8	и	ИЖЕ
Ⲗ	30	—	—	г' (и г')	Г'ЕРВЪ
Ⲙ	40	К	20	к	КАКО
Ⲛ	50	Л	30	л	ЛЮДНІК
Ⲝ	60	М	40	м	МЪКАНТЕ
Ⲟ	70	Н	50	н	НАШЬ
Ⲡ	80	О	70	о	ОНЪ
Ⲣ	90	П	80	п	ПОКОН
Ⲥ	100	Р	100	р	РЪЦН
ⲧ	200	С	200	с	СЛОВО
ⲩ	300	Т	300	т	ТЕРЬΔ.О
ⲫ	(400)	Ѡ, ѡ	400	у	УЧКЪ
ⲭ	(500)	Ф	500	ф	ФРЪТЪ
ⲙ	(600)	Х	600	х	ХЕРЪ
ⲏ	(700)	W	800	о	ОТЪ
ⲑ	(800)	Ш	—	шт	ША
ⲓ	(900)	Ц	900	ц	ЦН
ⲕ	(1000)	Ч, Ч,	90	ч	ЧРЪВЪ
ⲗ	—	Ш	—	ш	ША
ⲙ	—	Ъ	—	ѡ	ЕРЪ
ⲏ	—	Ы, Ы, Ы	—	ы	ЕРЫ
ⲑ	—	Ь	—	ѣ	ЕРЬ
ⲓ	(800)	Ѣ	—	ѣ	ІАТЬ
ⲕ	—	Ю	—	ю (ÿ?)	—
ⲗ	—	Ѧ	—	я	—
ⲙ	—	Ѩ	—	ÿе	—
ⲏ	—	Ѧ	900	носовое е	ЮС МАЛЫН
ⲑ	—	Ж	—	носовое о	ЮС БОЛШОН
ⲓ	—	Ѧ	—	—	—
ⲕ	—	Ѧ	—	—	—
ⲗ	—	Ѧ	60	кс	ѦН
ⲙ	—	Ѧ, Ѧ	700	пс	ѦН
ⲏ	—	Ѧ, Ѧ	9	ф	ѦНТА
ⲑ	(800)	Ѧ, Ѧ	400	и, в	УЖИЦА

Глаголическая и кириллическая азбука

греческого алфавита и обозначающие не свойственные славянской речи звуки. Не было и йотированных букв *e* и *a*, обозначавшихся в кириллице как *к* и *а*. Возможно, что первоначальный состав кириллицы и глаголицы был несколько иной. На основании того, что часть букв не встречается в ранних рукописях, исследователи предполагают отсутствие ряда знаков в первоначальном варианте азбук: в кириллице четырех йотированных - большого юса йотированного - *ѣ*, малого юса йотированного - *ѡ*, йотированных *a* - *а* и *e* - *к*; в глаголице - малого юса *и*, возможно, большого юса йотированного.

Славянские алфавиты были дополнены всеми буквами, необходимыми для передачи звуков старославянского языка: *б, ж, з, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ъ, ѣ*, носовых звуков *ѧ* и *ѫ*, а также буквами йотированных *a, e, y* - *а, к, ю*, и носовых йотированных *ѡ* и *ѣ*. Впоследствии, с изменениями, проходившими в славянских языках, часть букв стала дублетными, "лишними". К дублетным знакам, заимствованным изначально из греческого языка *w/o, n/i* добавились новые. Совпали в произношении [*з*] и [*дз*] - *з/s*, исчезли различия в произношении носовых и неносовых гласных, гласная переднего ряда, обозначаемая *ѣ*, также совпала в разных славянских языках с разными гласными, в ряде случаев редуцированные гласные *ь* и *ѣ* перешли в гласные полного образования *о* или *е*. Поэтому появившиеся дублетные буквы в средневековых текстах могли взаимозаменяться, исходя из установок каждого конкретного писца. Большинство этих букв употреблялось на протяжении всего средневековья и было отменено лишь при Петре I.

Подобно буквам греческого алфавита, глаголические и кириллические знаки имели, кроме звукового, и цифровое значение. Для обозначения каждой цифры единиц, десятков и сотен существовал свой знак. Помимо этого в глаголице, в отличие от кириллицы, одна из букв соответствовала тысяче. В кириллице для обозначения тысяч употреблялся особый значок (*Ѡ*), который ставился перед первой буквой цифры. Для того, чтобы указать, что буква обозначает число, а не звук, она выделялась в строке с обеих сторон точками, а над ней ставился особый значок - "титло" (*Ѡ*).

Цифровые значения букв в кириллице и глаголице не совпадали. В кириллице, основанной на греческом алфавите, цифры обозначали те же буквы, что и в греческом. Исключение составляли *б, 90, 900*, поскольку в греческой азбуке им соответствовали буквы, давно утратившие звуковое значение и на письме, кроме обозначения цифр, нигде не использовавшиеся. Они были заменены славянскими буквами. В глаголице, созданной как специальная славянская азбука, цифровое значение имели первые 28 букв под-

ряд, независимо от того, соответствовали они греческим цифрам или нет. Поэтому в глаголице и кириллице одна и та же цифра обозначалась по-разному.

Одинаковыми в обеих азбуках были названия букв, а также их последовательность в алфавите. Порядок букв восстанавливается исходя из их цифрового значения, на основе порядка греческого алфавита, а также благодаря так называемым акростихам, имеющимся в ритмически организованных текстах (в своего рода стихах), где строки начинаются буквами в порядке их следования в алфавите.

Нет ни одного исторического свидетельства о существовании двух славянских азбук. В Житии Константина Философа сказано лишь об изобретении им "славянских письмен". Болгарский писатель X века черноризец Храбр в своем "Сказании о письменах" защищает эти письмена и говорит, между прочим, о том, что они подвергались и подвергаются исправлениям, но ни слова не говорит о существовании двух различных азбук. Некоторые сведения, приводимые Храбром, например о 38 знаках славянской азбуки, относятся, скорее, к глаголице, чем к кириллице.

В середине XIX века словацкий ученый Шафарик выдвинул гипотезу, согласно которой глаголица изобретена Константином раньше, чем кириллица, появившаяся полувеком позднее, в школе царя Симеона. Дополненная наблюдениями славистов XX века, эта гипотеза является основной теорией, объясняющей возникновение славянских азбук. Она основана на следующих аргументах.

1) В западных областях, где проповедовали Константин и Мефодий (в Великоморавском государстве и в Блатенском княжестве в Паннонии), кириллица не известна. В них была распространена глаголица. В литературных же памятниках, восходящих к Восточной Болгарии, где в работе более поздней книжной школы царя Симеона (X в.) использовалась кириллица, следов глаголицы почти не находят.

2) В 1047 году в Новгороде поп Упирь Лихой написал рукопись "Пророки с толкованиями". Сохранились копии, сделанные с нее, которые донесли до нас и запись попа Упия середины XI века: "Слава Тебе, Господи, царю небесный, яко сподоби мя написати книги сия ис куриловице". В списках содержатся отдельные буквы и даже целые слова, написанные глаголицей, которые поп Упирь, очевидно, механически переписал из оригинала. Эта запись может свидетельствовать о том, что в Новгороде в XI веке "кириллицей" называлось глаголическое письмо. Наличие глаголических букв и слов в тексте говорит о том, что образец для кириллического текста был глаголический. В памятниках, напи-

санных кириллицей, нередко встречаются отдельные слова или предложения, записанные глаголицей. Это свидетельствует о том, что текст списан с глаголического. Напротив, все известные кириллические приписки в памятниках, написанных глаголицей, - позднейшего происхождения.

3) Памятники, написанные глаголицей, как правило, более архаичны по языку, чем кириллические тексты, что должно указывать на их связь с первыми славянскими переводами.

4) Глаголица менее совершенна по составу букв, чем кириллица; например, в ней используется одна и та же буква для обозначения открытого гласного переднего ряда *э* и *а* после мягкого согласного, очень близких по звучанию. В кириллице же для каждого из этих звуков введена своя буква: *ѣ* и *ѧ*. Это значит, что составители кириллицы уже имели опыт использования письма для записи славянской речи.

5) В кириллице используются буквы, обозначавшие звуковые сочетания, которые могли появиться у славян лишь с конца IX - начала X в. Это заимствованные из греческой азбуки буквы *ξ* (кс) и *ψ* (пс). В глаголице этих букв не было, так как в середине IX века в живой речи славян не могло быть таких сочетаний звуков.

6) Основным писчим материалом в те времена служил пергамен - специально обработанная кожа молодого животного (теленка, козленка, ягненка). Это был довольно дорогой материал, поэтому нередко прибегали к использованию старой книги для записи нового текста. Для этого старый текст смывался (или соскабливался) и поверх него писали новый. Такой текст называется палимпсестом. Среди известных нам палимпсестов есть кириллические рукописи, написанные по смытой глаголице, но нет ни одного глаголического текста, написанного по смытой кириллице.

На более древнее происхождение глаголицы и ее связь с деятельностью Константина Философа указывает и ряд других обстоятельств, в том числе и источники происхождения каждого из алфавитов.

Нет сомнения, что кириллический алфавит - это точное повторение греческого литургического устава (унциала) IX-X вв. Этот почерк характеризуется как медленное и торжественное письмо, отличающееся красотой и правильностью, отчетливым архитектурным характером линий и незначительным числом сокращений. Он применялся для создания роскошных, каллиграфически исполненных церковных рукописей. Из глаголицы в него были введены знаки, обозначающие специфические славянские звуки, не свойственные греческому языку.

ΔΕΛΦΗΝΕΠΑΙΝΩΝ. ΤΑ
 ΟΙΚΕΙΑΘΔΥΜΑΣΟΜΑΓ'ΟΥ
 ΜΗΝΟΤΙΟΙΚΕΙΑ. ΔΙΑΤΟΥ
 ΤΟΦΕΥΔΩΣ. ΑΛΛΟΤΙΔΛΗΘΗ.
 ΔΙΑΤΟΥΤΟΕΠΑΙΝΕΤΩΣ
 ΔΛΗΘΗΔΕ. ΟΥΧΟΤΙΔΙΚΑΙΟΝ
 ΜΟΝΟΝ. ΑΛΛΟΤΙΚΑΙΓΙΝΩ

Греческий инициал, IX в.

Ш П А В Т Р О Т Ж Т В Р Ъ Д О Ж В Н Д
 Т А Ж Е П А К Ъ Б О Ж Н И Ж С Л А В
 С Л А В Н Т Ъ Р О С Л О Д А Н Ж Е Б Ъ
 М Ъ Н Р Н Е Н Е П Н Е К О У П Ъ Е Р Е
 Д А К Р О Т О С Т Н Р А Д Н А Н Х Ы Д
 Д О Б Р О Т О В Ф Н И Н Д Ъ Л Ъ Т О У П
 Н О Н П О С Т Н Г Ъ Ш О У Б О Г О Н Е

Славянский устав XI в.
 (из Супральской мииен)

ΠΙΠΕΝΟΙΣΠ
 ΗΝΠΑΡΑΒΟΛΗ
 ΠΑΥΤΙΝ ΨΜΟΙ
 ΨΩΤΗΝΒΑΣΙΛΕΙ
 ΑΠΩΝΟΥΝΩΝ:
 ΑΝΩΒΑΣΙΛΕΙ, ΟΣ
 ΠΙΣΕΠΟΙΝΣΕΝΓΑ
 ΜΟΥΣΠΩΨΩΨ
 ΤΟΥ ΚΑΙ ΑΤΕΣΤΕΙ
 ΛΕΝΠΟΥΣ ΔΟΥΛΟΥΣ
 ΑΥΤΟΥ ΚΑΛΕΣΑΙ
 ΤΡΟΥΣ ΕΙΚΛΗΜΕ
 ΝΟΥΣ ΕΙΣ ΤΟΥΣ ΓΑ
 ΜΟΥΣ ΚΑΙ ΟΥ ΚΗ
 ΘΕΛΟΝΕΛΘΕΙΝ

Греческий унциал, X в.

П Р Ъ Н Н Е Н З А В Н С Т Ъ
 П О П Л А Т Н Ж Е Б С Е Н Д Ъ Б О
 Н Л А С К Ъ Р А Н Е Н Е Д А Н Н О Г Е
 Д Н Е Д А Л К Ы Д Б Ъ М Л О У
 Б О С О У Ш Т Е М Л Т Ъ Л Е С Н
 Н Д Ш Н С Л Д О М Л А С Л А С Т Н
 Ж Е Н Б О Л Т З Н Н А М Н О Г Ы
 С О У Т Ъ С Н Л Л С Д О М Л О
 Р А С Л Н Ж Ж Е К О У Ж Ж Д Б

Славянский устав XI в.
 (из Изборника Святослава, 1073 г.)

Происхождение знаков глаголицы более загадочно. Долгое время их также пытались отождествить с греческим алфавитом, но в ином, нежели устав, исполнении. Предполагалось, что они подражали греческой скорописи, возникшей в византийском делопроизводстве. Согласно этой точки зрения, обилие петель и округлостей в греческой скорописи побудило изобретателя глаголицы стилизовать почти все знаки при помощи петель. Если снять петли или перевернуть глаголические знаки под другим углом, то можно в них увидеть греческие буквы. Правда, почему в основу азбуки для церковных текстов недавно обращенных в христианство славян была положена скоропись, никогда не употреблявшаяся в то время в богослужебных рукописях, эта теория не объясняла. Начертания же букв, которым не находилось аналогий в греческом алфавите, объяснялись либо заимствованиями из ско-

ГЛАГОЛИЧЕСКОЕ			ГРЕЧЕСКОЕ	ГЛАГОЛИЧЕСКОЕ			ГРЕЧЕСКОЕ
Буквы	Название	Знаки старшие и младшие	Курсив	Буквы	Название	Знаки старшие и младшие	Курсив
z	жесты	Ѡ ѡ Ѣ	α . ζ . ω	а	азъ	ⱱ Ⱳ ⱳ ⱴ	ⱱ Ⱳ ⱳ
z	земля	Ѣ ѣ Ѥ	ⱱ = Ⱳ	б	бугаты	Ⱶ ⱶ ⱷ ⱸ	Ⱶ ⱶ ⱷ
dj	ѡ (оръ)	ⱱ Ⱳ	ⱱ = Ⱳ	в	вагоны	ⱹ ⱺ ⱻ ⱼ	ⱹ ⱺ ⱻ
с	ша	Ѣ ѣ Ѥ	ω ⱱ Ⱳ (ω)	е	естя	Ɀ Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ Ɀ Ɀ
st	шта	Ѣ ѣ Ѥ	ⱱ (ⱱ . ω)	dz	элар	Ɀ Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ
c(ts)	чи	Ѣ ѣ Ѥ	ⱱ ⱱ (ⱱ . ω)	і	иже	Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ Ɀ Ɀ Ɀ
с	чръя	Ѣ ѣ Ѥ	ⱱ = Ⱳ . ω	і	ижен	Ɀ Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ (ω) Ɀ (ω)
і	нае	К В Г	ⱱ (ⱱ . ω)	к	каво	Ɀ Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ Ɀ Ɀ
e(ja)	ога	К В Г	ⱱ ⱱ (ⱱ . ω)	l	ланди	Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ Ɀ Ɀ
ju	ю	Ѣ ѣ Ѥ	ⱱ . ω	m	маканте	Ɀ Ɀ	Ɀ
e	юсъ	Ɀ Ɀ	d = ⱱ . ω	п	нашь	Ɀ Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ Ɀ Ɀ Ɀ
о							
u	ижица	Ѣ . ѣ	ⱱ . ω	р	покон	Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ Ɀ Ɀ
o/u	нръ	Ѣ ѣ Ѥ	ⱱ . ω	г	ръци	Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ Ɀ Ɀ
у	нръ	Ѣ ѣ Ѥ	ⱱ . ω	с	сабоо	Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ Ɀ Ɀ
e/	юсъ	Ɀ Ɀ	ⱱ . ω	t	терлао	Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ Ɀ Ɀ
je							
jo	юсъ	Ѣ . ѣ	ⱱ . ω	f	фратъ	Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ
				x	хръ	Ɀ Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ Ɀ
				o	штъ	Ɀ Ɀ Ɀ	Ɀ Ɀ
				e	днта	Ɀ Ɀ	Ɀ
				v	вѣдѣ	Ɀ Ɀ	Ɀ
					—		!

Сопоставление глаголических букв с буквами греческой скорописи (по А.М.Селищеву)

греч. скороп.	слав.	кир.	греч. иск.	слав.	кир.
α	ⱱ	ⱱ	ⱱ	Ⱶ	Ⱶ
γ	ⱶ	ⱶ	ⱶ	ⱷ	ⱷ
δ	ⱸ	ⱸ	ⱸ	ⱹ	ⱹ
ι	ⱺ	ⱺ	ⱺ	ⱻ	ⱻ
λ	ⱼ	ⱼ	ⱼ	ⱽ	ⱽ
υ	Ȿ	Ȿ	Ȿ	Ɀ	Ɀ
τ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ
σ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ
χ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ
ρ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ
υ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ
ο	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ
ϛ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ

рописных лигатур, т. е. соединений двух разных знаков в один, либо, в очень редких случаях, - из других алфавитов. Отмечалось их близкое родство с аналогичными кириллическими знаками б, ц, з, ч, ж, ш, щ, љ, ѓ, њ, љ, њ, љ. Однако, даже при поверхностном сравнении глаголицы и греческой скорописи можно понять, как они далеки друг от друга. Нужна незаурядная фантазия, чтобы увидеть их сходство.

На смену такой интерпретации происхождения глаголицы пришли другие, более критически оценивающие ее связь с греческой скорописью. Связь с другими, в том числе восточными, алфавитами усматривалась уже не на уровне единичных, и

Сопоставления глаголических и кириллических букв (по В.Н.Щепкину)

Э.Георгиевым в Болгарии) был сделан вывод, что глаголица - не продукт эволюции какого-либо алфавита, а плод творчества одного человека, исповедующего христианство. В основу подавляющего большинства ее букв, с их точки зрения, положены три основных символа христианской религии: крест (символ Христа), треугольник (символ Троицы) и круг (символ бесконечности и всемогущества Бога Отца).

Глаголические буквы **И** и **С**, составленные из треугольника и круга, соседствуя в самом начале Евангелия от Иоанна (в самой первой фразе, переведенной Константином на славянский язык - "Искони бѣ слово"), а также в сакральном сокращении имени Иисуса, образуют уравновешенный и богословски значимый графический ансамбль. Начинаящая азбуку буква **А** передана при помощи креста - символа Христа и одновременно знака молитвы при начале письма. Надо заметить, что в грузинской миссионерской азбуке такой же крест обозначает букву "кан", с которой начинается по-грузински слово Христос - "Кристе". Это совпадение не могло быть случайностью. Однако, принцип, который положен в начертания знаков всей глаголицы, исследователями определен не был.

Недавно была сделана попытка пересмотреть происхождение глаголицы и отнести создание славянской письменности к 70-м гг. VII в. Известный филолог Г.М.Прохоров, основываясь на сообщении так называемой Солунской легенды, предложил рассматривать глаголицу как азбуку, созданную в VII в. для болгар миссионерами-монофизитами (христианство монофизитского толка, изменившее один из важнейших догматов о равенстве всех ипостасей Троицы, исповедывалось в значительной части государств Ближнего Востока; ортодоксальная церковь признавала монофизитство ересью). Константин Философ же, согласно этой теории, позже создал кириллическую азбуку.

Попытки найти следы славянской письменности до Константина у болгар, основанные на сообщениях более поздних и ненадежных текстов Солунской легенды и краткого проложного Жития Константина (так называемого "Успения Кирилла"), сродни поискам истоков письменности в "русских письменах". Несмотря на легендарность этих сведений, время от времени появляются работы, доказывающие их подлинность. Чтобы продемонстрировать их спорность, а также показать, что утвердившееся в науке представление о возникновении славянской письменности, основанное на анализе всех возможных исторических источников многими поколениями ученых-славистов, является на сегодняшний день наиболее реальным, мы остановимся на гипотезе монофизитской азбуки подробнее.

Армянское и грузинское письмо (По Ч.Лоукотке)

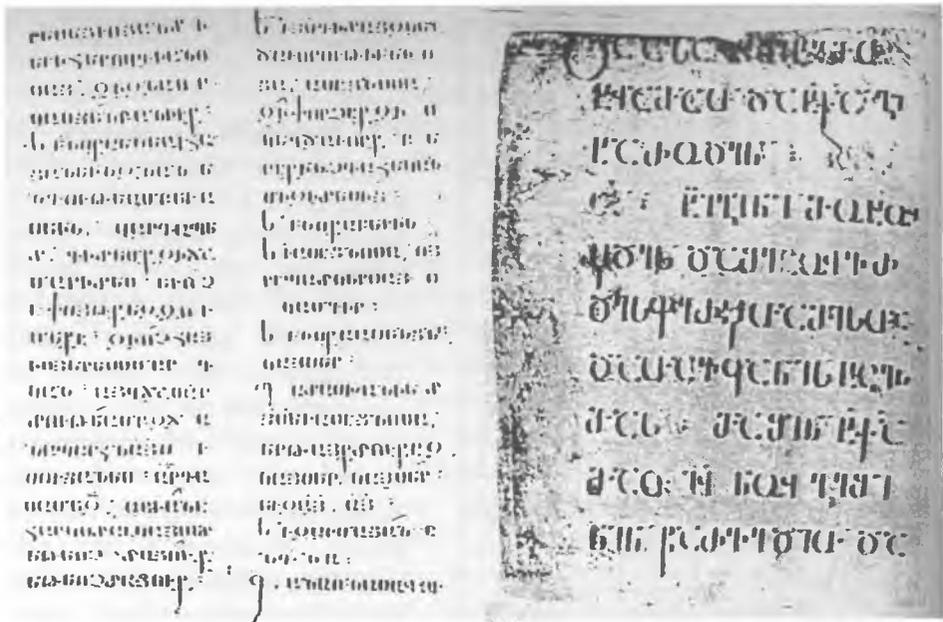
армянское			грузинское			армянское			грузинское		
главное	строчное	курсивное	нхутсури		мхедрули	главное	строчное	курсивное	нхутсури		мхедрули
			главное	строчное					главное	строчное	
Ա	ա	ա	Ա	ա	Ա	Ա	ա	Ա	ա	Ա	ա
Բ	բ	բ	Բ	բ	Բ	Բ	բ	Բ	բ	Բ	բ
Գ	գ	գ	Գ	գ	Գ	Գ	գ	Գ	գ	Գ	գ
Դ	դ	դ	Դ	դ	Դ	Դ	դ	Դ	դ	Դ	դ
Ե	ե	ե	Ե	ե	Ե	Ե	ե	Ե	ե	Ե	ե
Ձ	զ	զ	Ձ	զ	Ձ	Ձ	զ	Ձ	զ	Ձ	զ
Լ	լ	լ	Լ	լ	Լ	Լ	լ	Լ	լ	Լ	լ
Խ	խ	խ	Խ	խ	Խ	Խ	խ	Խ	խ	Խ	խ
Վ	վ	վ	Վ	վ	Վ	Վ	վ	Վ	վ	Վ	վ
Զ	զ	զ	Զ	զ	Զ	Զ	զ	Զ	զ	Զ	զ
Շ	շ	շ	Շ	շ	Շ	Շ	շ	Շ	շ	Շ	շ
Պ	պ	պ	Պ	պ	Պ	Պ	պ	Պ	պ	Պ	պ
Ր	ր	ր	Ր	ր	Ր	Ր	ր	Ր	ր	Ր	ր
Ս	ս	ս	Ս	ս	Ս	Ս	ս	Ս	ս	Ս	ս
Յ	յ	յ	Յ	յ	Յ	Յ	յ	Յ	յ	Յ	յ

Большая древность глаголицы по сравнению с кириллицей в ней сомнению не подвергается. Однако подчеркивается, что до сих пор не известно, что послужило источником для глаголицы. Очевидным для автора является лишь то, что глаголица, в отличие от кириллицы, круто отступает от греческого алфавита и стилистически очень близка к миссионерским азбукам первых шести веков нашей эры - к армянской, грузинской, коптской (египетской), эфиопской, в некоторых случаях кавказско-албанского, сирийского "эстрангело" и мандейского (гностицистический вариант арамейского) алфавитам.

Внутри этой группы отмечается поразительная близость армянского (V в.) и глаголического алфавита с эфиопским (возникшем несколько раньше, в IV в.).

Достаточно расположить однотипные буквы армянского алфавита, созданного Месропом Маштоцем, по группам, чтобы стало видно, что в пределах каждой группы буквы отличаются лишь перемещением какой-либо черточки или изменением позиции. Тот же самый принцип изменения значения буквы (прибавления к букве, обозначающей согласную, в виде определенного значка той или иной гласной) имеет и эфиопское письмо.

Общность глаголицы с эфиопским письмом также выходит за пределы сходства отдельных графических фигур. Будучи совершенно различными по своему строю и по значениям знаков, они близки по элементам, из которых строятся и которые придают им столь своеобразный стилистический облик, - кружочками и горизонтальными палочками в среднем уровне знака, иногда с заги-

**Армянское четвероевангелие,
1066 г.**

**Ханаметный грузинский
лекционарий, VII в.**

бом вниз. Внешнее сходство глаголицы и эфиопского письма демонстрирует следующий случай: при национализации в 1929 г. коллекции академика Н.П.Лихачева филолог, профессор, впоследствии академик, А.С.Орлов принял эфиопскую рукописную Псалтырь XIX в., лежащую на столе у хозяина дома, за новый неизвестный науке глаголический памятник.

Г.М.Прохоров считает, что заимствованием принципов строения букв из эфиопского и частично армянского автор глаголицы не ограничился. Он был знаком и с другими алфавитами христианских народов Африки и Ближнего Востока, которые также повлияли на графику глаголицы. Однако исследователь недоумевает, где Константин, если бы он был автором глаголического алфавита, мог познакомиться с письменностью восточно-христианских народов. Все они, с его точки зрения, к тому времени в большинстве своем находились в культурной изоляции под властью арабов. Он не учитывает тот факт, что Константин некоторое время был хранителем библиотеки византийского патриарха, которая не могла не содержать рукописи Священного Писания на языках народов, принадлежащих к восточно-христианскому миру. Более того, работа Константина была санкционирована императором и патриархом Византийской империи, которые без труда могли орга-

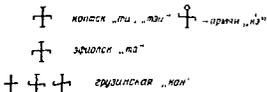
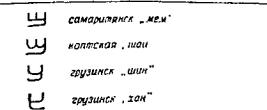
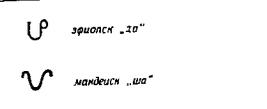
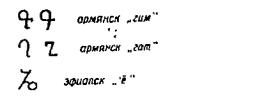
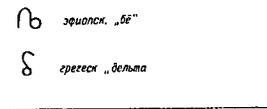
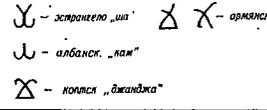
низовать доступ Константина ко всем интересующим его рукописям Константинополя - столицы восточно-христианского мира.

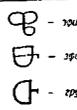
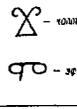
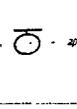
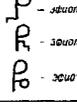
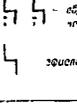
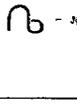
На основании того, что периодом наивысшего расцвета и плодотворных международных контактов сирийской, армянской, коптской, эфиопской и нубийской монофизитских христианских культур (письменность которых могла повлиять на складывание графики глаголического алфавита) были V-VIII вв., исследователь приходит к выводу, что именно в это время, а не позже, при Константине Философе, могла появиться глаголица. В связи с этим он вспоминает о существовании "русских писмен", найденных

U ha	U bû	Y hî	Y bâ	Y hê	U hə (ë)	U hâ
Λ la	Λ lû	Λ li	Λ lâ	Λ lê	Δ la	Λ lə
dh ha	dh bû	dh hî	dh bâ	dh hê	dh ho	dh hō
σ ma	σ mû	σ mi	σ mǎ	σ mē	σ ma	σ mō
ω śa (sa)	ω śû	ω śî	ω śǎ	ω śê	ω śo	ω śō
ζ ra	ζ rû	ζ ri	ζ rǎ	ζ rē	ζ ro	ζ rō
ś sa	ś sû	ś si	ś sǎ	ś sē	ś so	ś sō
ϕ ka	ϕ kû	ϕ ki	ϕ kǎ	ϕ kê	ϕ ko	ϕ kō
β ba	β bû	β bi	β bâ	β bê	β bo	β bō
τ ta	τ tû	τ ti	τ tǎ	τ tē	τ to	τ tō
γ ha	γ hû	γ hî	γ hǎ	γ hê	γ ho	γ hō
z na	z nû	z ni	z nǎ	z nē	z no	z nō
h ka	h kû	h ki	h kǎ	h kê	h ko	h kō
ω wa	ω wû	ω wi	ω wǎ	ω wē	ω wo	ω wō
ρ ra	ρ rû	ρ ri	ρ rǎ	ρ rē	ρ ro	ρ rō
η za	η zû	η zi	η zǎ	η zē	η zo	η zō
ϑ ya	ϑ yû	ϑ yi	ϑ yǎ	ϑ yē	ϑ yo	ϑ yō
κ da	κ dû	κ di	κ dǎ	κ dē	κ do	κ dō
γ ga	γ gû	γ gi	γ gǎ	γ gē	γ go	γ gō
μ ja	μ jû	μ ji	μ jǎ	μ jē	μ jo	μ jō
κ pa	κ pû	κ pi	κ pǎ	κ pē	κ po	κ pō
κ sa	κ sû	κ si	κ sǎ	κ sē	κ so	κ sō
θ da (sa)	θ dû	θ di	θ dǎ	θ dē	θ do	θ dō
ζ fa	ζ fû	ζ fi	ζ fǎ	ζ fē	ζ fo	ζ fō
τ pa	τ pû	τ pi	τ pǎ	τ pē	τ po	τ pō

Эфиопский слоговой алфавит
(по В.А.Истрину)

Таблицы соответствия глаголических букв буквам восточных алфавитов по Г.М.Прохорову

ст	1	 <p>† коптск. „а“, „аѣ“ † - армянск. „а“ † зещолск. „а“ † † † грузинск. „аѣ“</p>
буки	2	 <p>ⱱ самаритянск. „бѣ“ ⱱ коптск. „бѣ“ ⱱ грузинск. „бѣ“ ⱱ грузинск. „ѣѣ“</p>
вѣѣ	3	 <p>ⱱ зещолск. „ѣѣ“ ⱱ македонск. „ѣѣ“</p>
звѣѣ	4	 <p>ⱱ армянск. „ѣѣ“ ⱱ армянск. „ѣѣ“ ⱱ зещолск. „ѣѣ“</p>
дѣѣ	5	 <p>ⱱ зещолск. „ѣѣ“ ⱱ греческ. „дельта“</p>
еѣѣ	6	 <p>ⱱ - самаритянск. „ѣѣ“</p>
жѣѣѣ	7	 <p>ⱱ - армянск. „ѣѣ“ ⱱ - армянск. „ѣѣ“ ⱱ - албанск. „ѣѣ“ ⱱ - коптск. „ѣѣѣѣ“</p>

ѣѣѣ	8	 <p>ⱱ - зещолск. „ѣѣ“ ⱱ зещолск. „ѣѣ“</p>
земѣѣ	9	 <p>ⱱ - зещолск. „ѣѣ“ ⱱ - армянск. „ѣѣ“ ⱱ - зещолск. „ѣѣ“ ⱱ - грузинск. „ѣѣѣѣ“</p>
иѣѣѣ	10	 <p>ⱱ - коптск. „ѣѣѣѣ“ ⱱ - грузинск. „ѣѣѣѣ“ ⱱ - зещолск. „ѣѣѣѣ“ ⱱ - армянск. „ѣѣѣѣ“</p>
и	20	 <p>ⱱ - армянск. „ѣѣѣѣ“</p>
дѣѣѣ(ѣѣѣѣ)	30	 <p>ⱱ - зещолск. „ѣѣѣѣ“ ⱱ - зещолск. „ѣѣѣѣ“ ⱱ - зещолск. „ѣѣѣѣ“ ⱱ - зещолск. „ѣѣѣѣ“</p>
каѣѣѣ	40	 <p>ⱱ - армянск. „ѣѣѣѣ“ ⱱ - коптск. „ѣѣѣѣ“ ⱱ - армянск. „ѣѣѣѣ“ ⱱ зещолск. „ѣѣѣѣ“ ⱱ грузинск. „ѣѣѣѣ“</p>
люѣѣѣ	50	 <p>ⱱ - зещолск. „ѣѣѣѣ“</p>

же назвал его безумным старцем и сказал, что болгары - людоеды ("человекоядьцы") и его самого могут съесть. На базаре Кирилл увидел славян, услышал их речь и испугался. Лишь чудо помогло ему.

Однажды, выйдя из церкви после воскресной службы, он сел "на мрамори, мыслещи и скръбещи", и увидел птицу: по одним спискам - голубя, по другим - ворона. Птица держала в клюве пучок очиненных перьев для письма и бросила его на плечо Кирилла. Тот пересчитал их и обнаружил, что их было 32 (в одном списке - 35). Кирилл положил перья за пазуху и понес показать их митрополиту. И тут случилось чудо: перья скрылись в его теле, а сам он потерял способность понимать по-гречески ("...и азъ истребихъ гръчьскы языкъ"), зато стал понимать славянскую речь и, как будет понятно из дальнейшего повествования, обрел знание славянской азбуки.

	У - старослав. „у“ Л - старослав. „лж“
	Ф - армянск. „фн“ Р - армянск. „рз“ Р - армянск. „рцт“
	С - армянск. „са“ Ж - армянск. „жа“
	Ч - армянск. „ча“ Т - армянск. „тв“ Т - армянск. „тн“ Т - армянск. „тц“ Т - армянск. „тн“ (из надписи на черниле)
	Б - армянск. „бн“ и „ба“ Г - армянск. „га“ Б - армянск. „ба“
	Х - латинская „джанджа“ Х - армянск. „дже“
	М - армянск. „ма“ М - старослав. „с“

	Ф - армянск. „фна“ Ф - армянск. „фу“
	З - армянск. „з“ З - старослав. „з, th“ З - старослав. „з, th“ З - старослав. „з, th“
	Г - армянск. „гн“ Г - армянск. „гн“ Г - армянск. „гн“
	В - армянск. „ва“, армянск. „ва“ В - армянск. „ва“ В - армянск. „се“
	Д - старослав. „д, th“ Д - армянск. „де“ Д - армянск. „да“
	У - армянск. „ун“ У - армянск. „ун“

Митрополит прислал ему приглашение на трапезу, но Кирилл не понимал посланника. Собравшиеся солуняне удивлялись этому, а митрополит отдал приказание заточить Кирилла в темницу. Болгары же во главе с великим князем Десимиром Моравским, Радивоем Преславским и другими князьями, узнав о случившемся с Кириллом, собрались у Солуни и осадили город. Они осаждали город "за 3 лете, кровь около проливающе", требуя: "Дай нам человека, егоже послал Бог к нам!".

Г.М.Прохоров подчеркивает необычность требования язычников болгар и славян, в то время резко настроенных против христианства, выдать им задерживаемого солунским митрополитом христианского миссионера. Он пытается объяснить это тем, что Кирилл был миссионером-монофизитом, еретиком с точки зрения митрополита Иоанна, который пытался воспрепятствовать монофизитской проповеди и заключил миссионера в тюрьму. Это может объяснить причины заточения Кирилла, однако, это не объясняет основного противоречия, отмеченного самим исследователем: зачем убежденным язычникам, преследовавшим в своих

ш	Ш - армянск. „шб“ Ш - славянск. „шш“ Ш - алт. „шш“		- армянск. „шш“
ш	Ш - армянск. „шб“ Ш - славянск. „шш“ Ш - алт. „шш“		- армянск. „шш“
ш	Ш - армянск. „шб“ Ш - славянск. „шш“ Ш - алт. „шш“		- армянск. „шш“
ш	Ш - армянск. „шб“ Ш - славянск. „шш“ Ш - алт. „шш“		- армянск. „шш“
ш	Ш - армянск. „шб“ Ш - славянск. „шш“ Ш - алт. „шш“		- армянск. „шш“
ш	Ш - армянск. „шб“ Ш - славянск. „шш“ Ш - алт. „шш“		- армянск. „шш“
ш	Ш - армянск. „шб“ Ш - славянск. „шш“ Ш - алт. „шш“		- армянск. „шш“

	
юс большой	
	
юс малый пашированный	
	
	
юс большой пашированный	эфиопск. „цѣ“
	
фита	греческая „фита“
	
ипсилон, ижца	эфиопск. „пѣ“ эфиопск. „чу“

землях христиан, нужно было осаждать Солунь, проливая три года кровь, и требовать христианского миссионера?

Существует более реальная картина этой осады, описанная в "Чудесах св. Димитрия Солунского", автором которого был тот самый митрополит Иоанн II. Действительно, при солунском митрополите Иоанне языческие славянские племена ринхитов, стримонитов, дрогубитов и сагудатов, жившие на землях вблизи Солуни, осаждали этот город в течение трех лет (675-678 гг.), пока войско византийского императора Константина IV, вернувшееся после войны с арабами, не сняло осаду. Причиной этого конфликта согласно "Чудесам св. Димитрия" было возмущение славян против ареста и убийства византийцами вождя их племени Пербундуса. На каком основании исследователь предпочитает версию об осаде города Солунской легенды сообщению вполне реального греческого митрополита, остается непонятным.

Согласно Солунской легенде болгарские князья Десимир Моравский и Радивой Преславский (имена которых нигде, кроме этого источника, не встречаются) сняли осаду города Солуни, когда че-

рез три года митрополит Иоанн выдал им удерживаемого им Кирилла Философа. Взяв его "съ радостию великою", болгары привели его в город Равен на р. Брегалнице. Там "написал" для них Кирилл "словеса" - 32 буквы (по одному из списков - 35). "Азъ техъ мало учах, а они сами много приобретааху", - характеризует свою миссионерскую деятельность среди славян Кирилл. Завершается Солунская легенда выражением уверенности Кирилла, что его ученики сохраняют веру христианскую до самой смерти.

Г.М.Прохоров, интерпретируя это сообщение, идет намного дальше самого источника и полагает, что в нем говорится не об изобретении Кириллом азбуки, а лишь о чудесном ее обретении от птицы миссионером, который "думал о необходимости письменности для славян как условия научения их христианской вере". Иными словами, буквы, которым он стал учить славян на реке Брегалнице не были придуманы им самим. Они являлись более древним изобретением, которое Кирилл только использовал.

С версией Солунской легенды перекликается известный рассказ краткого проложного Жития Константина, который большинство исследователей расценивает как более позднюю болгарскую вставку (не ранее начала XIII в.). Согласно ему Константин Философ еще до Моравской миссии нашел на реке Брегалнице христиан и создал для них книги на славянском языке: "...щѣдъ въ Бръгалницу и обрѣтъ от словенскаго языка неколико крѣщенех. И елицех же не обрет крѣщенех он ж крѣстивъ их, и приведе на православную веру. И написавъ имъ книги словенскимъ языком".

Эти христиане, по мнению Г.М.Прохорова, были потомками тех, кого просветил Кирилл Каппадокийский, и уже имели свою письменность. Таким образом, "написав им книги словенским языком", Константин Философ лишь продолжил дело Кирилла Каппадокийского по распространению славянской письменности, а Кирилл в свою очередь воспользовался древнейшим славянским письмом, сложившимся у славян еще раньше. Этим письмом была глаголица, Константин же Философ изобрел для славян кириллицу.

Близость графики глаголицы к алфавитам восточных народов, у части которых монофизитство стало со временем государственной религией, при поверхностном рассмотрении наводит на мысль об их участии в возникновении славянского глаголического алфавита. Это заставляет исследователей строить разнообразные гипотезы о времени и обстоятельствах возникновения подобной азбуки. Однако, они забывают, что в момент возникновения восточных христианских алфавитов (эфиопского, армянского, грузинского и др.) общего между ними было лишь то, что они были новыми восточно-христианскими миссионерскими азбуками, ко-

торые создавались под контролем византийских правящих кругов.

Глаголица создавалась, прежде всего, как новая миссионерская азбука, и в силу этого походила на своих предшественниц.

Пятиязычная Библия, XIV в. Написана на языках народов, исповедующих монофизитство: армянском, арабском (языке межнационального общения на Востоке), коптском, сирийском и эфиопском

Почему многие миссионерские азбуки выглядели именно так, почему они так сильно отличались от "старых" систем письменности - греческой, латинской, еврейской - сказать сейчас невозможно. (Хотя были среди них и те, что создавались на основе греческого алфавита, например, готская и коптская.) Можно лишь заметить, что буквы в этих азбуках состояли из достаточно стабильного набора элементов, по-разному соединенных в каждом знаке. Это может объясняться тем, что глаголица не развивалась постепенно, как древнейшие азбуки. Она была создана миссионером, который поставил перед собой задачу не подражать начертаниям уже известных систем письма. Для того, чтобы связать в единое целое несколько десятков знаков, он должен был выработать некое организующее начало, внутреннюю логику вновь создаваемой системы. Удобнее всего было создать необходимое число устойчивых элементов, из которых путем комбинаций можно было бы конструировать новые знаки. Возможно, принцип их построения был ориентирован на традиции некоторых восточных алфавитов.

Восточное влияние сказывается и в декоративном оформлении глаголической рукописи. Ее орнамент, как и почерк, сильно отличается от константинопольской традиции украшения манускрипта, но очень напоминает декоративное оформление рукописей восточных провинций Византийской империи.

Можно определенно сказать, что никаких предпосылок для возникновения азбуки у славянских племен, получивших впоследствии название “болгары”, в 70-е гг. VII в. не было. В это время у них завершался процесс распада родо-племенного строя, однако, государства, которое бы нуждалось в монотеистической религии и письменности, у них еще не сложилось. Византийские христианские епархии, существовавшие на этой территории, в ходе нашествия и последующего расселения славян (в конце VI - первой половине VII в.) были полностью уничтожены. Христианские традиции на этих землях сохранялись лишь вместе с их носителями - остатками греческого населения и греческого духовенства. Однако, христианская религия не имела официального признания, а христианское богослужение совершалось, по всей вероятности, в домашней обстановке и, скорее всего, - втайне от язычников. Сообщения о враждебности язычников славян и протоболгар к христианству появляются непрерывно, начиная с VII в. Несомненно, однако, что незначительная часть славянского населения, соседствуя с греками, принимала христианство. В этих условиях о возникновении славянской письменности речи быть не могло.

Хан Омуртаг борется против христианских проповедей византийских пленных. Усекновение главы епископа Мануила. Миниатюра Мадридской хроники Иоанна Скилицы, конец XII в.

Начало Болгарскому государству будет положено несколькими годами позднее, чем представляет себе автор Солунской легенды и Г.М. Прохоров, в результате прихода ок. 680 г. на территорию расселения славян протоболгарских (тюркских) племен во главе с ханом Аспарухом. До первой трети IX в. первое Болгарское государство представляло собой своеобразную славяно-протоболгарскую "конфедерацию", в которой центральная верховная власть принадлежала протоболгарской аристократии во главе с ханом (протоболгары занимали центр и северо-восток страны), а славяне - по крайней мере, в пограничных зонах - подчинялись своим князьям в полуавтономных или автономных славянских - социально-политических организациях, сохранившихся от догосударственной эпохи. И славяне, и протоболгары сохраняли свои собственные языческие представления, имели культовые центры и определенную организацию для совершения языческих ритуалов.

Относительная веротерпимость протоболгарской знати по отношению к иным языческим представлениям славян сочеталась с

Военный поход царя Симеона против Византии. Поджог церкви.
Миниатюра Манасиевой летописи, 1345 г.

менности было вызвано желанием организовать богослужение на национальном языке, которое дало бы большую свободу Болгарской церкви, а значит и большую политическую свободу сильному и самостоятельному болгарскому государству.

Существует ошибочное мнение, что именно необходимость проповеди христианства вызывает потребность в национальной письменности. Мы знаем, что проповедь христианства и формирование основных христианских понятий у славян происходила стараниями немецких и греческих миссионеров задолго до массового крещения славян. Проповедь проходила на славянском языке, однако, в специально записанных текстах она не нуждалась. Минимально необходимые при крещении тексты (молитва "Отче наш", Символ веры) должны быть заучены принимающим крещение наизусть, а в некоторых случаях они записывались при помощи "неустроенных" греческих и латинских букв. Острой необходимости в специальной, четко разработанной славянской письменной системе и переводах не ощущалось, даже если христианство становилось официальной государственной религией. И Моравия, и Паннония, и Болгария до введения славянской письменности уже были христианскими государствами. Вся история моравской миссии Константина и Мефодия показывает, что борьба шла за признание истинным перевода сокращенного текста Евангелия, созданного специально для чтения при богослужении.

Итак, славянская письменность создавалась для записи богослужебных текстов, которые предназначались для использования в организованном на славянском языке богослужении в рамках национальной церкви. Богослужебные книги без богослужения существовать не могут. Однако, история не знает ни одной славянской церковной организации и славянского богослужения до изобретения письменности Константином. А ведь новая епископия не могла быть изолированной от других христианских церквей: она должна была поддерживать с ними контакты, участвовать в соборах (съездах) восточных или западных Церквей, наконец, ее епископ должен был поставляться патриархом или папой. Подобные факты не известны.

Таким образом, отсутствие до второй половины IX в. в развитии славянских государств необходимых предпосылок для возникновения национальных церквей и, в частности, отсутствие богослужения на славянском языке, которое было основной причиной возникновения переводов необходимого богослужебного минимума текстов Священного Писания, ясно свидетельствует о том, что существование "русских письмен" в Херсонесе, болгарской письменности в Солуни, появление славянских книг для но-

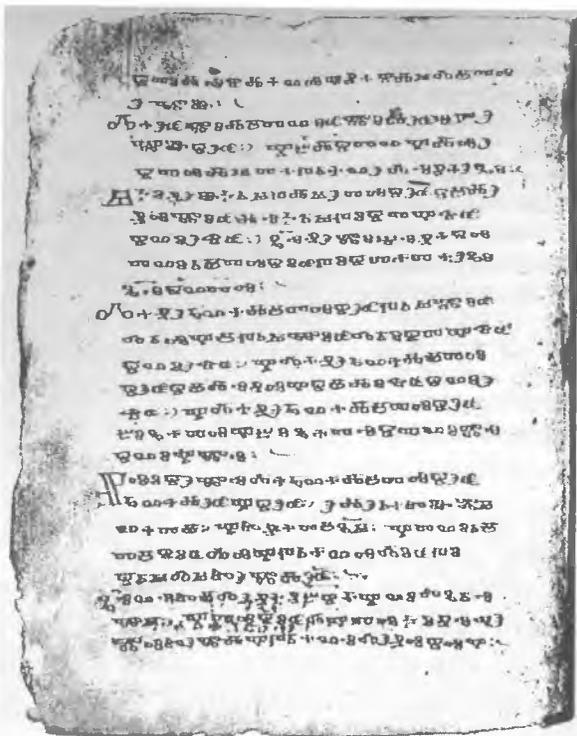
вокрещенных на реке Брегалнице и других свидетельств о возникновении славянской азбуки до изобретения ее Константином Философом - не имеют под собой исторических оснований и являются более поздними фантазиями на эту тему.

Помимо этих общих соображений, есть еще ряд более конкретных возражений против гипотезы, основанной на тексте Солунской легенды. Так, например, в 70-х гг. VII века, на которые пришлось проповедь Кирилла "в земле Болгар", тюрки-протоболгары во главе с ханом Аспарухом еще не осели на славянских землях и не могли дать им свое название. Более того, даже если бы они уже осели там, отождествление их в VII в. со славянами ("езыкъ словенскы, (се) рекше Българе") антиисторично. Понадобилось около двух веков для того, чтобы они растворились в массе славянского населения. И славянских князей, подчиненных протоболгарской знати в то время, мог назвать болгарами только человек далекий от событий того времени.

Кроме того, сторонники возникновения славянской письменности в результате миссионерской деятельности монофизитского проповедника неправильно, на наш взгляд, оценивают источники, повлиявшие на формирование графики глаголицы. Часть из них видят в проповеднике сирийца (на основе нескольких непереведенных в тексте Солунской легенды сирийских слов), часть - человека, использовавшего знания начертаний всех восточно-христианских миссионерских азбук в процессе изобретения глаголицы. Солунская легенда сообщает, что родился Кирилл в Каппадокии, учился в сирийском Дамаске, жил в египетской Александрии. Таким образом, он мог знать греческий, сирийский и коптский языки.

Однако, если сравнить необычное начертание букв глаголицы, можно заметить, что с сирийской, коптской и другими азбуками она имеет не много общего. Исключение составляет эфиопский алфавит, где мы встречаем не только абсолютно идентичные начертания букв, но и совпадающую систему их формирования. Очевидно, что эфиопская письменность в большей степени, чем какая-либо другая, оказала влияние на формирование глаголицы. В обоих алфавитах мы встречаем определенный набор знаков, из которых путем их комбинации и поворота в пространстве строятся все буквы.

Необходимо отметить, что сложившаяся в научной и популярной литературе традиция изображать глаголические буквы не всегда соответствует действительности. Она, по большей части, основана на таблицах, созданных в конце XIX в. на основе начертаний немногочисленных глаголических рукописей X-XII вв. Таблицы

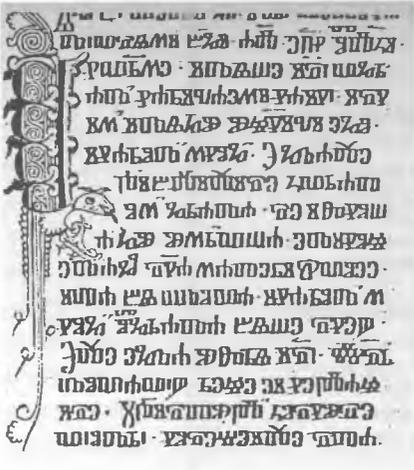

Глаголическая Синайская Псалтырь, XI в.

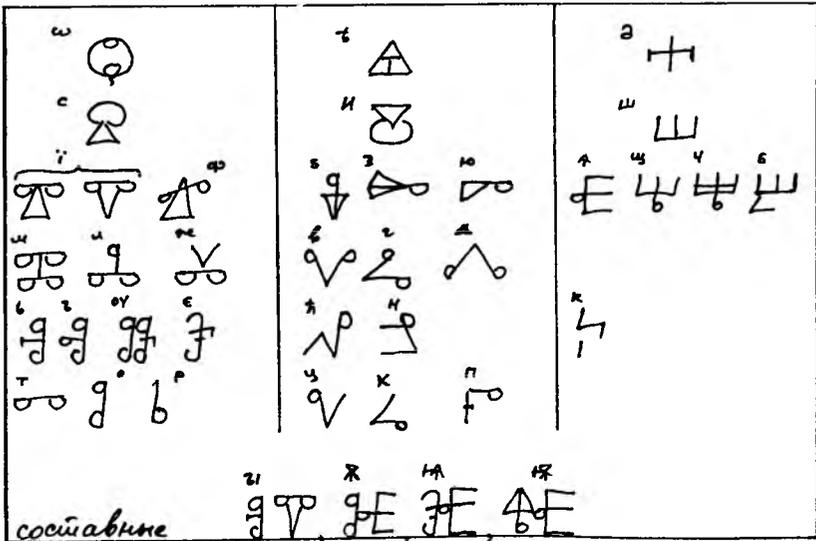
Эфиопское Евангелие от Иоанна, XVI в.

Хорватская глаголическая рукопись, XIV в.

составлялись, исходя из изображения буквы конкретным писцом, который не всегда обладал каллиграфическим почерком и тем более не понимал скрытого сакрального смысла, вложенного в начертание каждой буквы Константином Философом. В некоторых случаях начертания могли заимствоваться из очень поздних печатных хорватских книг, которые отражали почти тысячелетнюю эволюцию глаголицы. В результате

этого система знаков глаголицы представлялась, на наш взгляд, не совсем логичной и продуманной: часть знаков имела безусловное сходство как в самой системе построения, так и в отдельных начертаниях, часть же - не имела ничего общего с большинством знаков, или их отдельные элементы выбивались из основного набора значков, составляющих целые буквы.

Систематизация начертаний глаголических знаков

Сравнивая общие для всех букв начертания, нельзя не согласиться с выводом Г.Чернохвостова и Э.Георгиева о том, что основными элементами этих букв были крест, круг и треугольник. Они, в свою очередь, могли дробиться: крест мог быть представлен половиной перекладины (т.е. отрезком), целой перекладиной, представленной в виде скобы, и крестом, горизонтальная перекладина которого была ограничена двумя небольшими отрезками; круг мог быть представлен маленьким кругом, большим кругом и кругом, в который вписаны два небольших кружка; треугольник мог быть представлен углом, узким равнобедренным треугольником и широким треугольником, в который вписаны три небольших треугольника. Исходя из этих соображений, можно попытаться представить первоначальный облик букв, придуманных Константином.

Константин при создании своей азбуки не мог подражать мало похожим на нее армянскому, грузинскому, еврейскому, коптскому и другим алфавитам, хотя это и приписывается ему исследователями (Например, Г.М.Прохоров для разных глаголических знаков видит одну и ту же букву-прототип, равно как одному знаку глаголицы он подбирает несколько вариантов прототипных начертаний из разных алфавитов). Создатель глаголической азбуки не мог быть и сирийцем. Для сирийца было бы странным подражать знакам эфиопского алфавита и не использовать для этого собственную азбуку. Теоретически, создатель глаголицы либо должен был быть убежденным сторонником эфиопского алфавита (и в этом случае пользоваться им задолго до ее изобретения), либо

Сирийская рукопись, VII в.

вообще не иметь никакого отношения к восточным системам письменности, а, использовав систему организации букв одной из них, наполнить ее новым содержанием. Это и сделал Константин Философ, работая над славянской системой письма.

Таким образом, глаголицу можно рассматривать как миссионерскую азбуку, созданную подобно другим миссионерским азбукам (грузинской, армянской) одним человеком при помощи специально созданных для этого знаков, творчески переработавшим опыт своих предшественников. Этот вывод может еще раз служить свидетельством того, что глаголица была создана раньше кириллицы. Кириллица лишь заимствовала изобретенные Константином буквы для особых славянских звуков, включив их в систему знаков, основанную на начертаниях греческого алфавита.

Ученые спорят, чем руководствовалось византийское правительство, давшее задание Константину и Мефодию создать славянскую письменность. По мнению одних, речь идет, прежде всего, о создании благоприятных условий для крещения славян, живущих на территории Империи. Другие видят в этом попытку христианизации соседних славянских стран, поскольку на своей территории Византия могла проводить политику лишь насильственной эллинизации славян. Третьи - полагают, что византийские правящие круги вообще могли не иметь отношения к миссии Константина, который по собственной инициативе вел проповедь среди славян и одобрение своих действий получил позже от римского папы. В этом случае в качестве доказательства истинности своего дела Константин принес в Рим обретенные им мощи св. Климента, которые освятили в глазах папы его миссию.

Однако, мы знаем, что обретение мощей св.Климента - было не частным делом Константина или Херсонесской церкви, а важным официальным мероприятием Константинополя, в котором принимали участие архиереи и хор главного собора Византии - патриаршей Великой Софии. Поэтому византийские власти не могли не знать о славянской миссии Константина и не участвовать в ее организации. Что же касается конкретных планов Константинополя, то, к сожалению, мы не располагаем какими-либо источниками, способными пролить свет на этот вопрос.

Несомненно лишь то, что византийское правительство стремилось контролировать оказавшиеся в пределах Империи ранее свободные славянские племена. В то время славянские племена на территории Империи еще пользовались широкой автономией, управление ими находилось в руках архонтов из среды местного населения, которых постепенно и очень осторожно пытались заменить византийскими чиновниками (одним из которых был до

своего пострижения в монастырь Мефодий). Вместе с тем, болгарская угроза, которая ограничивала свободу действий византийских властей, заставляла их искать новые пути для усиления связи славянских окраин с Империей. Этой цели можно было достичь благодаря христианизации славян и созданию на их землях церковной организации, подчиненной Константинополю. Греческие проповедники, действующие до Константина на славянских землях вместе с немецкими и итальянскими (они упоминаются в Житии Мефодия), а также многочисленные епископства, появившиеся на славянских землях уже к 870 году, свидетельствуют о том, что византийское правительство такой возможностью не пренебрегало и славянские земли стали объектом миссионерской деятельности византийского духовенства задолго до этого. В этих условиях византийские правящие круги были заинтересованы в создании славянской письменности, которое могло сделать миссионерскую деятельность Византии более успешной.

Помимо этого, упоминание в Житии Константина о попытках византийских императоров до Михаила III найти славянские буквы ("Дед мой и отец мой, и иные многие искали их и не обрели") может свидетельствовать о том, что мысль о создании славянской азбуки появилась значительно раньше. В пользу достоверности этого сообщения говорит, прежде всего, неоднократно отмечавшийся филологами высокий уровень первых переводов Константина и Мефодия. За те несколько месяцев, которые отводятся в Житии Константина на подготовку к моравской миссии было невозможно создать принципиально новую систему знаков, какой была глаголица, точно отражающую фонетические особенности славянского языка, и осуществить перевод священных текстов, требовавших высочайшую степень точности передачи как смысла, так и внешней формы (синтаксиса, грамматики и т.д.). Она повлекла создание большого количества понятий и слов, отсутствовавших до этого в славянском языке. Фактически, был создан новый литературный язык. Как бы ни была велика личная одаренность братьев, такой высокий результат не мог быть достигнут, если бы ему не предшествовали другие попытки создания литературных текстов на славянском языке. Эти опыты были неудачными, однако они могли лечь в основу языкотворческой деятельности Константина.

Сообщение о попытках создать письмо для славян начиная со времени правления деда Михаила III - Михаила II, вполне правдоподобно. В начале IX века, когда окончилась болгаро-византийская война и было подавлено восстание Фомы Славянина, впервые должен был встать вопрос о подчинении византийскому влиянию сла-

вянских земель, входящих в состав Империи. В то время еще не сложилось достаточно благоприятных условий для отправки миссий к славянам за пределы Византии, поскольку многие из них были не только язычниками, но и целенаправленно преследовали христиан. Поэтому первоначальные попытки создания славянской письменности можно было бы связать с внутренними потребностями Империи. Упоминание же о нескольких таких опытах в разное время может свидетельствовать не только о трудностях, возникших в связи с миссионерской деятельностью среди славян, но и об ее насущности.

Однако, не следует преувеличивать заинтересованность византийских правящих кругов в успехе миссии Константина. Распространение своего влияния на славян при помощи введения на их землях славянского письма и славянского богослужения по византийскому образцу было лишь одним из возможных способов превращения их в верных подданных Империи. И, быть может, не самым лучшим. Введение на славянских землях особой письменности помимо ускорения христианизации этих земель могло способствовать сохранению их обособленности и даже независимости. Такая акция была бы более уместной на землях, не принадлежащих Византии, в которых ей предстояло соперничать с миссионерами других стран. Таким образом, решение о создании славянской письменности было одобрено и санкционировано византийскими правящими кругами прежде, чем Ростислав сформулировал свою просьбу. Быстрое и успешное выполнение этой миссии было личной заслугой Константина, отнесшегося к ней с нескрываемой заинтересованностью.

Выбор императором Константина Философа не был случаен. "Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе туда идти, ибо дела этого никто совершить не может, только ты", - говорит Михаил III. Вряд ли это можно объяснить только знанием Константином и его братом славянского языка, которому они научились в детстве. Константин был, говоря современным языком, профессиональным филологом, владеющим всеми тонкостями науки о языке. Он был также профессиональным богословом и философом, который мог хорошо обосновать созданные им теории (не случайно он возглавил кафедру философии в центральном высшем учебном заведении Византии, откуда и пошло именование его Философом). Он был также передовым ученым, разделявшим взгляды патриарха Фотия на необходимость развития светских наук. Но и это, как нам кажется, не было тем решающим обстоятельством, которое определило выполнение этого трудного задания Константином. Видимо, существовали какие-то личные убеждения и ин-

тересы Солунских братьев, которые позволили им так блестяще справиться с возложенной на них задачей. О чем-то мы уже никогда не узнаем, а о чем-то мы можем догадываться.

В Житии Константина изложены в общих чертах некоторые убеждения Солунских братьев. Несколько раз в нем приводится рассказ о грехопадении Адама, после которого человек может достичь первоначального совершенства и спастись только через искупительную жертву Христа. Выбор Константином миссионерской деятельности делом всей жизни свидетельствует о его размышлениях о спасении людей, которые ничего не знают о Христе, через их просвещение и крещение. В самой идее крещения людей разных национальностей нет ничего необычного. "Нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос", - писал апостол Павел, с особым благоговением чтившийся в кирилло-мефодиевском кружке.

Необычным для этого времени было очень сильное переживание этих мотивов и практические выводы, которые сделали Солунские братья. Если спасение дано для всех народов, то всем народам должны быть предоставлены равные возможности для спасения. Священное Писание должно быть доступно изложено для всех "варваров", которым для этого необходимо иметь собственную письменность и богослужение на родном языке. Славяне в то время были единственным языческим народом на территории Империи, и именно для них начали свою миссионерскую работу Константин и Мефодий.

Активная жизненная позиция и вера в возможность для славян-язычников в полной мере приобщиться к христианской идее и духовным ценностям Византии отличала Солунских братьев от интеллектуальной элиты византийского общества, к которой они принадлежали. Большинство утонченных столичных интеллектуалов круга Фотия надменно относилось к культурам других народов и даже латинский язык считало "варварским" и "скифским" (так его назвал Михаил III в своем послании римскому папе Николаю I). Сами же братья считали себя слугами императора и Империи, для которых они совершают свою миссионерскую работу: умирая, Константин говорит о том, что он перестает быть слугой "цесаря", а Мефодий перед смертью благословляет его.

Созданная Константином глаголица позже была перенесена в Болгарию учениками Константина и Мефодия, изгнанными из Великой Моравии. То, что болгарский князь Борис принял их с почетом и предоставил им все условия для дальнейшей деятельности, говорит о его заинтересованности в ведении письменности

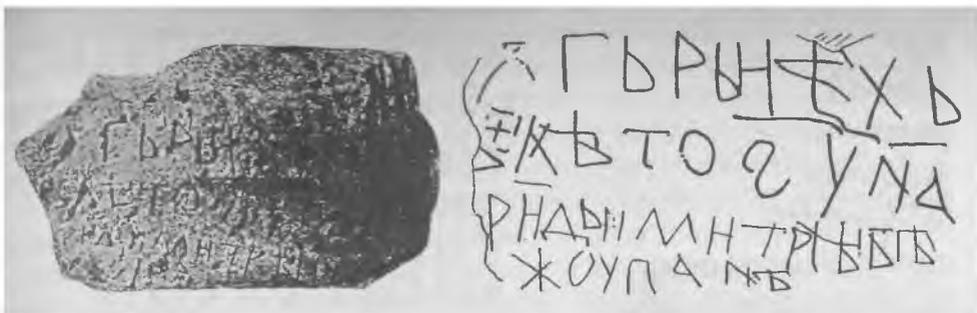
и богослужения на славянском языке, о существовании у него планов, которые могли быть реализованы при помощи пришедших славянских книжников. Судя по приему, описанному в Житии Климента Охридского, можно предположить, что Борис ждал их.

По его указанию прибывшие славянские книжники размещаются на юго-западной окраине Болгарского царства, в районе Охридского озера, где открывается "училище" по обучению молодежи новой глаголической письменности и подготовке кадров славянского духовенства. Так создается Охридская книжная школа - один из двух крупнейших центров болгарской книжности. Размещение ее вдали от столицы, на землях недавно присоединенных к Болгарии (ок. 864 г.), объясняется исследователями нежеланием Бориса преждевременно привлекать внимание к своим планам противников славянской письменности и богослужения. Ими могли быть как представители греческого духовенства, так и местная (по происхождению тюркская) знать, не разделявшая славянской политики своего князя.

Став ко второй половине IX в. мощным многонациональным феодальным государством и приняв христианство, Болгария нуждалась в собственной церковной организации, которая способствовала бы объединению разноплеменного населения и поддерживала бы центральную власть. Сразу же после принятия Болгарией христианства в середине 60-х гг. IX в. князь Борис в послании к римскому папе Николаю I открыто спрашивает, может ли Болгария иметь своего патриарха. В тот момент папа отказывает в назначении епископа в болгарские земли, византийский патриарх Фотий также дает понять, что созданные и вновь возникающие церковные округа в Болгарии будут подвластны Империи. Борис, подталкиваемый внутренними противоречиями в стране, предпринимает усиленные попытки по организации Болгарской церкви. В 870 г. на Константинопольском соборе был решен вопрос о назначении болгарским епископом грека Иосифа.

Появление в 886 г. в болгарских землях славянских книжников было очень кстати. Судя по всему, на первом этапе задача сложившейся в районе Охрида школы заключалась в подготовке необходимых условий (кадров и книг) для перевода богослужения на славянский язык, что и позволило болгарам заявить на Преславском соборе 893 г. об отказе от греческого языка в богослужении и объявить официальным языком государства и церкви славянский. С этим собором и реформой языка исследователи связывают и появление кириллицы.

Возникновение кириллицы вызвало большие споры в научной литературе. Полагают, что она формировалась на востоке Пер-

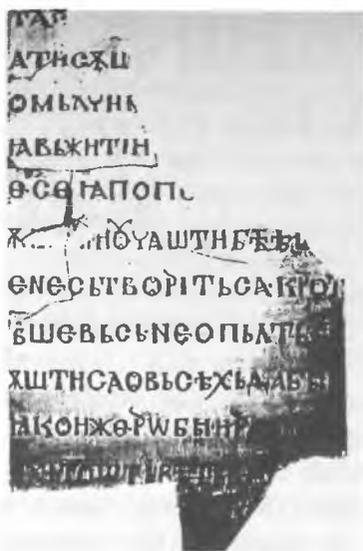
Добруджанская кириллическая надпись жупана Димитра, 943 г.

вого Болгарского царства на основе издавна распространенного здесь греческого письма. Как показывают находки целого ряда кириллических надписей первой половины X века, она сложилась не позднее рубежа IX-X вв. Кириллица формировалась в то время, когда глаголица еще продолжала развиваться под влиянием практического опыта, поэтому окончательное становление двух разных систем письма на южнославянских землях проходило при тесном взаимовлиянии. Этот процесс носил сложный и противоречивый характер. Существовали разные представления о том, какое письмо нужно славянам. Ведь в восточных областях Болгарии издавна использовали "неустроенное" греческое письмо. Борьбу этих идей отразило сочинение черноризца Храбра "О письменах", созданное в конце IX - начале X в.

Сочинение Храбра - уникальный текст, посвященный аргументированному исследованию азбуки Константина Философа. Он представляет собой не литературное произведение, а историко-филологическое описание системы письма, не связанное с догматикой христианской церкви, уникальное своим светским характером содержания. Храбр защищал недавно созданную

Глаголическая и кириллическая надпись Павла Хартофилакса в Круглой церкви Преслава, X в.

Керамическая плитка с кириллической надписью из Круглой церкви в Преславе, X в.

+ ВЪ Н М А Ш Т Ч А Н С
 Н Н А Н С Т А Г О Д О У Х А
 З С А М О Н А Б Р А Б Ъ Б *
 П О Л А Г А Я П А М А Т Е
 Ш Н И А Т Е Р Н Н Б Р А Т
 А К Р Ъ С Т Ъ Х Ъ С Н
 Н М Е М А О У С Т П З У
 I С О Л А Р А Б Ъ Б * Н
 Ъ А А В А Ъ Н А П Н С А
 А Ъ Т О О Т З С Ъ Т В С
 У З : Ф А Н Н З А Н

Надпись царя Самуила, 993 год

глаголическую азбуку. Причем он спорил не с представителями византийской церкви, которая могла бы настаивать на употреблении только греческого языка в качестве языка богослужения и письменности, а с образованными представителями болгарской знати и болгарского духовенства. Они не были против использования славянского языка в качестве официального, но возражали против нового способа записи славянских слов, который принесли в Болгарию ученики Константина и Мефодия.

Как писал сам Храбр, после принятия крещения у болгар сложилась традиция использовать греческие буквы для записи славянских слов. Вероятно, особые звуки присущие славянскому языку передавались при помощи не соответствующих для этого греческих букв, или посредством их сочетания. Необычность нового славянского глаголического письма, вызвали серьезные возражения.

Ситуация в Болгарии отличалась от обстоятельств, при которых славянская азбука вводилась в Великой Моравии. Поэтому разносторонняя аргументация Константина Философа о равенстве народов перед Богом и праве каждого из них иметь тексты Священного Писания и богослужения на своем языке оказывалась ненужной. Для болгарской знати необходимы были иные доводы

в защиту глаголицы. Ведь преимущество греческого письма заключалось в его древности и освященности многовековой традицией и именами святых Отцов, а славянские буквы были нововведением. Доказательствам правомерности возникновения и существования особого славянского письма и было посвящено сочинение Храбра.

Большая часть его сочинения была посвящена аргументации того, что все системы письма, в том числе и греческая, возникли и формировались постепенно, используя весь предшествующий им опыт. Создание же славянской азбуки - это заключительный этап в длительном общемировом процессе. "Но перед этим не было у греков (особых) письмен [для своего языка], но записывали свою речь финикийскими письменами. И так было много лет. Потом же пришел Паламед и, начиная с "альфы" и "беты", нашел для греков лишь шестнадцать букв. Кадам из Милета прибавил к ним еще три буквы. И так в течение многих лет писали девятнадцатью буквами. И потом Симонид нашел и добавил две буквы, а Эпихарм толкователь нашел (еще) три буквы, и собралось их 24. Через много лет Дионисий Грамматик нашел шесть двогласных, а потом другой - пять, а иной (еще) три цифры... А для славян один святой Константин, (в постижении) названный Кириллом, и письмена создал, и книги перевел за немногие годы: а они - многие за много лет: семь их создало письмена, а семьдесят - перевод".

При этом Храбр подчеркивал, что Константин старательно использовал весь предшествующий опыт, и даже начал свою азбуку с той же буквы, что и более древние греческий и еврейский алфавиты. "С первой (буквы) начал, как в греческой (азбуке): они ведь (начинают) с "альфы", а он с "аз". И как те создали (азбуку), подражая еврейским письменам, так и он - греческим".

Значительное внимание Храбр уделил доказательствам преимуществ славянского письма перед греческим, среди которых основным было наличие специальных букв для специфических славянских звуков. Однако, не только лингвистические преимущества отличают, по мнению Храбра, славянскую азбуку. "И потому (еще) славянские письмена более святы и [более достойны почитания], ибо создал их святой муж, а греческие - язычники эллины".

Содержание трактата ясно показывает, что он был написан после прихода учеников Мефодия в Болгарию в 886 г. Скорее всего, он возник в связи с так называемым "предложением", то есть переводом, книг, осуществленным в Болгарии в конце 90-х гг. IX в. Ко времени этого важного события споры о славянских "письменах", вероятно, закончились определенным компромиссом. Болгарские оппоненты Храбра по-прежнему придерживались мысли

использовать для записи славянской речи греческий алфавит, однако, под влиянием его аргументов проделали значительную работу по приспособлению этой азбуки к особенностям славянского языка. Греческий алфавит был дополнен необходимыми глаголическими буквами, при этом был введен ряд новых знаков для передачи звуков, присущих именно болгарским говорам, а буквы, отражающие особенности западнославянских говоров Паннонии и Моравии, были опущены.

Ряд исследователей предполагает, что реформа в Восточной Болгарии не ограничилась введением в употребление новой азбуки, созданной на основе греческого письма, но и затронула изменение норм самого книжно-литературного языка. Происходило не только "техническое" оформление кириллицы на основе греческого языка, но и приспособление созданного Константином славянского письма к культурным условиям Восточной Болгарии конца IX в.

Соотношение двух систем славянского письма не оставляет сомнений в том, что кириллица как специальная славянская азбука могла сложиться только при активном участии книжников, имевших ко времени ее создания опыт практического пользования глаголицей. Участием в ее создании книжников глаголической школы объясняется и то обстоятельство, что глаголица имела равноправное положение с вновь созданной кириллической азбукой. Оба алфавита употреблялись в Болгарии по крайней мере до конца XI в.

Таким образом, на протяжении почти двух столетий, представляя разные книжные школы, глаголица и кириллица находились в постоянном взаимодействии. Некоторыми исследователями высказывается также предположение, что после собора 893 г. богослужебные книги продолжали переписываться глаголицей, а кириллический алфавит употреблялся прежде всего для мирских потребностей, в княжеской канцелярии, где до этого долгое время использовался греческий язык.

Сложившийся таким образом кириллический алфавит со временем вытеснил глаголицу в восточных областях Первого Болгарского царства и оттуда был перенесен на Русь, где эта система письма полностью возобладала. После окончательного утверждения в этих областях нового алфавита, который со временем стал единственным, на него было перенесено название "кириллица" - письмо, созданное Константином-Кириллом, которое первоначально применялось к глаголице.

На тех же территориях, которые остались в подчинении римского папы и где распространилась глаголическая азбука, ее пер-

воначальное название не могло сохраниться. Хорватское духовенство, стремившееся добиться от римской курии согласия на употребление глаголического письма, приписало его изобретение раннехристианскому писателю IV в. Иерониму. Он прославился тем, что сделал перевод Библии с еврейского языка на латинский, который впоследствии был признан единственным правильным переводом и употреблялся в богослужениях католической Церкви. Его непререкаемый авторитет мог освятить использование глаголического алфавита. Поэтому в этих условиях творение Константина Философа получило нейтральное название "глаголица".

У ИСТОКОВ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

еотъемлемой частью человеческого общества является язык повседневного общения. Литературный же язык, возникший с появлением письменности, для существования этого общества не обязателен. Как мы уже выяснили, письменный литературный язык не был прямым продолжением разговорной речи. Он является продуктом цивилизации и нигде и никогда не появляется до разложения общинного строя и перехода к ранним государственным образованиям, выходящим за пределы родоплеменных отношений.

Его появление всегда было связано с сознательной и целенаправленной деятельностью коллектива людей или даже одного человека. Можно вспомнить об определяющей роли Месропа Маштоца в создании литературного языка христианской письменности древних армян, Ульфилы - создателя готского литературного языка, Константина (Кирилла) - в создании общеславянского средневекового литературного языка, Мартина Лютера как переводчика Библии - в создании немецкого национального литературного языка и т.д. Их деятельность проходила в определенных историко-культурных условиях и была вызвана потребностями общественного развития, а не требованиями внутренней эволюции самого языка.

Важно отметить, что для эпохи средневековья появление и распространение письменно-литературных языков характерно не только для Европы, но и для Азии. Они появлялись как языки официальных государственных религий в странах зарождающейся монархии. Именно так распространялась латынь в католической Европе, церковнославянский - в странах православной Европы, арабский - в восточных монархиях, принимавших ислам. Они использовались независимо от языка бытового общения населения этих стран. Язык церкви неизбежно становился в то время общим языком культуры, который стоял над диалектной раздробленностью языка повседневного общения.

С момента возникновения старославянский язык не был предназначен для использования в качестве разговорного языка и не может быть отождествлен с каким-либо живым славянским диалектом кирилло-мефодиевской эпохи. Такое положение языка сла-

вянских переводов было predeterminedо самими условиями его появления под пером первоучителей. Текстов на языке, созданном Константином и Мефодием, до нас не дошло. Он был изменен последующими переводами в разных славянских книжных центрах. Язык первых переводов принято называть старославянским. Его последующие модификации обычно называют изводами (вариантами) церковнославянского языка, сохранившимися в дошедших до нас средневековых рукописях. Церковнославянский язык был общеславянским языком средневековой книжности. Его особенностью является то, что он никогда не использовался как средство повседневного общения и не был воспринят его носителями с детства. Он был создан для записи древнейших славянских переводов христианских богослужебных книг, пришедших к славянам из Византии.

Христианское богослужение, насчитывающее ко времени возникновения славянской письменности более восьми веков, было сложным и пышным. Оно требовало употребления множества специальных священных текстов, которыми, в первую очередь, были тексты Евангелия, Апостола и Псалтыри. Помимо них существовало большое количество песнопений, которое выделяло византийское богослужение из всех остальных. Вот как его описывают послы великого князя Владимира, когда они увидели его впервые: "Но когда пришли мы к грекам, нас ввели туда, где служат они Богу своему, и мы не знаем: на небе ли мы находились или на земле, потому что на земле нет такого вида и красоты, и мы не в состоянии их описать; знаем только, что там с людьми обитает Бог и что богослужение греческое лучше всех других. Забыть этой красоты мы не можем..."

Все богослужебные тексты, особенно библейские, были упорядочены в соответствии с их употреблением в службе и не допускали никаких изменений во время их произношения. Если песнопения, созданные церковными гимнографами, могли заменять друг друга, то сакральные боговдохновенные тексты, т.е. тексты Ветхого и Нового Завета, должны были произноситься без малейших изменений. Поэтому все богослужебные тексты были тщательно зафиксированы и распределены по специальным книгам.

Принятие христианства предполагало, прежде всего, достаточно частое совершение богослужения. Первоначально оно происходило у славян на греческом языке. Однако, по мере того, как христианская церковь становилась одним из важнейших государственных институтов, возникла необходимость перехода богослужения на славянский язык и создания славянской письменной системы для записи богослужебных текстов.

**Послы князя Владимира на богослужении в Константинополе.
Миниатюра Радзивилловской летописи, конец XV в.**

Таким образом, старославянский язык возник как язык древнейших славянских переводов богослужебных книг с греческого языка, которые были выполнены в середине IX века. Он никогда не использовался в повседневном общении, а был специальным книжно-литературным языком, языком христианской церкви. В дальнейшем он стал языком всей средневековой литературы и науки.

Распространение созданного Солунскими братьями общеславянского книжного языка и его последующее утверждение как языка духовной культуры, а не только культа, было обусловлено политическими и историко-культурными обстоятельствами. Славянские князья стремились использовать славянскую книжность как средство укрепления своей власти внутри страны в условиях обычной для той эпохи междоусобной борьбы, утверждения своего суверенитета и достижения культурной, а отчасти и политической независимости по отношению к Византии и Римскому престолу.

На первом этапе Константин создавал свою азбуку и первые опыты переводов, ориентируясь на диалект славянского населения окрестностей Солуня, принадлежавшего к Македонским говорам. Миссионерская деятельность Солунских братьев проходила среди славян, к середине IX в. уже принявших крещение и имевших определенные представления о христианской терминологии.

логии. В древнейших славянских рукописях некоторые заимствованные греческие слова записаны в соответствии не с литературным, а с диалектным греческим произношением. Это свидетельствует о том, что они были усвоены в результате знакомства с нормами христианской жизни и текстами на слух.

Что касается земель последующей миссионерской деятельности Солунских братьев, то там, в Паннонии и Моравии, распространение христианства относится ко второй половине VIII в. Оно связано с деятельностью баварских священников и монахов, среди которых были миссионеры ирландского происхождения. Во главе их стоял игумен зальцбургского монастыря св. Петра Вергилий. Таким образом, в славянских землях Среднего Подунавья уже до появления там Константина и Мефодия существовали условия для складывания местной христианской терминологии, которая была ориентирована на латинский язык. Это неизбежно должно было отразиться на славянских переводах, создаваемых на втором этапе формирования литературного языка - в Паннонии и Моравии.

Так, например, давно замечены кальки с латинских слов в древнейшем славянском переводе молитвы "Отче наш", являющейся основной молитвой любого христианина и относящейся к тому абсолютному минимуму, который должен знать только что крестившийся. Более того, есть все основания предполагать, что в Паннонии и Моравии существовал опыт записи отдельных богослужебных текстов на славянском языке латинскими буквами. Такая традиция отражена в знаменитых "Фрейзингенских листах", которые донесли до нас записанные латинскими буквами древнейшие славянские переводы основных христианских текстов, употреблявшихся в славянской среде до прихода Константина и Мефодия.

В аналогичной ситуации развивалась и деятельность учеников Мефодия в Первом Болгарском царстве, где христианство было принято в качестве государственной религии за двадцать с лишним лет до их появления там. Но здесь языком богослужения был тот самый греческий, с которого в самом начале деятельности Константина делались переводы первых славянских книг. Тот факт, что созданная Константином глаголица была заменена в Преславе новой азбукой, в основу графики которой была положена греческая азбука, может указывать на существование здесь опытов записи славянских текстов греческими буквами.

В середине IX в. славянские языки еще очень незначительно отличались друг от друга, не больше, наверное, чем отличаются

современные русские говоры. Поэтому первый литературный язык был доступен всем славянам без исключения. В X-XI вв., как показывают древнейшие из сохранившихся рукописей, в текстах разных славянских народностей появляются языковые отличия. Язык сохранившихся славянских переводов уже не отражает языковые нормы, созданные Константином и Мефодием, поскольку он постепенно под влиянием живой речи стал впитывать местные особенности - болгарские, сербские, древнерусские, и приобретал как бы местный "оттенок", отличавший язык древнерусских книг от языка болгарских или сербских текстов. Однако, эти особенности были настолько незначительными, что переводы, сделанные в разных славянских странах, на равных правах существовали в общеславянской литературе и переходили из одного центра славянской культуры в другой.

Ранняя средневековая славянская литература была, прежде всего, литературой переводов и не знала художественных произведений, которые сейчас принято называть беллетристикой. Причина тому - не в безыскусности славянских книжников. Все средневековье было пронизано христианским мировоззрением, с позиций которого эстетическое наслаждение не имело самостоятельной ценности. Художественную литературу на ранних этапах славянской словесности заменяли собой богослужebные и душеспасительные тексты, основанные на Священном Писании.

В то время, согласно христианскому вероучению, человек мыслился как малый мир, "микрокосмос", который является подобием большого мира - Творца, создавшего всю окружающую человека действительность. Поэтому познание себя и мира сводилось к Богопознанию. Однако, согласно Священному Писанию, оно возможно не как постижение самого Бога, недоступное человеческому разуму, но как осознание смысла и величия его творений. Факты истории и сама природа по средневековым представлениям - лишь письмена, которые необходимо прочесть. Цель человеческого познания состоит в раскрытии тайного, символического значения окружающего мира. Мир - это книга, написанная перстом Божиим, а ключ понимания этой книги - Божественное откровение, содержащееся в Библии.

Книга, содержащая Божественную премудрость, входила в круг сакральных предметов, а работа над ней напоминала религиозное таинство. Творение ставилось выше творца. Понятие личного авторства в славянской средневековой литературе отсутствует: текст, в основу которого положены библейские образы и цитаты, мог перерабатываться, дополняться, использоваться как составная часть другого произведения.

Иисус Христос благословляющий.
Икона VII в.

Книжник мыслил себя не сочинителем, а только посредником между Божественной мудростью и человеком. Работа писателя сравнивалась с составлением букета цветов - "цветов" из других произведений. Чем авторитетнее их круг, тем достовернее повествование автора, тем сильнее они настраивают читателя на благочестивый лад, тем легче вызывают они благоговение и сознание высоты описываемого. Отсюда - обилие цитат из Священного Писания, роль которого во всей литературе средневековья огромна.

Истинное проникновение в высшую мудрость зависело не от таланта, а от благочестия и смирения. Литература создавалась не поэтическим,

а молитвенным вдохновением. Оригинальность произведения не считалось достоинством, как подражательность не считалась недостатком. Сами эти характеристики неуместны по отношению к текстам древнерусского или болгарского книжника, который был не сочинителем, а составителем нового произведения.

Средневековая славянская литература была общей для большинства славянских народов. Различие вероисповедания в средние века значило больше, чем национальное, религиозный патриотизм играл более важную роль, чем патриотизм этнический. Народы, исповедующие одну религию, связывал единый для них язык культуры и написанная на нем литература. Так образовывались культурные общности, выходившие далеко за рамки национальных государств. Одну из них исследователи называли *Slavia orthodoxa* (славянское православие) и рассматривают ее как третью самостоятельную цивилизацию средневековой Европы, равноправную потесненным ею более древним общностям - греческой и латинской. Значительная часть переводов и сочинений, созданных в пределах этой общности, принадлежала всем входящим в нее странам. Большинство текстов, не содержащих специфических местных идей, свободно перемещалось из одной части славянского мира в другую, не нуждаясь в переводе.

Как уже было сказано, большую часть молодой славянской словесности составляли переводы Библии, богослужебные и душеспасительные христианские тексты, созданные за предшествующую историю христианства учителями и отцами Церкви. Поэтому одним из основных вопросов, определяющих деятельность средневекового славянского книжника, заключался в принципах перевода текста. Что важнее: сохранить "истинную" форму переводимого предложения или "истинный" смысл? Это был не праздный вопрос. Ведь переводившиеся библейские тексты считались Богооткровенными, где, согласно классической формуле блаженного Иеронима, "даже порядок слов является таинством". Установка при переводе являлась одной из форм исповедания веры.

Первые славянские переводы Константина и Мефодия отличаются достижением удивительного сочетания формальной независимости от греческих оригиналов с принципом пословного перевода. Цель, которую преследовали Солунские братья, - просвещение неискушенных в вере - определила достоинства старейших славянских переводов. Она требовала от них, при сохранении принципа пословной передачи священных текстов, не вносить в язык чуждых элементов, не заниматься излишним словотворчеством, точно придерживаться однажды созданной ими терминологии. Им удалось найти средний путь между богословским требованием дословного перевода и жизненной необходимостью добиться понятности переведенных им текстов. Это позволило первоучителям достичь недостижимой впоследствии гармонии между ясностью и точностью перевода.

Переводы славянских первоучителей были обусловлены созданием новой славянской церкви, поэтому все они имеют прямое практическое назначение. Среди совместных переводов Солунских братьев Житие Мефодия называет краткие богослужебные Евангелие и Апостол, Псалтырь и "избранные службы церковные", которыми могли быть молитвословия так называемого частного богослужения - крещения, венчания, отпевания и т.п. Житие Константина сообщает, что первоучитель "вскоре же весь церковный чин перевел и научил их утрне и часам, и обедне, и вечерне, и тайной молитве". Таким образом, Моравская церковь получила все необходимые для полного цикла богослужения тексты. Предполагается, что позже Солунскими братьями был дополнен первоначальный перевод кратких богослужебных Евангелия и Апостола, а также выполнен перевод Паримийника (сборника отрывков из ветхозаветных текстов, употребляемых в богослужении). После смерти Константина Мефодий самостоятельно перевел почти все ветхозаветные книги, а также сборник церковного права - Номоканон.

Маринское евангелие,
начало XI в.

Зографское евангелие,
конец X - начало XI вв.

Ассеманиево евангелие, XI в.

161

Охридские глаголические листки, XI в.

Как видно из приведенного выше списка, первыми текстами, переведенными на славянский язык, были библейские тексты, которые в дальнейшем составили основной пласт средневековой литературы. Библейский текст в рукописной традиции существовал отдельными частями в зависимости от того, для чего он предназначался. Содержащие его рукописи делятся на три типа: богослужебные, четьи и толковые.

К первому типу относятся древнейшие славянские переводы Константина и Мефодия, а также их последующие варианты и дополнения. Это - Евангелие апракос (то есть служебное), Апостол апракос, Паримийник и служебная Псалтырь. Особенность этого типа книг состоит в том, что текст в них расположен не последовательно, а в виде отрывков ("зачал"), приспособленных к богослужению по особому церковному календарю. В течение года Евангелие и Апостол полностью прочитывались в церкви за богослужением, тексты Псалтыри как книги ветхозаветных песнопений также неоднократно исполнялись полностью, а отрывки ветхозаветных текстов из Паримийника читались в зависимости от церковных праздников. Помимо этого, служебная Псалтырь выполняла роль учебника для обучающихся грамоте. Знание библейских книг редко выходило за пределы того, что читалось и пелось при богослужении. Поэтому библейские цитаты, пронизывающие всю средневековую литературу, как переводную, так и оригинальную, обычно укладываются в рамки служебного библейского текста.

Второй тип библейских книг - четий - предназначался для домашнего и келейного (в монастырях) чтения. Появление его у славян связано с переводом основных библейских книг, сделанным Мефодием уже после смерти Константина. В виде отдельных книг переписывались прежде всего Четвероевангелия и Апостол. Большая их часть была приспособлена для богослужения: на полях этих рукописей проставлялись номера зачал и указания праздников, когда они читаются. Благодаря своей полноте и универсальности четьи тексты получили со временем большее распространение и вытеснили богослужебные типы книг. Третий тип библейских книг - толковый - также получил значительной распространение на раннем этапе существования славянской литературы.

Сохранилось очень немного рукописей, относящихся к самому раннему периоду славянской письменности. Большинство из дошедших до нас глаголических рукописей и отрывков X-XI вв. возникли в результате деятельности Охридской книжной школы, и лишь некоторые отрывки относятся к предыдущему моравскому периоду деятельности Солунских братьев и их учеников. К

106A0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106B0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106C0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106D0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106E0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106F0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106G0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106H0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106I0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106J0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106K0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106L0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106M0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106N0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106O0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106P0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106Q0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106R0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106S0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106T0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106U0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106V0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106W0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106X0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106Y0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 106Z0+Y8A; VAAE3P3P3E...

Киевский миссал ("Киевские глаголические листки"), X в.

107A0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107B0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107C0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107D0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107E0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107F0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107G0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107H0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107I0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107J0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107K0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107L0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107M0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107N0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107O0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107P0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107Q0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107R0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107S0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107T0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107U0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107V0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107W0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107X0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107Y0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 107Z0+Y8A; VAAE3P3P3E...

Синайский евхологий, XI в.

108A0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108B0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108C0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108D0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108E0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108F0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108G0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108H0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108I0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108J0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108K0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108L0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108M0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108N0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108O0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108P0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108Q0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108R0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108S0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108T0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108U0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108V0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108W0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108X0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108Y0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 108Z0+Y8A; VAAE3P3P3E...

Синайская псалтырь, XI в.

109A0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109B0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109C0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109D0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109E0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109F0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109G0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109H0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109I0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109J0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109K0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109L0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109M0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109N0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109O0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109P0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109Q0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109R0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109S0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109T0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109U0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109V0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109W0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109X0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109Y0+Y8A; VAAE3P3P3E...
 109Z0+Y8A; VAAE3P3P3E...

Рильские глаголические листки, XI в.

ним, например, принадлежит самый ранний славянский текст (X в.), который является фрагментом католического миссала - богослужебной книги латинской церкви. По месту своего нахождения он получил название Киевские глаголические листки (или Киевский миссал).

К богослужебным книгам византийского обряда, написанных глаголицей, относятся Синайский евхологий (требник), содержащий используемые при богослужении молитвы, церковные обряды, а также заповеди святых Отцов, и отрывок Синайского служебника (XI в.). Евангелиями четьего типа, то есть четвероевангелиями, являются Зографское (к. X - н. XI в.) и Мариинское (XI в.) евангелия. К Евангелиям апракосам, употреблявшимся при богослужении, относятся Ассеманиево (XI в.) евангелие, а также отрывки, получившие название Охридские глаголические листки (XI в.) и Зографский палимпсест (к. XI в.). Сохранилась также Псалтырь, названная по месту хранения Синайской (XI в.). Произносившиеся во время богослужения проповеди дошли до нас в отрывках Клоцева сборника (XI в.). Рильские глаголические листки донесли до нас фрагменты исповедальной молитвы и поучительные слова из Паренесиса Ефрема Сирина (XI в.).

К древнейшим кириллическим памятникам, язык которых мало подвергся изменениям под влиянием местных диалектов, относится намного меньше рукописей. Это не удивительно: ведь кириллица появилась на полстолетия позже, в Болгарии, когда уже не было в живых первоучителей. Рукописи Преславской книжной школы, где кириллица возникла, могли уже отражать новые местные особенности языка.

Ранние кириллические рукописи также донесли до нас тексты, употреблявшиеся при богослужении. Это - Евангелие апракос, дошедшее в так называемой Саввиной книге и в отрывках Листков Ундольского (XI в.), Енинский апостол (XI в.), Супрасльская Минея на месяц март, содержащая читавшиеся на богослужении жития святых (сер. XI в.), отрывки Поучений Кирилла Иерусалимского, сохранившиеся в Хиландарских Листках (XI в.).

От ранних этапов болгарской рукописной традиции рукописей практически не сохранилось. Однако о деятельности болгарской книжной школы мы все же можем составить представление по уцелевшим ранним рукописям русской редакции (извода) и по копиям (спискам) более позднего времени.

В Первом Болгарском царстве, куда была перенесена изгнанная из Моравии славянская рукописная традиция, статус славянского языка и литературы меняется. Они становятся проводниками культурной политики Болгарского государства. В соответствии

Саввина книга,
начало XI в.

Енинский апостол,
2 половина XI в.

с требованием эпохи репертуар славянской книжности сильно пополняется. Повторно переводятся или редактируются книги, созданные в моравский период, появляются переводы новых произведений, цель которых - христианское просвещение в самом широком смысле этого слова. В дополнение к библейским книгам служебного и четьего типа переводятся их толкования. В славянскую письменность переносятся составленные в Византии сборники проповедей, полемических слов, поучений, догматических толкований, принадлежащих перу авторитетнейших писателей восточнохристианской литературы (древнерусской копией одного из них был знаменитый Изборник великого князя Святослава 1073 г.). Греческие жития святых переводятся как по отдельности, так и в сборниках, предназначенных для чтения при богослужении вместе с проповедями в течение всего года. Особенно популярными были Патерики - жизнеописания святых отшельников и монахов.

Переводятся общедоступные изложения библейской истории (Палея). Некоторые из них комментируют библейский рассказ о сотворении мира за шесть дней (Шестодневы), другие - излагают историческую концепцию Библии, соединенную с византийскими летописями (Историческая Палея, Хроника Иоанна Малалы, "Летописец вскорѣ" патриарха Никифора). Переводятся многочислен-

Изборник кн.Святослава,
1073 г.

ные апокрифы - произведения, не вошедшие в Библию, но дополняющие ее рассказами о жизни библейских персонажей - "Заветы двенадцати патриархов колен Израильских", Протоевангелие Иакова, Евангелие детства Иисуса Христа, апокалипсисы и др. Размах переводческой деятельности первых болгарских писателей впечатляющ. Менее чем за столетие славянская письменность получила целую библиотеку важнейших в христианском обиходе книг.

Мы видим, однако, что из византийской литературы воспринимается далеко не все. Болгарские писатели пренебрегли эпиграммой и любовным романом, остались равнодушными к произведениям античных авторов и комментариям к ним. Репертуар славянских переводов этого периода повторяет репертуар византийской монастырской библиотеки, где хранится богослужебная, богословская и аскетическая литература.

Слишком велика была разница в культурном развитии, чтобы славяне могли воспринять все письменное наследие Византийской империи. Византийцы могли позволить себе жонглировать мифологическими сюжетами - и не боялись впасть в ересь; они твердо были уверены, что римская государственность, даже языческая, священна - и в этом им не виделось кощунства.

В новокрещенных землях все было иначе: даже переведя дословно текст, славяне были бессильны воспроизвести контекст, в котором он существовал. В Империи, например, победа христианства воспринималась как далекое прошлое, но при этом античные корни присутствовали в христианской культуре Византии как ее неотъемлемый элемент. У славян все складывалось как раз наоборот: борьба с верой отцов еще была свежа в памяти и эту веру следовало вытеснить целиком, чтобы освободить место новой. Этим и объясняется столь строгий и аскетичный репертуар начальных

Христос в окружении императора Константина IX Мономаха и императрицы Зои. Мозаика собора св.Софии Константинопольской, около середины IX в.

этапов славянской книжности. Тем более, что язычество славян не оставило в наследство письменной литературной традиции.

Болгарский период славянской литературы был отмечен не только новыми переводами, но и первыми оригинальными произведениями. Были, прежде всего, прославлены Константин и Мефодий: Житие Константина было окончательно доработано и создано Житие Мефодия. В жанре гимнографии были написаны тексты служб им, а также дополнены значительным числом песнопений богослужебные Минеи и Триодь.

Без церковной проповеди была немыслима жизнь недавно крещеных христиан. Один из выдающихся болгарских писателей Климент Охридский создал целый цикл учительных и похвальных слов. Истинным шедевром древнеболгарской литературы является его похвальное слово Константину Философу - настоящий гимн славянскому первоучителю, пронизанный чувством безграничной любви и восхищения. Задаче религиозного просвещения служило и "Учительное Евангелие", составленное Константином Преславским на основе сочинений христианских писателей. Еще

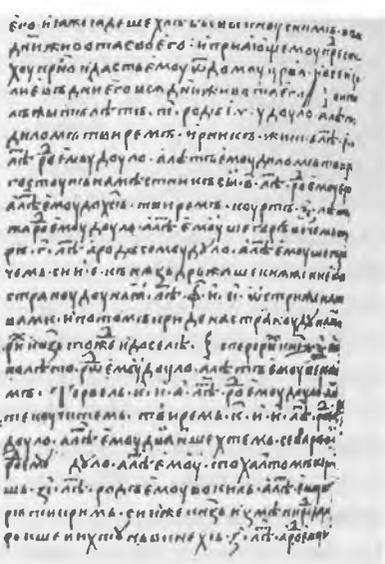
одним сводом сочинений античных и византийских авторов был "Шестоднев" Иоанна Экзарха, являвшийся популярным изложением и комментарием Библии.

По аналогии с византийской житийной литературой в Болгарии должны были возникнуть тексты, посвященные князю-крестителю, высшим церковным иерархам, основателям монастырей, аскетам-пустынникам, первым славянским мученикам. И действительно, болгарскими книжниками были созданы жития князя Бориса, при котором страна приняла христианство; основателя монастырей и религиозного просветителя епископа Климента Охридского; пустынножителя Иоанна Рильского, подвизавшегося в горах юго-западной Болгарии; царя Петра - известного мецената и автора аскетических произведений. Однако ни один из этих памятников до нас не дошел. В том, что они существовали сомнений нет: их упоминали древние писатели, извлечения из них вливались в другие сочинения или бытовали в более поздних рукописях в виде отрывков. Трагическая история болгарского народа, перенесшего в общей сложности почти семь веков чужеземного владычества - сначала византийского, а затем османского, не могла не сказаться на судьбе рукописей. Они гибли и уничтожались.

Незавидная участь постигла и древнеболгарские летописи, которые до нас практически не дошли. Исключение составляет так называемый "Именник болгарских ханов", возникший, по всей вероятности, еще в дописьменный период. Вначале, видимо, су-

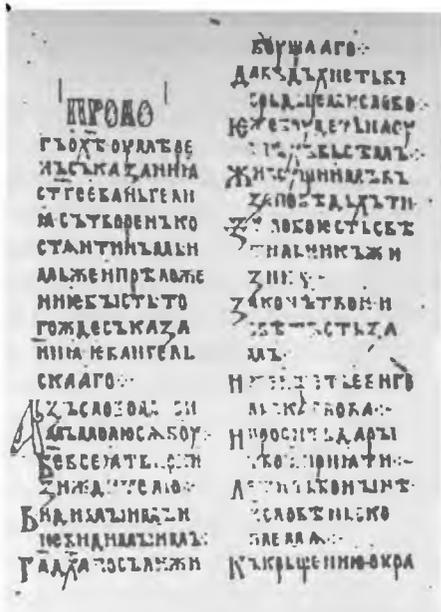

"Шестоднев" Иоанна Экзарха.
Список 1263 г.

"Именник болгарских ханов".
Список XVI в.

Азбучная молитва,
список XII в.

ществовало устное предание или наскальная протоболгарская надпись, высеченная греческими буквами на тюркском языке. Затем она была переведена на славянский язык. "Именник" содержит краткие исторические справки о сменявших друг друга тринадцати болгарских ханах. Существует также другой летописный памятник, содержащий скупые сведения о болгарской истории. Это - "Историкии" Константина Преславского, составленные на основе византийского "Летописца вскоре" патриарха Ни-

кифора, в текст которого включены дополнения, касающиеся истории болгар.

Своеобразными драгоценными обрамлениями сборников текстов, почерпнутых из византийской традиции, выступают такие образцы древнеболгарской поэзии, как "Азбучная молитва" и "Похвала царю Симеону". Это небольшие, в 30-40 строк, произведения, написанные классическим двенадцатисложным стихом. "Азбучная молитва" предваряла "Учительное Евангелие" Константина Преславского и была призвана помочь читателю запомнить славянскую азбуку, поэтому ее строки начинались с каждой из букв славянского алфавита в порядке их расположения в нем. "Похвала царю Симеону" - вполне светское произведение. Оно было помещено в начале Изборника и посвящено восхвалению "ученолюбия" князя и его любви к книгам. Эти произведения создавались книжниками крупных царских и монастырских скрипториев. К их кругу, вероятно, принадлежал и уже знакомый нам черноризец Храбр, автор "Сказания о письменах".

Из Византии в Болгарию было перенесено большое число апокрифов, которые были дополнены сочинениями местных авторов. В их числе был и болгарский писатель X в. пресвитер Иеремия, написавший увлекательную "Легенду о крестном древе". В Болгарии возникли и более опасные для христианской церкви апокрифы, создаваемые еретиками-богомилами начиная с X в. Богомилы преследовались официальными властями, наиболее активных

проповедников сжигали на кострах, их книги повсеместно запрещались и уничтожались. Поэтому не удивительно, что их сочинения на болгарском языке не сохранились. Однако, благодаря распространению их учения за пределы Болгарии, некоторые из них уцелели в латинской книжной традиции. "Беседа против богомилов" Козьмы Пресвитера содержит не только острую полемику с еретиками, но и резкую критику существующих во всех слоях общества пороков.

Литература, созданная в книжных центрах Первого Болгарского царства, получила широкое распространение за его пределами - не только на Балканах, но и в Древней Руси. Она способствовала становлению местной литературной традиции в соседних славянских странах.

**Остромирово евангелие,
1056-1057 гг.**

**Изборник кн.Святослава,
1073 г.**

Киевский период славянской книжности вплотную примыкал к болгарскому. Он развивался не только на его основе, но и, по-видимому, при участии болгарских переводчиков. Этим объясняются неухаживающие споры о распределении ранних переводов между болгарскими и киевскими мастерскими. Самые ранние точно датированные кириллические рукописи относятся именно к этому периоду. К нему же относятся первые роскошно украшенные кодексы, такие как Остромирово Евангелие 1056-1057 гг. и Изборник князя Святослава 1073 г. Именно благодаря киевским руко-

Мстиславово евангелие,
1113-1117 г.

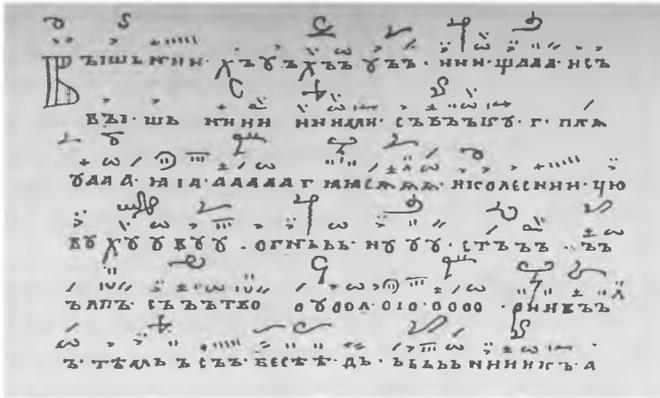

Архангельское евангелие,
1092 г.

писям, переписанных затем в Новгороде, дошло большое число памятников, созданных в предшествующий период в Болгарии.

В собственно киевских переводах набор библейских книг и творений святых отцов в целом остался тем же. Он несколько пополнился текстами толкований Библии, житийной и апокрифической литературы, а также богослужебными сборниками. К существующим календарным сборникам присоединился Пролог, содержащий жития святых и поучения на весь церковный год. Он стал наиболее читаемой книгой славянского средневековья. Переводится новая "Хроника" Георгия Амартола (при участии болгарских книжников), в качестве исторического сочинения воспринимается эллинистический роман об Александре Македонском ("Александрия"). Сведения о мироздании, содержащиеся в "Шестодневе" Иоанна Экзарха, дополнила "Христианская топография" Козьмы Индикоплова.

Русские книжники сохраняли ориентацию на греческую монастырскую литературу. Однако примечательно, что среди предполагаемых киевских текстов мы не видим византийских аскетических сочинений. На первом этапе христианского просвещения восточных славян писатели стремились распространить его в народе как можно шире. Литература греческого монастыря переносилась преимущественно в тех разделах, которые были полезны в том числе и мирянину. Это - учительная литература в широком

Кондакаръ конца XI - начала XIII вв.
с кондакарной нотацией

смысле слова, включающая даже сборники изречений с античным прошлым ("Пчела", "Мудрость Менадра").

По сравнению с болгарским периодом наблюдается несомненный интерес к сюжетному повествованию, который привел к появлению переводов, не связанных непосредственно с церковными нуждами (Повесть об Акире Премудром, Повесть о царе Адариане, Сказание о двенадцати снах Шахаиши и др.). Античное историческое произведение "История Иудейской войны" Иосифа Флавия была переработана в духе русских повестей о ратных подвигах. По тому же пути пошел автор "Девгениева деяния", приспособивая к жанру воинской повести византийский героический эпос.

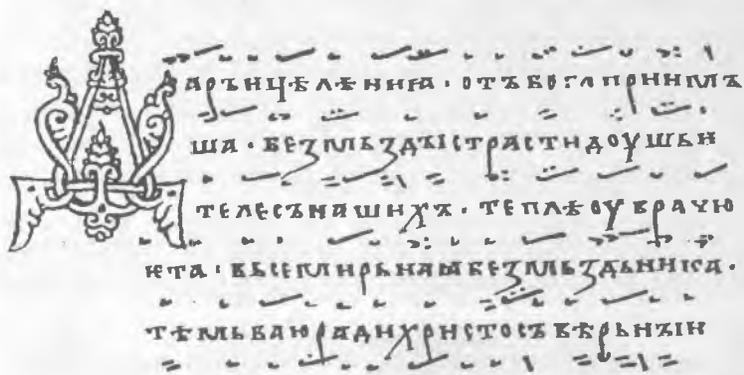
Еще одна особенность киевской переводной литературы касается языка оригиналов, выбиравшихся для работы. Моравские и

Богослужбная Минея с крюковой нотацией, XII в.

чешские переводчики могли использовать наряду с греческими латинские источники, болгарские книжники сосредоточились только на переводах с греческого. В киевские период также в основном используются византийские оригиналы. Однако языковые особенности некоторых восточнославянских переводов позволили исследователям предположить, что они сделаны не с греческих, а с восточных оригиналов. Предполагается, что среди них могли быть еврейские, персидские и сирийские тексты.

Лишь первые десятилетия после введения христианства на Руси в период становления собственной книжной школы усилия древнерусских книжников были направлены на освоение традиционных текстов византийской литературы, отраженных в болгарских рукописях. Когда же русские книжники ознакомились с памятниками византийской и древнеболгарской христианской литературы, с системой ее жанров и художественных приемов, у них появилась возможность и потребность самим создавать литературные произведения. По крайней мере в середине XI (а, быть может, и раньше) появились первые оригинальные творения русских авторов.

Стихирарь с крюковой нотацией, XII в.

Древнейшим из дошедших до нас произведений считается "Слово о Законе и Благодати", написанное Киевским митрополитом Илларионом около 1049 г. Оно посвящено важнейшему для формирующегося национального сознания вопросу. Рассуждая, казалось бы, на богословскую тему - о превосходстве Нового Завета (Благодати), обращенной ко всем, над Ветхим Заветом (Законом), распространяющемся лишь на иудеев, - Илларион подводит читателя к основной идее "Слова", к мысли о равенстве христианской Руси и христианской Византии. "Слово о Законе и Благода-

**Богоматерь с предстоящими
преп. Антонием и
преп. Феодосием
Печерскими, XII-XIII вв.**

ти" - яркий памятник "высокого" красноречия. Его автор - прекрасный знаток традиций византийской ораторской прозы, умело использованных им для создания оригинального произведения. В этом тема равенства (не только политического, но и культурного) Византии и Руси находит себе практическое подтверждение.

Русь могла равняться с Византией не только торжеством христианства, но и обретением среди русских людей подвижников, удостоенных величайшей благодати - святости и способности творить чудеса. Поэтому русская церковь настойчиво добивалась канонизации своих, русских святых. Непременным элементом канонизации было составление жития святого. Жития Феодосия Печерского и святых князей Бориса и Глеба были первыми произведениями русских книжников в этом широко распространенном жанре христианской средневековой литературы. Они были написаны в конце XI - начале XII в. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором.

Житие Феодосия, игумена первого общежительного Печерского монастыря, отличается мастерством сюжетного повествования, ощущением достоверности и психологической убедительности от удачно найденных реалистических деталей монастырского быта. Задача автора Жития святых мучеников Бориса и Глеба была намного сложнее. Ему предстояло прославить князей, погибших в междуусобной борьбе. Жертвой междуусобиц в Византии и славянских государствах становились многие представители правящей династии, однако, никогда на этом основании они не были прославлены как святые. Убийцами христианских мучеников обычно бывали язычники, иначе отсутствовал бы мотив страдания за веру. Здесь же князья погибают от рук своего брата-

Свв. Борис и Глеб. Икона XII в.

христианина. Автор нашел оптимальные для этой ситуации мотивы канонизации: Борис и Глеб в своем несопротивлении брату-убийце уподобились смирению и покорности Христа. Они предпочли быть убитыми, чем поднять руку на брата своего, помня о христианской заповеди любви к ближнему.

Русскими по происхождению были ряд служб святым, а также поучения и проповеди. Имена двоих проповедников мы знаем: это - Феодосий Печерский и новгородский епископ Лука Жидята.

Все названные памятники древнерусской литературы 2-й половины XI в. вписываются в систему жанров византийской христианской литературы. Мы можем говорить о мастерстве русских авторов, о их удачах в разработке сюжетов, но в основном они следовали предписанным для этих жанров канонам. Однако существует жанр, созданный древнерусскими книжниками самостоятельно. Речь идет о летописании, возникшем на Руси в XI в.

По поводу времени его появления единого мнения не существует. А.А.Шахматов относит его к 1037-1039 г., Д.С.Лихачев полагает, что собственно летописи предшествовало создание исто-

1-я Новгородская летопись. Древнейший список, XIII в.

рико-литературного произведения - "Сказания о распространения христианства на Руси" в начале 40-х гг. XI в. Существует текст Иоакимовской летописи, автор которой будто бы являлся очевидцем крещения Новгорода. Однако, подлинность этого текста многие исследователи подвергают сомнению. Несомненную подлинность имеет так называемый Начальный свод 1093-1095 гг., дошедший до нас в составе Новгородской Первой летописи, и "Повесть временных лет", созданная в Киеве в начале XII в. монахом Нестором. С точки зрения большинства исследователей, наиболее вероятным временем возникновения летописания является середина XI в.

В чем же самобытность древнерусской летописи по сравнению с жанром византийских хроник? Летописец использовал хроники как источник сведений о русско-византийских отношениях, как свод нравоучительных примеров из истории древних царей, как источник известий о диковинных событиях. Однако, излагая события по годам, он облакал их в совсем другую форму. Повествование хроники слагается из сообщений о событиях, объединенных идеей "царствования" того или иного императора. Перед нами предстает полный перечень сменявших друг друга на престоле правителей, в котором мы редко встретим даты.

Форма летописи, где сведения представлены в виде описания событий, происходящих на Руси из года в год, на протяжении десятилетий и столетий, имеет свой недостаток: характеристику князей и их правлений мы найдем лишь в посмертной похвале, короткой и обобщенной. Их деяния упоминаются, порой, в десятках статей, каждая из которых соответствует описанию событий

определенного года, причем происходящих в разных княжествах и даже других государствах. Однако, именно поэтому история Руси как большого цельного государства, несмотря на усиливающуюся с годами раздробленность страны на уделы, представлена в летописи с полнотой, немислимой для византийских хроник. Летопись - это не история княжеской династии, а история русской земли в целом. Именно поэтому Нестор озаглавил ее: "Се повести временных лет (Вот повествование о минувших годах), откуда есть пошла Русская земля, кто в Киве нача первое княжити, и откуда Руская земля стала есть".

Итак, на первом этапе становления древнерусской литературы произошло обогащение традиционных жанров переводной литературы и дополнение их оригинальными произведениями, а также создание в рамках существующих жанров оригинальных вариантов повествования, связанных с русской действительностью (житие князей-мучеников). С другой стороны, возникает новый жанр летописания, отсутствующий до этого не только в болгарской, но и в византийской литературе. В дальнейшем, на протяжении всего средневековья разные славянские книжные центры, находясь под постоянным влиянием византийского богословия и литературы, оказывали друг на друга взаимообогащающее влияние.

РУКОПИСНАЯ КНИГА

В старину не случайно говорили, что от списывания книг "трое благо получишь: первое - от своих трудов питаешься, второе - праздного беса изгоняешь, третье - с Богом беседовать научишься".

Из столетия в столетие книги переписывались от руки. С самого начала возникновения славянской письменности создание книги, содержащей священные тексты, понималось как особое искусство. Существовали профессионалы, готовившие материал для письма, чернила, краски, переплеты, писцы-каллиграфы, художники, ювелиры. Рукописи ценились очень высоко. И не только потому, что они были сосредоточием человеческой и божественной премудрости. В них вкладывалось очень много труда и дорогостоящих материалов: хорошо выделанный тонкий пергамен, золото и привозимые из Византии дорогие краски; доски, которые служили рукописи переплетом помещали в оклад из драгоценных металлов, украшенный драгоценными камнями

и высокохудожественными эмальями. Книга была настоящим произведением искусства!

Правда, такое роскошное оформление имели преимущественно богослужебные "напрестольные" Евангелия, чтение которых в храме было важной частью христианского ритуала и торжественно оформлялось. Они создавались по заказу князя или очень богатого человека в крупней-

**Евангелист Лука.
Миниатюра Остромирова
Евангелия, 1056-1057 гг.**

ших скрипториях того времени. Принципы изготовления и декоративного оформления глаголических и кириллических рукописей были одинаковыми, ведь все они создавались по подобию греческих манускриптов. Поскольку ранних глаголических рукописей сохранилось очень немного, процесс изготовления ранних славянских рукописей удобнее рассмотреть на примере кириллической традиции.

Преобладающим материалом письма для книг вплоть до XV в. служил *пергамен* - тонко выделанная кожа молодых животных. Вначале его привозили из Византии, а затем стали изготавливать в местных мастерских. Пергамен не был греческим изобретением, он издревле употреблялся на Востоке. По традиции, его происхождение связывают с малоазийским городом Пергамом, где существовали большие мастерские по его изготовлению. В Византии была лишь усовершенствована его обработка.

Одно из его названий было $\chi\acute{\alpha}\rho\tau\eta$ или *charta* и первоначально относилось к папирусу. Именно это название “хартия”, наряду с терминами “мех” и “кожа” употреблялись в древнерусской традиции для обозначения пергамена, а рукопись, написанная на нем, называлась “харатейным письмом”. Иногда пергамен назывался по тому животному, из которого он был изготовлен, - “телятина”. Кроме кож телят на пергамен шли бараньи и козьи шкуры. В славянских рукописях употреблялся пергамен белого цвета, в западноевропейских наряду с белым встречается и черный, а в некоторых греческих рукописях пергамен бывает окрашен в голубой или пурпурный цвета. Одна из таких рукописей - знаменитый греческий “Пурпурный кодекс”, хранящийся ныне в С.-Петербурге и датируемый VI в. Его буквы на пурпурном фоне выведены золотой и серебряной краской.

Для изготовления пергамена кожу промывали, держали в специальном растворе, очищали, растягивали, счищали мелом жир, гладили пемзой, выстругивали ножом и опять шлифовали пемзой. Из шкуры одного животного можно было сделать лишь 7-8 листов, а для книги в 200 листов требовалось обработать не менее 25 шкур.

Выделка пергамена, особенно тонкого и гладкого, без швов и брака было делом нелегким. Поэтому на первых порах он был привозным, преимущественно из Византии. В Новгород мог поступать западный пергамен, привезенный из стран Ганзейского союза. Вследствие дороговизны пергамена его употребляли иногда дважды. Для этого смывали молочной кислотой или соскабливали первоначальное письмо, ставшее уже ненужным. Такой материал называется *палимпсестом*. И хотя обработанный таким

Палимисест

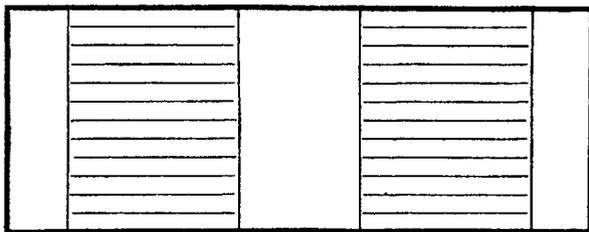
(по смытому славянскому тексту написан греческий)

образом пергамен был вполне пригоден для нового письма, все же контуры прежних букв проступают. Именно благодаря этому современные исследователи при помощи ультрафиолетовых и инфракрасных лучей могут восстановить более ранний, иногда очень редкий текст.

Рукописи различались по *формату* листов, на которых они были написаны: “в десять”, “в полдесять”, “в малую десять”. И хотя такое строгое разграничение характерно только для бумажных книг и рукописей, которые использовали стандартные форматы листа, пергаменные рукописи по размеру сходны с бумажными. Обыкновенно книги делались в лист (folio, “в десять”, на самом деле это соответствовало половине большого Александрийского листа), в четверть, в восьмую долю листа. Выбор того или иного формата книги определялся ее назначением, а также удобством пользования ею. Например, на престольные евангелия были большого формата. Таковы древнерусские евангелия XI в. Остромирово (35 на 30 см.) и Мстиславово (35 на 28,5 см.). Для домаш-

него же упр. гребления обыкновенно писались рукописи в четверку или восьмушку.

После выбора размера книги писец или кто-либо другой, если работа производилась в большом скриптории, разрезал выделанные листы пергамена. Затем он размечал лист с учетом того, что впоследствии лист будет складываться вдвое. Для этого по *линейке* мастер наносил проколы на краях листа при помощи *шила* или *циркуля*. По проколам острым инструментом прочерчивались линии, отбивающие поля (“берега”, как говорили в древности) и линейки для письма. Существовали также особые металлические рамки *хараксало* или *каракса* (от греч. χαράττειν - писать, ср. лат. charaxare), позволявшие линовать весь лист сразу.

Образец разлиновки раскрытого рукописного листа
(по Е.Карскому)

Как правило, нижнее поле было всегда больше верхнего. Можно предположить, что книжный мастер придерживался тех же принципов, что и иконописец. На древнерусских иконах нижнее поле всегда больше верхнего, а две полосы, отмечающие поля листа, как бы повторяли две линии “лузги” иконы, которая отделяла ее внутреннее поле от внешнего.

Обе половины двойного листа линовались сразу. Линию наносили путем вдавливания специальным металлическим или костяным инструментом. Графили все листы подряд, даже иногда те, на которых затем помещали иллюстрации. Объяснить это можно тем, что рассчитать, сколько листов займет тот или иной текст, было невозможно, поскольку плотность письма у каждого писца была разная.

Судя по изображениям пишущих апостолов в ранних рукописях, писец заполнял отдельные листы, которые после просушки складывались пополам в *тетради* из 8 листов-половинок (что составляло 4 больших листа). Этот обычай складывать тетрадь из 4 листов унаследован от греков, от которых заимствовано и само это слово *тетра́с*, *-άδος* - “четверка”, а также *тетράδιον* - “тетрадь”. Впрочем, в греческой письменности существовал и другой способ складывания тетради: не по 8, а по 6 листов. В некоторых случаях и в древнерусской традиции встречаются подобные тетради из

6 листов. Стандартный состав тетрадей рукописей впоследствии перешел в практику изготовления печатных книг.

Тетради внизу на первой странице обычно *нумеровались* существовавшей тогда буквенной системой. Страницы в древних рукописях никогда не обозначались. Считались только целые листы, но и те - не всегда. Часто рукопись имела лишь тетрадную нумерация, которая лишь позднее была дополнена полистной.

Для ранних рукописей, особенно большого формата, характерно расположение текста в 2 столбца. Текст записывался сплошной строкой, без разделения ее на слова. Ровный и монументальный почерк ранних кириллических рукописей называется "устав". Писец писал по одной линейке, очень тщательно выдерживая высоту букв. Даже в тех случаях, когда в создании рукописи участвовало несколько писцов и индивидуальные особенности их почерка сильно разнятся, они все равно сохраняли общую высоту букв и общий стиль начертаний. В греческой скорописи существовал также способ письма под линейками, когда буквы как бы свешиваются с них. В славянских рукописях такой способ письма встречается очень редко (например, в "Листках Ундольского" XI в. и сербском Вуканове Евангелии XII в.).

В качестве орудия письма писец использовал гусиные *перья*, специально отточенные ножом. Ими пользовались для письма вплоть до второй половины XIX в. Изредка писцы использовали необычные перья. Так, в Псковском апостоле 1307 г. есть приписка: "псал есмь павьим пером". Ошибки вычищали *ножиком*, *губкой* или *пемзой*, а затем выравнивали пергамен *подскребком*.

Письменные принадлежности, XVII в.

Для письма по пергамену употреблялись чернила, или как тогда говорили *чернило*. Их делали из смеси чернильных орешков (наростов на дубовом листе), железных опилок и вишневого клея, которые варили на квасе или меду при определенной температуре. Иллюстрации и орнамент выполнялись яркими и сочными красками, сделанными из минеральных и органических красителей. Такие краски называются темперой.

Для заголовков и различных указаний употреблялась красная краска. От этого обычая красных заголовков ведут свое начало название заголовка отдела “рубрика” (лат. *guber* - красный) и первая строка абзаца - “красная”. Красную краску для чернил получали по-разному. Наиболее редкой и дорогой была *пурпурная* краска, добываемая в Византии из желез морского моллюска. Очень рано пурпурный цвет стал символом императорского дома, и с 470 года эти чернила употреблялись только императорами для подписей указов. Поэтому для других целей изготавливались *сурик* (на основе свинца), *киноварь* (на основе ртути) и *драконова кровь* (растительного происхождения).

Иногда для письма особенно роскошных рукописей употреблялось листовое или “твореное” *золото* и *серебро*. Листовое золото (или серебро), раскатанное в тонкую фольгу, накладывалось на буквы, написанные клейким веществом. С помощью листового золота украшены наиболее ранние роскошные славянские рукописи. Позднее стало применяться твореное золото, растертое в порошок, на основе которого делалась краска. Серебро для письма употреблялось очень редко.

Процесс создания писцом книги изображается в самих рукописях. По сложившейся традиции в Евангелиях принято было помещать изображения (миниатюры) четырех евангелистов, записывающих священный текст. Они изображались сидящими рядом с небольшим столиком, под ногами у них стояли специальные скамеечки, а на коленях они держали лист или свиток. Согласно античной традиции именно на колене писцы писали книги. Столик же служил подставкой для письменных принадлежностей: на них расставлялись разного вида чернильницы, небольшие сосуды для жидких красок и сухие краски в кусках, раскладывались циркуль, разнообразные ножи, пенал, губки, песочницы с воткнутыми перьями, кисти. На высоком пюпитре изображался лист или свешивающийся свиток, с которого писец мог переписывать свой текст. В корзине помещались свернутые и перевязанные свитки, иногда между ними помещался нож или перо. Такое обилие письменных принадлежностей встречается на миниатюрах только византийских и ранних славянских рукописей.

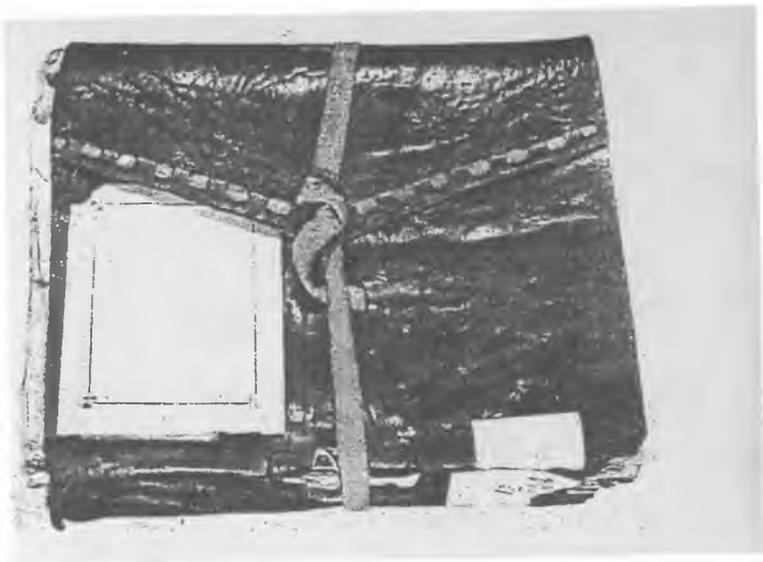
Евангелист Матфей с письменными принадлежностями

В более позднее время изображения стали лаконичнее: на столике помещается лишь чернильница и перо.

После подбора листов для тетради переписчик наносил текст на левую половину двойного листа, затем другого, третьего и четвертого. После этого он должен был перейти к правой половине четвертого листа, затем третьего, второго и, наконец, первого. Вероятно, это было довольно сложным процессом, так как нужно было тщательно следить за порядком листов.

Когда весь текст был переписан, мастер подбирал двойные листы в тетради, а тетради сшивались в книгу и переплетались, или, как говорили в старину, книга “крылась”. Для этого с торца тетрадей по стороне перегибов, аккуратно сложив и выровняв тетради, переплетчик делал два угольных надреза, через которые

пропускал две нити, скрепляющие тетради между собой и с переплетом. Ремни, к которым пришивались тетради, заправлялись в пропилены довольно толстых досок, а концы ремней приколачивались деревянными колышками. Очень редко переплеты делались на восточный манер без досок, “сумкой”, когда рукопись оборачивалась прикрепленной к ней кожаной полоской и завязывалась такой же тесемкой. Такие переплеты встречаются в рукописях восточных паломников, бравшими священные книги с собой в дорогу.

Переплет “в сумку”, XVI в.

Доски, используемые в традиционном переплете, снаружи обтягивались кожей, или дорогой материей. Кожа нижней и верхней крышки переплета украшалась тиснением, которое иногда золотили. В древнейших рукописях тиснения мало и оно очень простое. С XIII в. в тиснении появляются широко распространенные в Византии мотивы: крупная косая клетка и *клейма* разных форм (ромбические сердцевидные, с изображением зверя, орлика, крестиков, звездочек, розеток, concentрических кругов).

Сверху могли быть наложены *угольники* и *средники* - металлические пластины из золота, серебра, бронзы или меди с нанесенной на них чеканкой, резьбой, тиснением или эмалью. Еще одним украшением были *жуковины* - гвозди, чаще бронзовые, с фигурными шляпками. Они возвышались над кожей переплета и защищали ее от трения и царапин.

Обычной и необходимейшей принадлежностью переплета были *застежки*. К нижней доске с внешней стороны на некотором рас-

Переписка книг в монастыре.
 Миниатюра из Жития Сергия Радонежского, конец XVI в.

стоянии крепились два кожаных ремешка с небольшими медными крючками или петлями. На верхней крышке им соответствовали две петли или штырька. Изредка вместо них были кожаные тесемки. Застежки были необходимы книге, чтобы листы не коробились, а переплет не перекашивался. В самих рукописях делались специальные записи, напоминающие читателям закрывать книгу на застежки. Порой они были очень категоричны: “а который поп или дьякон четет, а не застегает всех застежек, буди проклят”.

Простые переплеты могли изготавливаться писцом или его помощниками. Так, например, в Житии Феодосия Печерского, сохранившегося в Успенском сборнике XII в., рассказывается о том, как блаженный Феодосий вместе с преподобным Никоном делали в кельи книги: “многажды же великому Никону сидящу и делающу книги и блаженуму вскраи того сидящу и прядущу нити, еже на потребу таковому делу”. Более сложные переплеты с большим

количеством украшений делались профессионалами в специальных мастерских. Таков, например, переплет знаменитого Мстиславского Евангелия, который новгородский князь Мстислав специально заказывал в Константинополе. Он выполнен в тонкой филигранной технике и украшен с драгоценными камнями и золотыми накладками с удивительно искусными финифтяными изображениями. “Цену же евангелия сего един Бог ведает,” - записано на книге его создателями.

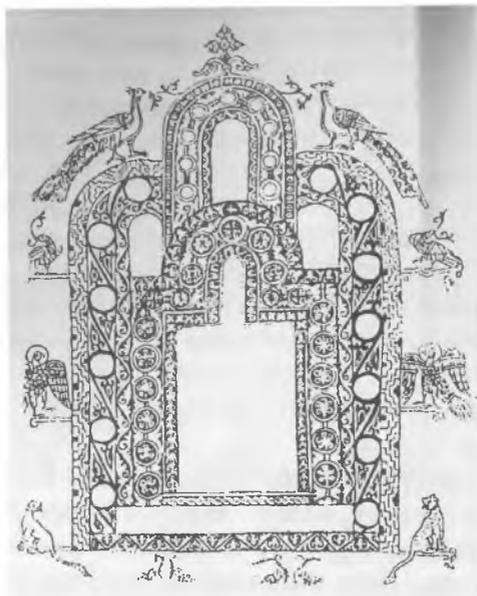
Украшались не только переплеты, но и сам текст. В заглавиях употреблялось специальное декоративное письмо, называемое *вязью*. Оно достигло в славянских рукописях высочайшего искусства. Украшенные буквы писались плотно друг к другу и иногда сливались в *лигатуру*, где две смежные вертикальные линии разных букв соединялись в одну. В результате строка представляла собой непрерывный равномерный орнамент. Однако вязь в славянских рукописях появляется поздно: у южных славян - в первой половине XIII в., а в русских памятниках - к концу XIV в. Это объясняется тем, что система вязи сложилась в Византии позже возникновения славянской письменности и книжной культуры, полностью копировавшей оформление своих греческих оригиналов.

В самой Византии до X века заглавные строки рукописей графически мало отличаются от основного текста. Чаще они пишутся более крупными буквами, либо выделяются малиновым цветом. Иногда буквы сплошь покрыты прозрачной зеленой или желтой краской. Древнейшие рукописи, особенно глаголические, оформлялись именно так: в Маринском Евангелии в заглавиях находим малиновые строки, а в Ассеманиевом Евангелии - покрытые прозрачной краской.

При знакомстве с древней рукописной книгой прежде всего

Начертания отдельных букв вязи, XII-XV вв.
(по В.Н.Щепкину)

Юрьевское евангелие, 1119-1128 гг.

обращает на себя внимание декоративное оформление книги. Оно включает в себя *инициалы, заставки и миниатюры*. В начале книги или раздела помещались рисованные заставки - раскрашенный узор, заключенный в прямоугольную рамку. Украшенная в том же стиле большая первая буква называлась инициалом. На отдельных листах помещались иллюстрации - миниатюры, каждая из которых является неповторимым художественным произведением. Слово "миниатюра" происходит от названия краски *minium* - "сурик" и первоначально обозначало письмо или разлиновку красной краской. Затем оно стало обозначать расписной инициал или картинку в рукописи. Лишь очень поздно оно стало синонимом "небольшой красочной картинки", а затем - понятия "малый размер". На Руси издревле употребляли свои термины: *рукопись украшенная* и *рукопись лицевая*. Первое название относилось к переплету и орнаменту, второе - к книжной иллюстрации.

Надо отметить, что искусство оформления книги, лишь небольшой частью которого было орнаментальное украшение, пришло к славянам из Византии вместе с принятием христианства. Само появление во II в. н.э. книги-кодекса, пришедшего на смену свитку, связано с распространением христианства. Византийские рукописи на первом этапе развития славянской книжности были для славян не только источником текстов, но и образцами внешнего оформления кодекса.

Средневековая книга исполнялась по законам архитектоники. Весь ее облик был подчинен неуловимой гармонии. Существовала определенная закономерность в отношении одного листа к другому, текста - к иллюстрации, рисунка букв - к полям и украшениям и т.д. Расположение букв было соотнесено с длиной строки и размером междустрочного пространства. Все элементы книги, как правило, были подчинены внутренней логике: формат, один или два столбца, цветовое решение, соотношение высоты и ширины буквы, площадь заставок и инициалов. Рукописный лист должен был радовать глаз читателя. Постепенно выработался определенный строй оформления рукописи: инициал - для обозначения частей книги или целого параграфа, красная строка - для выделения необходимых мест, заставка - чтобы разграничить разделы текста.

Инициалы, заставки, концовки-колофоны быстро завоевали себе место в славянской книге как основные элементы украшения. Вставки, пометы, значки, чаще всего киноварные, создавали разнообразие листа. Для украшения рукописных страниц употреблялись золото, сурик и киноварь, ярь и празелень, лазорь и голубец. В инициалах и заставках иногда изображались не только орнаментальные мотивы, но и небольшие сценки. Хотя, конечно, намного полнее доносит до нас богатство образов средневекового мира миниатюра. Она дает богатейший материал для смежных

дисциплин: истории, архитектуры, истории прикладного искусства и костюма, и в этом смысле средневековая миниатюра является энциклопедией материальной культуры средневековья.

Самым распространенным типом миниатюр были так называемые выходные миниатюры, помещавшиеся на отдельном листе перед текстом - фронтисписе. Изображение автора или заказчика на выходной миниатюре шло еще от античной традиции. В Евангелии перед нача-

Входная миниатюра Эгбертинской Псалтыри с изображением великого князя Ярополка и княгини Ирины, XI в.

Синайский Евхологий,
XI в.

лом повествования каждого из евангелистов помещалось изображение автора в момент работы над священным текстом. В начале Псалтыри изображался царь Давид, в начале Деяний апостолов - апостолы, перед сочинениями отцов церкви - помещались их изображения. Книжная миниатюра развивалась на протяжении веков, и, конечно, зависела прежде всего от типа самой книги, культовой или четьей, монастырской или аристократической.

Украшения первых рукописей, глаголических, были исключительно графичными и представляли собой иногда почти неукрашенные геометрические фигуры. В них преобладала линия, цвет же, встречающийся в инициалах и заставках, был второстепенен. Основными орнаментальными мотивами были плетенки из лент, параллельные линии, круги, квадраты, кресты, Соломонов вензель. Темный фон заставок, заполненный плетенками и параллельными линиями с точками, напоминает украшения рукописей восточного происхождения. Несмотря на то, что в глаголических инициалах доминируют вертикальные линии, они уравновешены художником симметричными кругами, спиральями, другими деталями, придающими композиции своеобразную динамику. При обильном использовании красной, желтой, зеленой, изредка синей и синезеленой красок в глаголических рукописях отсутствует золото, так характерное для византийских столичных памятников. Почти отсутствуют и характерные для византийских рукописей растительные мотивы. Орнаментальные мотивы самых ранних глаголических рукописей близки к памятникам, ведущих свое происхождение из мастерских восточных византийских провинций.

Все глаголические рукописи несмотря на относительное постоянство орнаментальных мотивов, имеют особенности, из-за

Зографское евангелие, XI в.
Апостолы Павел и Петр

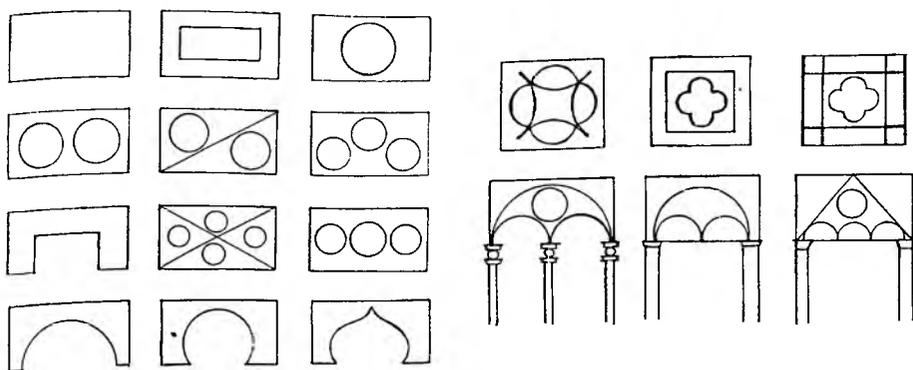
которых трудно дать общую характеристику стилистического направления этого раннего этапа. Можно лишь сказать, что глаголическим рукописям присуще многообразие прототипов, использованных при украшении рукописи, смесь приемов стилизации, тем и мотивов, характерное для начального периода всякого искусства.

В глаголических памятниках практически не сохранились миниатюры. Изображения Петра и Павла по бокам текста в Зографском евангелии является редким исключением. Медлительность фигур, незавершенность

поз, недостаточность объемной моделировки драпировки одежд и фигур, экспрессивный реализм образов очень схож с выразительным натурализмом инициалов Ассеманиева евангелия. Гораздо больше материала для сравнения дают нам ранние кириллические рукописи, начало создания которых было положено в болгарской Преславской книжной школе.

В первый период существования славянской кириллической книжной культуры в декоративном оформлении господствовал изящный и богатый *византийский стиль*. В оформлении византийских рукописей этого времени, особенно созданных в столице, преобладающе значение имела не линия, а цветное пятно. Яркие, сочные краски, наложенные на золотой фон, создавали удивительно праздничное настроение. Употреблялось несколько орнаментальных мотивов: геометрический, плетеный с элементами арабески (возникший под влиянием коптского и арабского орнамента), растительный, основным элементом которого был извивающийся расцветающий побег трилистника и лилии с острыми листьями.

Византийский стиль характеризуется строгой очерченностью заставок и рамок. Они состоят исключительно из основных архитектурных мотивов поздней античности: прямоугольники, арки, круги, треугольники. Существуют два типа заставок - малые и большие. Малые заставки вошли в рукописные украшения из каллиграфии позднего античного периода и состояли, главным образом, из простейших природных и геометрических мотивов. Они

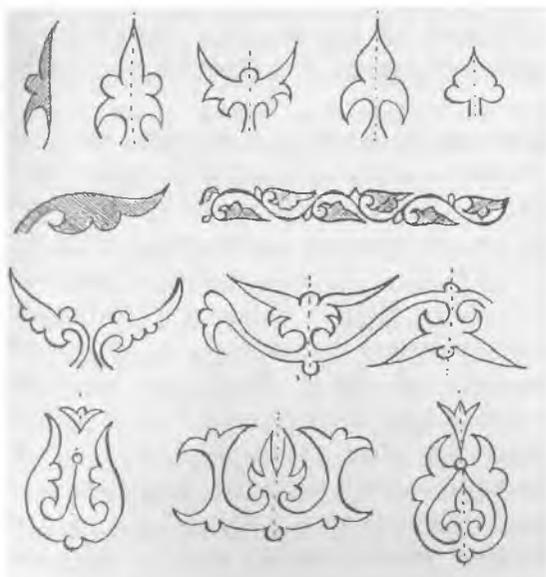

Образцы рамок для заставок, выполненных в византийском стиле (по В.Н.Щепкину)

могли представлять собой волнистую травку, змейку, зигзаг, мелкие полукружия, уголки, чередующиеся черточки. Рама заставки была невыраженной, в виде узкой прямоугольной полоски, на концах которой могла быть изображена веточка. Такая заставка употреблялась как в скромных рукописях, так и во второстепенных разделах роскошных.

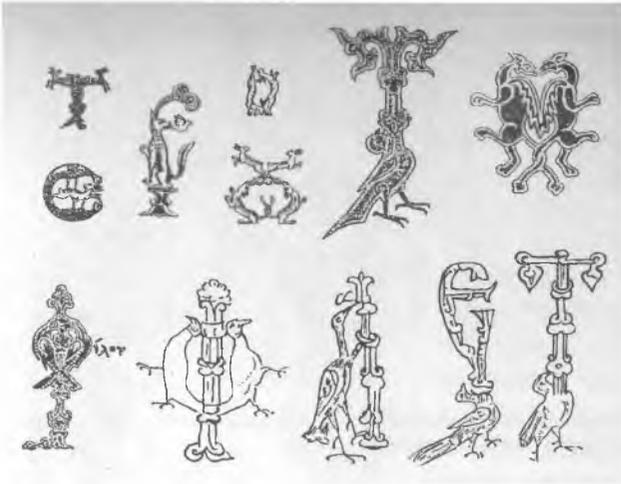
Большие заставки, возникшие в Византии, употреблялись для украшения главных разделов рукописей, особенно роскошных. В рядовых славянских рукописях они не очень велики и содержат либо комбинации простейшего растительного мотива, либо плетение, так характерное для глаголических рукописей. В роскошных

рукописях заставки получают особое звучание. Они имеют хорошо очерченную раму, расчлененную внутри, которая иногда помещалась на колонки. Заставку заполняет золотой фон, расписанный стилизованными зелеными побегами с белыми, голубыми и розовыми цветами. Наверху рамки иногда помещались изысканные и тонкие изображения животных. Чаще всего

Растительные мотивы византийского орнамента (по В.Н.Щепкину)

Византийские инициалы

использовался старый мотив римской мозаики: две птицы стоят или прохаживаются с двух сторон от растения или сосуда, иногда они пьют или клюют корм. По углам заставки могут располагаться листок, почка, цветок или веточка; по сторонам зас-

тавки располагаются две крупных ветки или целому стилизованному растению.

Византийский инициал подобен заставке: он имеет четко очерченный контур, который не пропадает под заполняющими его украшениями. Заполнен же он может быть геометрическими, растительными или плетеными мотивами. Очень часто кроме стилизованных растений в инициалах представлены реальные художественные изображения растений, животных и человека. В этих случаях буква служила каркасом для них. **А**, например, может выглядеть как ствол дерева, на котором слева сидит долбящий дятел, иногда со ствола его заглатывает змея; **В** - это змея на стволе дерева; у **С** язычок нарисован в виде благословляющей руки; **Н**, **М**, **П** изображались как две человеческие фигуры, руки которых сближены; **Т** представляла собой лисицу, несущую на шесте двух повешенных петухов; **У** - это деревце, на котором сидят две птички головами врозь и т.д.

В крупных славянских центрах возникали довольно точные подражания византийскому стилю, о чем свидетельствуют русские списки, сделанные с восточно-болгарских рукописей, - Остромирово Евангелие 1056-1057 гг., Изборник Святослава 1073 г., Мстиславово Евангелие 1115-1117 гг. и другие недатированные памятники, создававшиеся вплоть до XIII в. В провинциальных же центрах ни принципы византийского орнамента, ни высокая техника его исполнения удержаться не могли. Народные мастера стояли дальше от Константинопольских оригиналов, чем каллиграфы Преслава, Киева и Новгорода. Они упрощали столичный византийский стиль и примешивали к нему народно-фантастические мотивы. Такие же явления встречаются и в провинциальных византийских рукописях, которые также могли влиять на сла-

Заставки и инициалы
Саввиной книги, XI в.

вянские копии. Появлялись орнаменты упрощенного и огрубевшего стиля, который, впрочем, все еще может называться византийским: все орнаментальные мотивы были сохранены, нарушения внешнего каркаса заставки или инициала были не слишком

значительны, никаких новых общих принципов в оформлении рукописи не возникало. Такой орнамент называют *народной* или *примитивной* разновидностью византийского стиля или просто *переходной манерой*.

Древнеболгарская Саввина книга XI в. - характерный памятник этого стиля. Ее небольшие грубо рисованные заставки состоят из узких полосок жгута или простейших геометрических мотивов. Иногда на краю такой заставки вместо ветки вдруг находим ушастую морду, а в инициале может быть заключено фантастическое животное или растение. Существует несколько причин, вызвавших упрощение византийской манеры украшений: простое непонимание деталей византийского мотива, огрубление рисунка при копировании, склонность обращать растительные формы в звериные при помощи пририсовки глаза, ушей, хвоста. Так простое плетенье превращалось в змею, а ветка - в зверя. Глаголические рукописи изобилуют жгутами и плетеньями, а их инициалы в своих странных очертаниях несут смутно-фантастические образы. Все это переходило в кириллические рукописи. Русские списки лишь копируют свои болгарские кириллические и глаголические оригиналы. Свой "звериный" стиль орнамента возникнет на Руси в XII в. и будет совсем непохож на болгарского предшественника.

Самые ранние датированные украшенные славянские рукописи донесли до нас древнерусская киевская традиция. Это - Остромирово Евангелие и Изборник (сборник) Святослава. Первое было написано по заказу новгородского посадника Остромира в 1056-1057 гг., второе - переписано в 1073 г. для великого князя Святослава с Изборника, созданного для болгарского князя Симеона. Изборник Святослава отличается высоким уровнем книжного мастерства. В начале рукописи помещена миниатюра с изображе-

Изборник кн.Святослава 1073 г. Знаки зодиака

нием князя Святослава и его семьи, на следующем листе - Вседержитель на престоле, еще на четырех листах даны схематические изображения византийского храма, в центре которого изображены Отцы церкви. Однако, общее декоративное убранство рукописи сдержано (всего лишь два инициала, две заставки и изображения знаков зодиака в конце рукописи).

По-иному оформлена другая рукопись - богато украшенное Остромирово Евангелие, которое сохранило все элементы византийского орнамента. В украшении Остромирова Евангелия особенно ощутимо отразились так называемые перегородчатые эмали, широко распространенные в византийском прикладном искусстве. Составляющие инициалы разноцветные ленты окантованы тонкими золотыми полосками, в миниатюрах тончайшими золотыми линиями ювелирно отделаны складки одежды. Однако, форма рамки, в которую заключены две из трех миниатюр, получила преимущественное распространение не в Византии, а в Западной Европе. Символы евангелистов на миниатюрах Остромирова Евангелия также не встречаются в восточнохристианских и византийских рукописях, а, наоборот, распространены в каролингских и оттоновских манускриптах. Необычны для византийских рукописей и инициалы, в которых отразились зооморфные мотивы, также присущие западноевропейским и чешским рукописям того времени.

Художественное оформление Остромирова Евангелия было не механически заимствовано из современных ему византийских

Остромирово евангелие, 1056-1057 гг. Евангелист Марк

манускриптов. Его создатель творчески воспринял художественные традиции Византии и Запада, которые были перенесены на русскую почву рукописями, созданными в книжных центрах южных и западных славян. Именно эта особенность будет в дальнейшем отличать древнерусскую рукописную традицию.

ВЛЕСОВА КНИГА И ДРУГИЕ ПОДДЕЛКИ ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЕЙ

научно-популярной литературе редко дается критический разбор сомнительных научных концепций или поддельных письменных памятников. Разоблачение фальсификаций удел сугубо научных статей, которые не доходят до широкой аудитории. В популярной же литературе предпочитают писать о сенсационных открытиях и находках, которые не только не всегда обоснованы, но и часто сделаны людьми некомпетентными. Поэтому возникает парадоксальная ситуация: массовым тиражом выходят публикации текстов или изложение гипотез, которые давно уже обоснованно отвергнуты наукой.

Все это можно отнести к так называемой "Влесовой книге", "научная" публикация которой недавно вышла. В этой главе мы расскажем о ней, а также о других подделках древних русских текстов и рукописей. История Влесовой книги послужит наглядным примером того, какие бывают подделки, как они делаются и кем. Полная научная экспертиза ее текста была проделана в разное время двумя учеными, докторами филологических наук Л.П.Жуковской и О.В.Твороговым. На их доказательствах и комментариях будет основываться наше изложение.

Название "Влесова книга" дано этому памятнику одним из энтузиастов его изучения и публикации С.Лесным. С.Лесной - псевдоним доктора биологических наук, специалиста в области систематики двукрылых Сергея Парамонова. В 1943 году Парамонов бежал из Киева в Европу. Впоследствии он обосновался в Австралии. Под псевдонимом С.Лесной он опубликовал несколько дилетантских книг об истории Древней Руси и "Слове о полку Игореве". В одном из его сочинений "Влесова книга" - языческая летопись доолеговской Руси", вышедшем в Виннипеге в 1966 году, подробно изложена история находки и публикации памятника. История эта такова.

В 1919 году в России полковник Белой армии А.Ф.Изенбек обнаружил в разоренной помещицкой усадьбе деревянные дощечки, исписанные с обеих сторон неизвестными ему буквами. Впоследствии Изенбек не мог назвать точно ни фамилию владельца усадьбы, ни ее местоположение, ссылаясь на свою забывчивость.

Он приказал денщику собрать дощечки в мешок и взять их с собой.

Изенбек эмигрировал и в 1925 году жил в Брюсселе. Там он познакомился с Ю.П.Миролюбовым. Инженер-химик по образованию, Миролюбов больше интересовался литературой и историей. Он писал стихи и прозу, но большая часть его работ (посмертно опубликованных в Мюнхене) посвящена разысканиям в области религии древних славян и русского фольклора. Миролюбов поделился с Изенбеком своим замыслом написать поэму на историческую тему, но пожаловался на отсутствие материала. Тогда Изенбек указал ему на лежащий на полу мешок с дощечками. "В мешке я нашел, - вспоминает Миролюбов, - "дошъки", связанные ремнем, пропущенным в отверстия".

С той поры в течение пятнадцати лет Миролюбов занимался переписыванием текста с дощечек. Изенбек не разрешал их выносить, и Миролюбов работал с ними в присутствии хозяина, а когда тот отлучался, Миролюбова запирали в комнате на ключ. Текст читался с трудом, некоторые дощечки были повреждены. Миролюбов собирал и склеивал их. Он вспоминает: "Я ждал не того! Я ждал более или менее точной хронологии, описания точных событий, имен, совпадающих со смежной эпохой других народов, описания династий князей и всякого такого материала исторического, какого в них не оказалось". Какую часть текста Миролюбов переписал, С.Лесной установить не смог. В 1941 году Изенбек умирает, сведений о дальнейшей судьбе дощечек нет.

Проходит двенадцать лет. В ноябре 1953 года в журнале "Жар-птица", издаваемом русскими эмигрантами в Сан-Франциско, публикуется заметка под названием "Колоссальнейшая историческая сенсация". В ней сообщается, что при содействии Ю.Миролюбова и редакции журнала "отыскались в Европе древние деревянные "дошъки" V века с ценнейшими на них историческими письменами древней Руси". Редакция, по словам заметки, получила из Бельгии фотоснимки с некоторых дощечек, и "известный ученый этимолог" А.А.Кур перевел "часть строчек" на русский язык. Их то и обещает опубликовать редакция в следующем номере журнала. Надо заметить, что издатель журнала "Жар-птица", "известный ученый этимолог" А.Кур - это эмигрант, генерал царской армии А.Куренков. С.Лесной утверждает, что А.Кур - "ассиролог", который в эмиграции, к его сожалению, не имел условий для серьезной научной работы. Б.А.Ребиндер сообщает, что А.Кур был секретарем Музея русского искусства в Сан-Франциско.

Как ни странно, объявив о находке дощечек, редакция не спешит публиковать тексты. Первая и единственная фотография с

Текст дощечки 16 - единственный опубликованный снимок (по О.В.Творогову)

дощечки (как предполагает Л.П.Жуковская, с прориси), содержащей десять строк, была опубликована через год, в январе 1955 года. На протяжении трех лет появляются лишь статьи А.Кура, в которых было воспроизведено в общей сложности около ста строк Влесовой книги. Только в марте 1957 года начинается полная публикация текста дощечек, продолжавшаяся до 1959 года, в котором журнал "Жар-птица" прекратил свое существование. Однако, больше ни одной фотографии уникальных дощечек на страницах журнала не появлялось. В течение всего этого времени в журнале периодически публиковались противоречивые заявления: либо сообщалось о намерении редакции воспроизвести фотографии дощечек на страницах журнала, либо уверения, что они все утрачены.

В 60-х годах этой темой занялся С.Лесной, посвятивший Влесовой книге несколько работ. Он даже собрался сделать доклад о ней на V Международном съезде славистов, опубликовал тезисы выступления, однако на съезд не приехал и доклада не делал. После смерти С.Лесного о Влесовой книге на Западе забывают. Интерес к ней появляется лишь в середине 70-х годов, когда Б.А.-Ревиндером публикуется русский перевод "Влесовой книги", опиравшийся на предшествующие издания и переводы. В 1977-1984 годах в Мюнхене выходит посмертная публикация сочинений Ю.П.-Миролюбова, которые содержат ряд очень интересных сведений, о которых мы расскажем ниже.

В 1960 году С.Лесной прислал в Советский Славянский комитет фотографию той самой дощечки, которая была опубликована Миролюбовым. Академик В.В.Виноградов поручил экспертизу снимка палеографу и лингвисту Л.П.Жуковской. Она отметила следующее. Во-первых, фотография сделана, видимо, не с настоящей дощечки, а ее прориси. Во-вторых, она указала, что для па-

леографической экспертизы десяти строк на фотографии недостаточно, поэтому на основании анализа почерка и материала письма судить о подделке нельзя. Хотя, даже такой маленький образец вызвал у эксперта сомнение в подлинности памятника. А данные языка, напротив, ясно свидетельствуют о том, что "рассмотренный материал не является подлинным". Лесной оспорил этот вывод, заявив, что эксперт просто не знает этого языка, который якобы в силу исторических условий был совершенно особенным. Он, как и многие его сторонники не понял, что речь идет не о странности или исключительности форм слов Влесовой книги, а о сочетании в ее языке таких разновременных особенностей, которые не могли существовать вместе ни в одном славянском языке.

Однако, с 1976 года в советской прессе наблюдается всплеск небывалого интереса к этому памятнику. Он был вызван, видимо, публикацией Влесовой книги незадолго до этого в западной печати. Ей посвящаются статьи в газетах и журналах, она вдохновляет поэтов и писателей на создание художественных произведений. Создается миф о широкой и длительной научной дискуссии вокруг Влесовой книги. Даются ссылки на V Международный конгресс славистов, где якобы "достаточно обоснованно и серьезно поднимался вопрос о необходимости тщательного изучения этого литературного памятника и решено было подробно изучить это - во многих отношениях таинственное - произведение". Однако, мы знаем, что С.Лесной не был на конгрессе и не делал доклада о Влесовой книге. Поэтому конгресс никак не мог ни обсуждать этот памятник, ни выносить каких-либо решений.

В одной из статей, например, говорится о том, что Влесова книга "изображает совершенно неожиданную картину далекого прошлого славян, она повествует о русах как "внуках Дажьдбога", о праотцах Богумире и Оре, рассказывает о передвижении славянских племен из глубины Центральной Азии в Подунавье, о битвах с готами, а затем с гуннами и аварами, о том, что трижды Русь погибнувшая восстала..." и т.д.

О том, как именно изложена во Влесовой книге "картина далекого прошлого славян" мы будем разбирать ниже, сейчас же обратим внимание на другое. Энтузиасты изучения этого памятника создают у читателя впечатление, что Влесова книга восполняет наши сведения об истории Руси, однако ни словом не упоминают о том, что эти сведения самым решительным образом сталкиваются со всей суммой знаний, добытой археологами, лингвистами, этнографами и историками, опирающимися на многочисленные факты и источники. Крупнейшие советские ученые анонимно зачисляются в разряд "некоторых скептиков", и умалчива-

ется, что и противостоят им неспециалисты, по разным причинам участвующие в создании новой сенсации.

Верхом абсурда, например, является следующее заявление журналистов: в Влесовой книге *"четко засвидетельствовано, что наши предки "водили скот от Востока до Карпатской горы"*. Таким образом, не Припятские болота, *куда нас пытаются загнать некоторые археологи, а огромный простор Евразийских степей вплоть до Амура - вот наша истинная прародина*. Четыреста лет назад русские лишь вернулись в родное Русское поле, которое тысячами принадлежало нашим предкам. В том-то и заключается великая историческая ценность "Влесовой книги", что она явно свидетельствует о нашем исконном присутствии на нынешней территории страны". Такое трудно даже комментировать.

Обратимся теперь к самим дощечкам и попытаемся проанализировать все сведения, с ними связанные. По словам Ю. П. Мирюлова, Влесова книга представляла собой комплект дощечек с нанесенным на них текстом. С.Лесной в одной из своих книг цитирует его письмо, написанное спустя 16 лет после пропажи дощечек: *"Дощки были приблизительно одинакового размера, тридцать восемь сантиметров на двадцать два, толщиной в полсантиметра. Поверхность была исцарапана от долгого хранения. Местами они были совсем испорчены какими-то пятнами, местами покоробились, надулись, точно отсырели. Лак, их покрывавший, или же масло, поотстало, сошло. Под ним была древесина темного дерева. Изнбек думал, что "дощки" березового дерева. Я этого не знаю, т.к. не специалист по дереву.*

Края были отрезаны неровно. Похоже, что их резали ножом, а никак не пилой... Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт чем-то бурым, потемневшим от времени, после чего покрыт лаком или маслом. Может, текст царапали ножом, этого я сказать не могу с уверенностью. Каждый раз для строки была проведена линия, довольно неровная. Текст был написан под ней... На другой стороне текст был как бы продолжением предыдущего, так что надо было переворачивать связку "дощек" (очевидно, как в листах отрывного календаря. - С.Л.). В иных местах, наоборот, это было, как если бы каждая сторона была страницей в книге. Сразу было видно, что это многостолетняя давность. На полях некоторых "дощек" были изображены головы быка, на других солнца, на третьих разных животных, может быть, лисы или собаки или же овцы. Трудно было разбирать эти фигуры... Буквы были не все одинаковой величины, были строки мелкие, а были [и] крупные. Видно, что не один человек их писал. Некоторые из "дощек" потрескались от времени, другие потрухлявились".

Трудно поверить, чтобы дощечки IX века, пережившие к тому же тяжкие испытания в XX в., все же сохранились: ведь толщина в пять миллиметров в сочетании с размерами 38 на 22 сантиметра придала бы им необычайную хрупкость. Но закроем пока глаза на все эти странности, ибо нас ожидают в дальнейшем и другие загадки.

По данным С.Лесного дощечек было 35, в посмертно опубликованных работах Миролюбова говорится о 37 дощечках. По словам Миролюбова, все дощечки были одинакового размера, содержащими от 19 до 21 строки. Однако, некоторые из них, например, дощечка 5а и 5б (оборотная сторона -?), содержат по 10 строк, и при этом существуют еще неизвестно откуда взявшиеся "осколки" дощечки 5б. Другой пример. По словам редакции "Жар-птицы", дощечка 27, "готская", была собрана из обломков и осколков. Однако они оказываются расколотыми так, что появляются щепы во всю длину дощечки и шириной 1 см, содержащие целые строки. По крайней мере три из них дословно повторяют тексты дощечек 5б, 6д и 8.

И все же самые главные противоречия скрываются в другом. Сохранилось несколько копий текста Влесовой книги, выполненных Ю.П.Миролюбовым, - единственным, кто видел и переписывал дощечки: одна из них опубликована в журнале "Жар-птица", другая - машинопись, найденная в Сан-Франциско, являвшаяся для первой черновиком, который Миролюбов посылал А.Куру для публикации. При сравнении этих текстов оказывается, что они содержат сотни различий, которые никак нельзя объяснить редакционной правкой.

После анализа двух копий Влесовой книги, публикации и ее черновика, был сделан вывод о том, что один из текстов носит следы явной фальсификации. В то время как сама публикация казалось бы тщательно воспроизводит деление текста дощечек на строки, в ее черновике границы строк никак не отмечены. В ряде случаев в публикации указаны небольшие лакуны текста: "текст разрушен", "текст сколот", "ряд букв стерлись или соскоблены". Однако, в черновике Миролюбова в этом месте читается исправный текст. Особый случай, когда в черновике читаются значительные фрагменты текста, утраченные в публикации. Если попытаться вставить их в публикацию на нужное место, то в ней нарушается деление текста дощечек на строки, которые она якобы тщательно воспроизводит. Поэтому, если текст дощечек отражает черновик, то разбивка на строки в публикации - фикция, если же оригинал точно воспроизведен в публикации, то фикцией является "лишний текст" черновика Миролюбова.

Необъяснимы случаи, когда в обоих текстах в одном и том же месте читаются разные слова. Например (первое чтение - публикация, второе - черновик): *земіа - доржава, по рїеце - по данаіу* (6а), *два роді - два вїетва* (6в), *под себіа бера - подчинаешть* (6г), *січа - бітва, лїудіе - народь* (7г), *до сверзі - до небї, од сверзі - од небы* (7э), *іріі - рай славьск* (11), *щоурь - слвиех, все - рате, на марцїех - на облцїех* (15б). Необъяснимы также случаи замены в словах одних букв на другие: *а* на *ї*, *ѣ* на *їе*. Произвольное изменение текста в одном из вариантов не вызывает ни малейших сомнений.

Все эти странности могут иметь только одно объяснение: публикация Миролюбова и Кура не имеет ни малейшего отношения к "подлинным" дощечкам (даже если признать их существование). Дело не в отдельных опечатках, по поводу которых сетовал С.Лесной: фикцией является и разбивка на строки, и указания на дефекты дощечек, и само членение текста на дощечки, и отдельные чтения. Все это - результат грубой мистификации читателей Ю.П.Миролюбовым и А.А.Куром. Но, быть может, к подлинным дощечкам имеет отношение черновик, который отражает древний текст, дилетантски и невежественно переписанный Миролюбовым, без каких-либо делений на строки и фрагменты, а затем грубо подправленный А.Куrom? Но последующий анализ заставит нас отказаться и от этого предположения.

Даже беглый анализ особенностей языка, которым написана Влесова книга, покажет очевидность искусственности этого текста. С. Лесной, а вслед за ним и наши отечественные защитники Влесовой книги, утверждают, что она написана не на известном всем старославянском и не на "классическом" древнерусском языке, а отражает какой-то "язык" или "диалект", который филологам-славистам не известен. Поэтому оценивать Влесову книгу по меркам того или иного древнеславянского языка нельзя. Этот тезис, возможно, кажущийся неспециалистам убедительным, основан на заблуждении.

В том, что Влесова книга написана на славянском языке, сомнений быть не может: ее лексика, безусловно, славянская. Значит, речь должна идти лишь о том, что перед нами некий язык, так же как и остальные славянские языки восходящий к общеславянскому языку, но изменивший его по своим, особым законам. Допустим, что это так.

Предположим, что Влесова книга отражает некий неизвестный науке язык (назовем его "язык Влесовой книги"), зафиксированный на определенном этапе его истории, в IX веке (именно так датирует С.Лесной Влесову книгу на основании того, что в ней

упомянуты реальные исторические лица - князья Аскольд и Рюрик). Мы видим при этом, что кругозор автора Влесовой книги ограничен территорией между Карпатами на западе, Волгой на востоке, Черным морем на юге и озером Ильмень на севере. Следовательно, язык Влесовой книги территориально относится к восточно-славянским языкам. Но как только мы примем эти исходные посылки, а они очевидны, мы получим право анализировать язык Влесовой книги по тем же законам, что и любой другой славянский язык. А этот анализ приведет нас к совершенно определенному выводу: перед нами искусственный язык, причем изобретенный лицом, с историей славянских языков не знакомым и не сумевшим создать свою собственную, последовательно продуманную языковую систему. Об этом говорят наблюдения над фонетикой и грамматикой языка Влесовой книги.

Как известно, отдельные звуки древнейшего общеславянского языка имели впоследствии в разных группах славянских языков (восточнославянской, южнославянской и западнославянской) различную судьбу. Это явление достаточно хорошо изучено славистами. Рассмотрим, как протекали эти процессы в языке Влесовой книги.

1) Для древнего общеславянского языка характерно наличие редуцированных гласных, обозначавшихся в кириллическом алфавите буквами *ѣ* и *ь*. Эти гласные звучали менее отчетливо, чем остальные, и могли под влиянием разных факторов либо совсем пропадать, либо переходить в гласные полного образования *о* или *е*. Этот процесс, называющийся "падением редуцированных", происходил во всех славянских языках в IX-XI вв.

Влесова книга знает эти буквы и даже отражает этот процесс, но чрезвычайно странно. Во-первых, эти буквы употребляются в ней крайне нерегулярно и намного реже, чем они встречаются даже в более поздней рукописной традиции, когда процесс падения редуцированных уже закончился. Во-вторых, Влесова книга фиксирует как случаи прояснения гласных: *воспять, воспоемо, доржава, первые* и т.д., так и опущение редуцированных в слабой позиции: *взяти, уврже, пря*. Таким образом, придется допустить, что язык Влесовой книги обогнал в своем развитии (в процессе утраты редуцированных гласных) древнерусский язык по крайней мере на одно-два столетия, а если говорить об орфографической традиции, то на еще большее время: ведь даже в Успенском сборнике, рукописи рубежа XII-XIII веков, мы находим написания: *въспоеть, държава, първыи*. В то же время, мы встречаем в Влесовой книге ряд написаний, которые свидетельствуют о том, что ее составитель плохо представлял историю редуцированных

гласных. Он пишет их, порой, в тех местах, где их никогда не было: *твѣряи, бѣзи, скѣти, мѣлихомся, зѣлѣто* и т.д.

2) Любопытна судьба праславянского *ě*, который в кириллическом алфавите обозначался буквой *ѣ*. Для IX века, которым датируют Влесову книгу, как, впрочем и для более позднего времени, смешение этой буквы с другими, обозначающими похожие для нас сейчас звуки, невозможно. В древних рукописях слова с исконным *ѣ* всегда писались правильно и отделялись в сознании писца от слов с похожими звуками. В тексте Влесовой книги *ѣ* систематически смешивается с буквой *е* и диграфом *ie*, который употребляется в польском языке. Влияние польского языка обнаруживаются не только в графике: именно польским произношением объяснимы такие написания, как *ляты, вятром, ліато, чріаслы*. Но и на этом загадочные превращения звука *ě* не кончаются: мы можем его встретить и в чисто украинской огласовке: *бида, виру, писне, писень, вире, діда* и т.д. Все это говорит об искусственности и графики, и орфографии Влесовой книги, о том, что фонетическая система языка была придумана фальсификатором без достаточной последовательности. В реальном языке не могли бы сосуществовать три разных варианта произношения одного и того же звука в одной и той же фонетической позиции.

3) Лингвистам известно, что древнерусский разговорный язык отличается от книжного церковнославянского тем, что в нем исконное общеславянское сочетание **tj* обратилось в звук *ч*, а в церковнославянском оно приобрело форму *щ*. Отсюда произошло появление таких пар как *свѣча - свѣща, печера - нещѣра, речи - рещи*.

В языке Влесовой книги мы встречаем совершенно немыслимые сочетания. Мена букв *ч* и *щ* происходит и в тех случаях, где она быть не может, поскольку в них эти буквы передают совершенно другие звуки общеславянского языка. Так, например, не могла возникнуть такая пара как *час - щас*, поскольку *ч* в этом слове восходит в общеславянском языке не к **tj*, а к слову **кесо*. Придуманность этой формы, а также таких написаний, как *щисту, щасть, щто, щеть, пренд ощесы, до вщере* и тому подобных несомненна. В них на месте *ч* по законам развития языка ни при каких условиях не могло появиться *щ* ни в одном из славянских языков. Не случайно, например, слову *честь* в древнерусском и старославянском соответствует *чьсть*, в чешском *čest*, в польском *cześć*, в современном болгарском *чест*.

4) Очень странна судьба носовых звуков *є* и *ѡ*, обозначававшихся в кириллическом алфавите *ѡ* и *ѣ* еще долгое время после их исчезновения. В древнерусском языке носовые гласные, как сей-

час полагают ученые, отсутствовали, а буквы *л* и *ж* употреблялись по традиции, как результат следования старославянским оригиналам. Вопреки этому, язык Влесовой книги сохраняет носовые звуки, но обозначает их не буквами *л* и *ж*, которых она вообще не знает, а диграфом *ен*: *пентократы* (вместо *пять*), *десенте* (вместо *десять*), *стенге* (вместо *стлгъ*), *ренка* (вместо *ржка*), *зенбы* (вместо *зжбъ*), *голомбъ* (вместо *голжбъ*).

Быть может, Влесова книга, сохранившая обозначение произношения носовых звуков, тем самым утверждает свою древность, но тогда чем объяснить, что два разных звука обозначаются в ней одинаково? Такое невозможно. Это может объясняться лишь тем, что писавший эти дощечки не имел в своем произношении носовых звуков, но слышал о них и потому употреблял сочетание *ен*, как если бы носовые были. В результате появились несочетающиеся между собой принципиально разные закономерности: 1) как будто уже начался процесс утраты носовых гласных, причем носовое *о* совпало с *у*, а носовое *е* с *е*, то есть как гораздо позднее будет в сербском языке; 2) как будто носовые были близки по звучанию, как станет позднее в некоторых позициях в польском языке; 3) как будто процесс утраты носовых происходил лишь в некоторых словах. Более того, создатель языка Влесовой книги не знает законов развития языка, и поэтому во многих случаях в разных словах, но в одних и тех же фонетических позициях мы встретим взаимоисключающие по написаниям.

5) Общеславянские сочетания **kv* и **gv* древнерусский язык передавал как *цв-* и *зв-*, а в западнославянских языках оно осталось неизменным. Во Влесовой книге мы встречаем и те, и другие формы, что для одного и того же языка невозможно: *квенте - цвѣтѣ*, *квіетиц - звездиц*.

Итак, обзор даже некоторых особенностей "фонетической системы" языка Влесовой книги убеждает нас, что не мог существовать язык со столь непоследовательной, противоречащей всем представлениям об истории славянских языков системой. Это - искусственный язык, сконструированный крайне неграмотно.

Грамматический строй языка подтверждает этот вывод. С.Лесной писал: "Особенностью языка Влесовой книги, говорящей в пользу ее глубокой древности, является то, что склонение существительных и прилагательных является весьма зачаточным, примитивным, подобно тому, что мы встречаем в языках иностранных. Склонение основывается не столько на изменении флексий, сколько на изменении предлогов, стоящих перед словами".

В этом рассуждении проявляется полная лингвистическая некомпетентность С.Лесного. Действительно, языки делятся на ана-

литические, в которых зависимость между словами обозначается при помощи предлогов, и синтетические, в которых эти связи выражаются при помощи флексий (окончаний). Однако, аналитический строй некоторых иностранных языков, и в частности английского, который имеет ввиду С.Лесной, - это результат изменений, произошедших в средние века. Древнеанглийский язык, так же как и древнеславянские, был языком флективного строя, где связи между словами выражались при помощи окончаний. С.Лесному не известно, что уже общеславянский язык обладал четкой и последовательной грамматической системой. "Примитивность" грамматического строя Влесовой книги - не результат ее древности, а результат примитивности воззрений на историю языка ее создателей, отражение их стремления придать памятнику "архаичный вид" при помощи нагромождения несуразностей.

Грубые нарушения грамматической системы встречаются на каждом шагу. Это - невозможные в языке глагольные формы, где суффикс одной временной формы соединен с окончанием другой (например, в слове *іспіяхша* суффикс имперфекта *-ях-* соединен с окончанием аориста *-ша*); это отсутствие согласования между прилагательным и определяемым им существительным (*шед за отце наша*) и т.п. Отметим также употребление слов из различных славянских языков - сербского, польского, украинского, чешского. Причем это не древняя лексика, которую можно попытаться хоть как-то объяснить, а современные слова: сербо-хорватское *сүнце*, болгарское *земя*, напоминающие по произношению "полонизмы" *згинецешши* (ср. *zginąć* - погибнуть), *гура* (ср. *góra* - гора) и т.д.

Иными словами, анализ языка Влесовой книги не оставляет ни малейших сомнений в том, что перед нами искусственный и крайне неумело сконструированный "язык", создатель которого, очевидно, руководствовался лишь одним правилом - чем больше несуразностей окажется в тексте, тем архаичнее он будет выглядеть.

Не менее несуразной и неумело сконструированной Влесова книга оказывается и с исторической точки зрения. С.Лесной восхищался Влесовой книгой: "В дощечках Изенбека все оригинально и не похоже на нам уже известное". Прочитав эти восторженные строки, читатель ждет, что она действительно познакомит с богатой событиями историей славян, которая в своей древнейшей части оставалась неведомой науке. Но его ожидает разочарование. Все исторические сведения Влесовой книги весьма кратки, крайне невразумительны, чрезвычайно противоречивы, и к тому же разительно отличаются от стройных повествований, содержащихся в известных нам славянских летописях и хрониках. Для того,

чтобы дать представление о них, мы приведем текст некоторых "дощечек" в переводе Б.А.Ребиндера - сторонника подлинности и древности Влесовой книги (все пометы в тексте принадлежат ему).

Дощечка 2а. "Но борусь и русь были сражены рукой вражеской, и они творили злодеяния... И князь был тот немощен и послал сынов своих в битву, и враги их победили, потому что они не соблюдали того, что было провозглашено на вече. Потому они были разбиты и взяты. И не так ли мы говорим теперь: "У нас есть князья, и им надлежит ходить, чтобы добывать землю для нас и для наших детей". А там греки напали на них, так как боруссы отделились от них (?). И была сеча великая со многими меченосцами (?). Сто раз Русь возникала и сто раз было разбита от полуночи до полудня. И так как наши праотцы разводили скот, были уведены отцом Орием в край русский, потому что, оставаясь, перенесли много страданий и не могли перенести раны и холод, потому они ушли оттуда и поселились земледельцами на землях русских. Все это произошло за две теме до суть (?). А после двух темей пришли воряги и стали забирать в свои руки земли от хозар. На них мы работали, будучи разбиты. И еще был народ скильмерский и имел от ста до двухсот курней. И так как наш народ пришел в русские земли позднее, он селится промеж ильмерских, и они нам подобны и как братья. И даже если бы они от нас отличались, они нас хранили от зла. Они имели вече. И то, что было постановлено, должно было быть провозглашено и принято за истину. А то, что не было постановлено, не должно было быть ... Избирали князей от полюдья до полюдья, и так мы жили, а мы им приносим помощь, потому что мы их очень ... и умели выжигать сосуды в очагах, и мы хорошие гончары и хорошо пашем земли, а они умели хорошо разводить скот, как и отцы наши ... Пришел род зол и напал на них".

Дощечка 4б. "За десять веков забыли своих (?), и так роды жили особыми племенами, и так одних называли поляне, а на севере древляне. Это все русские из Русколани, которые отделились иако сумеве (?), и от этого пришла на Русь усобица. А после второго тысячелетия подверглись разделу и убыло самостоятельности и пришлось платить дань чужим, сначала Готам, которые "крепко обдирали", а затем хозарам, которые убивали. Увился каган, и он нам не благоволил. Сначала были гостями (торговцами) на Руси, сначала были красноречивые, а потом стали злыми и стали русских притеснять. Мы же сказали: куда же нам идти от них? Где же мы будем вольными (?). Мы очень сиры, и рука божеская отвернулась от нас за то, что за 20 000 (?) мы не смогли вместе ужиться на Руси и туда пришли воряги и забрали эти мес-

та, они и сыны. Ибо Русь создавалась от севера, потому что у нас не было возможности. Создали в лесах Ильмерских, так как там была небольшая часть, выгнанная из Киева (?). Ибо там уселись воряги, которые хищники, которые повесили свентояров (?), чтобы мы видели тело того боярина Гордыню нашего, который поразили готов со Скотенем, и были эти славные деяния от приходу словенских людей на Русь десентеста третьего лета (?), ибо вдруг (?), грабя, напали на нас. А это было когда (?) Свентояр, один из князей, которого выбрали из боруссов, вооружил их и пошел на готов от Воронежца .., и было там десять теме отборных конных воинов и никаких пеших, и так бросился на них. И была там сеча злая и короткая, и та усиливалась до вечера. И готы были поражены".

Дощечка 5а. "О подробности о том, как мы начались в окрестностях (?), скажем так: за тысячу пятьсот лет до Дира пошли наши прадеды к горам Карпатским, и там уселись, и жили кладно (спокойно !). Потому что роды управлялись Отцами родов, а старшим в роде был щекко од ориан, он воевал (?), ибо Паркун нами благопочитался, и мы здесь очутились, и так нам жилось 500 лет. И тогда мы ушли к восходу солнца к Непре (Днепру). А эта река течет в море, и мы на ней уселись на севере, которая называлась Припять Днепра .., и там поселились и управлялись вечем 500 лет. И так были охраняемы богами от многих, называемых языгами. Там было много ильмерцев, которые там осели крестьянами. И так мы разводили скот в степи, и там были хранимы богами, и можно так сказать, как сказал Орь - "Отдохни и получай деньги и много золота" - и жилось богато".

Дощечка 6е. "Погода стояла очень пречистой (безоблачной), и в тот день (где) мы (там, где мы были) ясной, и засуха была страшная (зурива). И жатва не уродилась, и потому мы ушли на другую землю и там осели. Русь была побеждена греками и римлянами, и те шли по берегам морским в "Крым" и там образовали Сурожь. Край этот солнечный. И то, что создалось Киеву, не годилось и сильно противило. Здесь впервые воряги пришли на Русь. Аскольд силой погромил нашего князя и покори́л его. Аскольд, а позднее Дир уселись у нас как непрощенные князья и стали княжить над нами, и даже стали вождями "а семе го костыре" хранящего Огнебога дома, и потому он отвратил лик свой от них, так как эти князья были греками окрещены... Аскольд темный воин, и теперь ему греки объяснили, что никаких Руссов нет, а вы варвары. А нам это смешно, потому что отцы наши были кимрами, и они Рим потрясали и греков разметали как испуганных поросят".

Дощечка 7б. "И римляне знали, как мы дорожим жизнями нашими, и оставили нас. И тогда греки захотели отобрать у нас Хорсунь, и мы сражались, чтобы не попасть в рабство. И борьба эта и сраженья великие продолжались тридцать лет, и они оставили нас ... И не отдадим землю нашу, как мы не отдали землю Троянову, и мы не дадимся римлянам, чтобы не восстала обида Дажьбоговым внукам, которые с оружием поджидали врагов, так и сегодня мы не заслуживаем хулы, как и отцы наши, которые загнав готов к берегу моря, одержали там победу над ними. Песни хвалы и мать (сва) поет, и эта прекрасная птица, которая несет пращурам нашим огонь в дома их".

Дощечка 7э. "С теми мы не боимся смерти, потому, что мы потомки Дажьбоговы, нас породившего через краву замунь. И потому мы кравенцы скуте (?), анты, русы, борушины и сурожцы, так мы стали дедами русов и с пентьем идем в синее небо Сварогово. В старые времена рыбоеды остались, не хотя идти в наши земли, говоря, что им и там хорошо, и так они погибли от своего (желания) не плодиться с нами и померли, потому что от неплодных ничего не осталось. И не известно об отцах (?) тех костобоких - кто они. Они ждали помощи от неба и сами на стали об этом (?) трудиться, и вышло, что они (?) были поглощены лирами. Тут мы скажем, что это правда, что ничего не осталось (?) от этих двух, так лирове были поглощены нами, и больше у нас их нет! А дулеби были нами отведены на Борусь. Мало осталось леров, потому что они (?) называются ильмерцами, и те как-то уселись около озера, и тут венды еще уселись дальше, а ильмерцы остались там, потому что их осталось мало, и говорили, что их поле наше".

Дощечка 15а. "И оставив их (?), пошли к озеру Ильмень и там основали город Новый и там пребываем, и тут первого пращура Сварога молим среди рождающихся родников и усердно просим, ибо он источник нашего хлеба Сварог, иже сотворяет свет. Он бог света и бог Прави, Яви и Нави. Ибо мы в них верим (воистину?), и эта истина (вера) наша переборет силы темные и ведет к благу. Так как же к этому вела праотцев творя о сем? Зная, что воины на белых конях вышли из края Семиречья до гор Иранских (?) и Загорья, и эти шли век (?) и там, оставив их, ушли в Дворечье, отбиваясь от тех своей конницей и пошли в землю Сирийскую (?) и там остановились, а после шли высокими горами снежными и ледяными и повернули к степям стада свои и скотину".

Приведенные здесь фрагменты дают представление о том, как выглядит история древних славян с точки зрения Влесовой книги, и в какой форме она изложена. Несмотря на фантастический характер ее сведений, мы попытаемся проанализировать ее пове-

ствование, охватывающее период в 1800 лет - от времени Богумира до Аскольда, Дира и Рюрика, т.е. с IX в. до н.э. по IX в. н.э. Трудности ее анализа состоят даже не в том, что изложение Влессовой книги коренным образом расходится с нашими научными представлениями об истории Европы древнейшего времени и периода средневековья. Даже если допустить реальность сообщаемых ею фактов, мы все равно сталкиваемся с неразрешимыми противоречиями. Она излагает, причем крайне невнятно, несколько взаимоисключающих версий. Ее повествование поражает своей убожеством: ничтожным количеством сведений, конкретных фактов, обилием повторов одних и тех же сюжетов, которые обнаруживают даже при поверхностной проверке свою полную псевдоисторичность.

Начнем с сообщения, восхитившего всех поклонников Влессовой книги, о Богумире, от которого якобы произошли древнерусские племена - древляне, поляне, кривичи, северяне и русы. Влессова книга сама опровергает ее, и на дощечке 10 потомком Богумира назван один Орь, от которого пошли "три рода". Какие - понять трудно: с одной стороны, говорится о русах и борусах (дощечка 6а), с другой - выясняется, что у Оря было три сына: Кий, Пашек (Щеко) и Горовато (Хорев). Из дощечки 36а следует, что Пешек - праотец чехов, а Горовато - хорватов. Это ставит нас перед трудноразрешимой задачей. Получается, что все древнерусские племена произошли от Богумира и Оря, а уже от них - другие славянские народы (в частности, хорваты и чехи). Абсурдность такого допущения очевидна. При этом Влессова книга никак не объясняет, откуда ведут свое происхождение русколань, сурожцы, ильмерцы, которые неоднократно упоминаются в ней.

В дальнейшем Влессова книга отказывается от легенды о праотце Богумире и приводит другие сведения о происхождении славянских племен. В дощечке 4б рассказывается, что через десять веков (после чего?) русичи жили особыми племенами, при этом одних называли полянами, а других - древлянами. Третья версия изложена на дощечке 7а: "наш род" когда-то жил в Карпатах, и там русичи именовались карпами, а когда жили в лесах, то получали имя "древичи" (древляне), "а на полях наше имя было поляне".

Хронология, приведенная в Влессовой книге, противоречит всем данным современной науки. Достаточно вспомнить, что в начале I тысячелетия до н.э. славяне обитали в Центральной Европе, а не за Волгой, что готы появились в Северном Причерноморье в начале III в. н.э., а не за несколько веков до нашей эры, что гунны в своем движении из Азии на запад "задержались" в Северном При-

черноморье на несколько десятилетий, что воевать с Римом славяне не могли тысячу лет, так как их непосредственные контакты с Империей не превышали двух веков.

Желая потрясти воображение читателя, автор Влесовой книги оперирует, как правило, огромными временными масштабами в 20 000 лет, 1500 лет, 1300 лет, 1000 и 500 лет. Однако, совершенно непонятна точка отсчета этих событий. Известно, что во всех хронологических системах древности отсчет ведется от самого раннего события (от основания Рима, первой олимпиады, сотворения мира и т.д.) к последующим. В Влесовой книге мы, напротив, находим отсчет лет от последующего события, как правило известного из других источников, к предыдущему: "за 1500 лет до Дира", "за 1300 лет до Германариха" и т.д. Существуют также числительные, являющиеся совершенно абсурдными для славянского языка: "десентеста третьего лета" (1003 -?), "десентеста сто третьего году" (1103 -?).

Как следует из дощечки 5а, за 1500 лет до Дира наши прадеды поселились в Карпатах, где прожили 500 лет (и соответственно ушли оттуда за 1000 лет до Дира). А на дощечке 7г говорится, что от времени "исходу" от Карпат до Аскольда (соратника Дира) прошло 1300 лет. Богумир, согласно Влесовой книги, жил за 1300 лет до Германариха. Готский вождь Эрманарих погиб в 375 г. н.э., следовательно время Богумира - IX в. до н.э. На дощечке же 6в в дополнении, читающемся в машинописи Миролюбова, говорится, что Орь, ближайший потомок Богумира, жил за 1500 лет до Дира, то есть в VI в. до н.э. Сопоставив все эти расчеты, мы убедимся, что они противоречат элементарной математике.

Приняв версию, что Влесова книга излагает историю русичей за 1800 лет, мы не можем не заметить, что у ее создателя явно не хватило выдумки заполнить событиями столь огромный отрезок времени, и фактически он сообщает сведения лишь о двух периодах - IX-VIII вв. до н.э. и времени прихода в Причерноморье готов - начиная с III в. н.э.

Говоря о непрекращающихся сотнями лет битвах русичей с готами, гуннами, римлянами, греками, автор Влесовой книги умудрился избежать всякой конкретности: не назван по имени ни один римский или византийский император или полководец, ни один вождь гуннов, а из готских вождей упоминается лишь Германарих, известный из других источников, и Галарех, которого комментаторы Влесовой книги отождествляют с вестготским королем Аларихом (ок.370 - 410 гг.).

Сведения о войнах с Римом и Византией отсутствуют не случайно: история этих стран хорошо известна, и любая конкретиза-

дия событий влекла бы разоблачение фальсификата. Поэтому автор Влесовой книги ограничивается лишь общими ссылками на "римлян" и "греков", а из географических ориентиров упоминает лишь хорошо известную по летописям и византийским источникам Корсунь (Херсонес), город Сурож (упомягая его в той огласовке, какой византийская колония Сугдея впервые названа в "Слове о полку Игореве") и неведомую "землю Трояню", также заимствованную из "Слова о полку Игореве".

Влесова книга свидетельствует не только об ограниченности знаний ее создателя, но и об отсутствии у него даже литературной фантазии: не случайно в ней встречаются постоянные возвращения к одним и тем же событиям, именам и "фактам", без каких-либо попыток представить более конкретную картину происходящего. Трудно найти среди дошедших хроник и летописей произведение столь примитивное по мысли, с таким же отсутствием логики повествования, столь же бедное при обращении к конкретным фактам, столь же "безлюдное" и лишенное какой-либо топонимики.

Сведения Влесовой книги по "истории" народов отражают разного рода домыслы и фантазии на тему праистории славян, сформулированную еще в XIX в. и крайне популярную в кругу русских эмигрантов в 20-х - 50-х гг. нашего века. В своих многочисленных сочинениях Ю.П.Миролюбов неоднократно ссылается на источники "истинной", "неизвращенной", "подлинной" истории славян, то есть отличающейся от научной и документально обоснованной. При ближайшем рассмотрении этими источниками оказываются вполне известные науке произведения. Одно из них - труды популярного в прошлом веке, но весьма несерьезного историка Д.Илловайского. У него мы находим пространные рассуждения о тождестве упоминаемых греческими и римскими источниками роксолан со славянами и русским народом, о битвах роксолан-русичей с готами, гуннами и римлянами, объяснение названия Пруссия как "Порусье" и связь его с этнонимом "боруски".

Составителю Влесовой книги были знакомы и серьезные исторические источники. Однако, они были невдумчиво прочтены и недобросовестно использованы. Из древнейшей русской летописи "Повести временных лет" взяты имена князей (причем женское имя княжны Лыбедь превращено в имя преемника ее брата - Лебедяна), названия племен (древляне, поляне, дулебы и др.), скудные сведения о нашествии хазар. Часть названий племен, таких как скифы, анты, роксоланы (превращенные в "русколань"), борусы, языги, костобоки, карпы, в большинстве своем восходят к античным источникам, в частности к "Географии" Клавдия Пто-

лемея (III в.). Они часто упоминаются в исторических сочинениях XIX в., посвященных проблемам происхождения славян, и наверняка были заимствованы именно оттуда. Некоторые имена, географические названия, образные выражения, от которых, по мнению автора Влесовой книги, веет древностью, заимствуются из "Слова о полку Игореве" - древнерусского произведения XII в.

Зачем же было создано это огромное сочинение, какие цели преследовал автор и кто им был? Ответ на эти вопросы мы можем найти в работах одного из публикаторов Влесовой книги Ю.П.Миролюбова, девятитомное собрание сочинений которого было издано после его смерти в Мюнхене в 1975-1984 гг. Шесть томов из них занимают дилетантские исследования в области праистории славян и религии древних русов.

Он приходит к выводу, что "славяно-русы являются древнейшими людьми на Земле", что "прародина их находится между Сумером (Шумером-?), Ираном и Северной Индией", откуда около пяти тысяч лет назад славяне двинулись "в Иран, в Загрос, где более полувека разводили боевых коней", а затем "ринулись конницей на деспотию Двуречья, разгромили их, захватили Сирию и Палестину и ворвались в Египет". В Европу, согласно фантазиям Миролюбова, славяне вступили в VIII в. до н.э., составляя авангард ассирийской армии: "ассирийцы подчинили все тогдашние монархии Ближнего Востока, в том числе и Персидскую, а персы были хозяевами Северных земель до Камы. Ничего нет удивительного, что славяне были в авангарде ассирийцев, оторвались от главных сил и захватили земли, которые им понравились". Гигантомания в сочетании с необыкновенной легкостью в обращении с всемирной историей позволяет ему заявлять, что "придется поворачивать всю историю".

Вторая, не менее "значительная" идея Миролюбова состоит в том, что религия древних славян - это "испорченный временем, обстоятельствами, событиями и переменой места жительства ведизм". После того, как предки славян покинули прародину, их "жречество огрубело, забыло ведический язык", который "стал быстро меняться", и "скоро уже было невозможно записать по-санскритски сказанное по-славянски". Еще одно "ценное" наблюдение Миролюбова заключалось в том, что языческая религия древних славян, содержащаяся в ведах, оказалась созвучной ... христианству: "...Христианство только потому и привилось, что было облечено на Руси в языческие формы и совпало идеологически с ними".

Миролюбов считает, что "славяне должны были обладать, хотя бы вначале, своей письменностью. Не могло ведь быть, чтобы,

पश्यामि देवास्तव देव देहे सर्वास्तथा भूतविशेषसंघान् । ब्रह्माण
मीश कमलासनस्यमृषीश्च सर्वानुरगाश्च दिव्यान् ॥ अनेकबाहूदर
वह्मन्नेत्रं पश्यामि त्वा सर्वतो ऽनन्तद्रप । नात्तं न मर्घ्यं न पुनस्तवा
अनादिमध्यात्तमनन्तवोर्यमनसत्वाङ्कु शशिसूर्यनेत्रं ।

Образец текста, написанного девангари

выйдя из арийских степей, зная и даже сохраняя ведизм, славяне не знали бы письменности, на которой веда была писана!". Миролубов постоянно говорит о санскрите как о языке имеющем свою письменность. Однако это не так: деванагри - система письма, используемая для записи ведических санскритских текстов - возникла в начале второго тысячелетия нашей эры. Веды были созданы 1000-1200 лет до н.э., а записывать их стали несколькими веками позднее, используя для этого разные системы письма. Таким образом, сложнейшие проблемы истории славян и возникновения у них письменности решаются на основании ничем не доказанного отождествления славян с древними индийцами и сопровождаются полным незнанием лингвистических и исторических фактов.

Читая сочинения Миролубова, мы видим большое число совпадений с сообщениями Влесовой книги о происхождении и миграции славянских племен, об их религиозных представлениях. Но, к нашему изумлению, в большинстве случаев Миролубов ссылается не на Влесову книгу, а на совершенно иные источники: сведения о языческом пантеоне он получил от старой няни отца Варвары, которая "одна стоила целого факультета истории и фольклора", а о древнейшей истории славян-русичей он узнал у старушки Захарихи, живший у них "на летней кухне" в 1913 г.

Таким образом, реконструкция славянской истории и мифологии основана у Миролубова на рассказах двух старушек да на наблюдениях за обычаями жителей трех украинских сел. Видимо, сам Миролубов чувствовал ненадежность этих источников для решения поставленных им грандиозных научных задач, и поэтому пытался "научно" обосновать их достоверность. Удаленность этих сел от городской культуры определило, с его точки зрения, что "они остались вне ее влияния, как бы застыв на целую тысячу лет в своих традициях". В другом месте, правда, он проговаривается, что эти украинские села находились на Днепре в десяти верстах от железной дороги. Таким образом, и это "научное" обоснование является не только безграмотным, но и лживым.

Сочинение "Ригведа и язычество", завершенное в октябре 1952 г., заканчивается следующей знаменательной фразой: "Большого о славянах мы не знаем и считаем пока нашу тему законченной. Может быть, новые данные и заставят нас к ней вернуться..." В этой работе сообщается масса сведений, находящихся в Влесовой книге, однако о ней самой нет никаких упоминаний. Есть лишь намек на ее предстоящее обретение. Миролюбов, рассуждая о происхождении славянской письменности задолго до возникновении кириллического письма, пишет: "Мы утверждаем, что такая грамота была и что она, может быть, будет даже однажды найдена! И значит, заранее говорим, что крики критиков окажутся совершенно лишними". Здесь мы находим обоснование графики букв подобной "грамоты" и расположения их под строкой, а не на ней: "Однажды старый дед на хуторе к северу от Екатеринослава нас уверял: "В старовину люди грамоту знали! Другой грамоте, чем теперь, а писали ее крючками, вели черту богови, а под ней крючки лепили и читать по ней знали!". Этот пример сопровождается далее рассуждениями о том, что древнейшая славянская грамота была сходна с санскритским письмом.

Таким образом, можно заключить, что в 1952 г. Влесовой книги еще не существовало, но уже велась подготовка к ее созданию: продумывалось ее содержание, вопрос же о типе письма уже был решен - оно должно было включать элементы "санскритского" письма. С этой задачей создатели Влесовой книги не справились. Следствием этой установки остался лишь принцип написания букв на дощечках под чертой строки.

Через год, наконец, появляется первое известие о Влесовой книге в новом сочинении Миролюбова "Русский языческий фольклор: Очерки быта и нравов". В начале дается ссылка на лекцию г. Куренкова (А.Кура) о старинных русских письменах, впоследствии оставленных "из религиозных и политических соображений". Затем автор припоминает о виденной до первой мировой войны книге со славянскими "руническими надписями", и, наконец, появляется первое сообщение о Влесовой книге: у русичей "письмены были тоже разными, так как единства в них могло и не быть из-за различных условий торговых центров. В одних из них могли пойти в основу знаки готской письменности, а в других ведической. Мы ничего точного об этом не знаем, но логика стоит за это. Впоследствии нам выпало большое счастье видеть "дошки" из коллекции художника Изенбека, числом 37, с выжженным текстом. Частью буквы напоминали греческие заглавные буквы, а частью походили на санскритские. Текст был слит. Содержание

трудно поддавалось разбору, но по смыслу отдельных слов это были моления Перуну...".

Итак, во время написания своей книги Миролюбов вдруг вспомнил о виденных им дощечках - том самом источнике, на отсутствие которого он жаловался за год до этого. Однако в своих последующих работах, как ни странно, он продолжает ссылаться на рассказы няни Варвары, конюха Михайла и Захарихи как на единственно достоверный источник древней истории славян: "сказы Захарихи - единственное, что мы знаем из этих преданий прошлого".

О Влесовой книге, видимо, в результате критической оценки ее сообщений специалистами пишется немного: "Мы не касаемся их (дощечек - Е.У.) определения, ни характера их языка, который сильно отличается от всех известных нам записей X-го и других веков, но мы можем сказать наверное, что текст содержит учение язычества, воспоминания минувших особенно ярких событий нашего народа, имена его вождей и призывает на защиту земли Русской всех, кто считает себя потомками Русколани, государства, бывшего где-то на Севере... Есть в "Дощках Изенбека" и некоторые мифы, которых мы нарочно не касались в наших трудах, считая, что ими должны заниматься другие, а не мы... Критиков мы боялись, потому что обладаем незапятнанным именем, и не желали его делать нарицательным в устах невежественных людей. Не желали мы публикации текстов и из политических соображений, ибо наличие этих текстов может быть использовано нашими политическими врагами, большевиками... Серьезное изучение как языка "Дощек", так и их содержания, исторического значения, или религиозного, вероятно, придет значительно позже, когда улягутся страсти". Однако, до конца своей жизни, в самых последних своих сочинениях Миролюбов так и не воспользовался "найденным" и опубликованным им "уникальным" письменным источником по истории славян, которой он пытался заниматься всю жизнь.

Попробуем объяснить описанные здесь события и выяснить реальные источники Влесовой книги. В 1952 году, когда Миролюбов работал над своим сочинением "Ригведа и язычество", Влесова книга еще не существовала. Но идея о желательности подобной "находки" уже возникла. Поэтому Миролюбов, с одной стороны, сетует на то, что он "лишен источников", а с другой - не только утверждает, что была древнейшая письменность, которую впоследствии "забыли", но и высказывает уверенность, что "она будет однажды найдена" и "критики" будут посрамлены. Возможно, что толчком к созданию "письмен" на деревянных дощечках послу-

жили находки в Новгороде берестяных грамот в 1951 г, которые были не похожи ни на один славянский письменный источник, известный до этого. Вначале на Западе к ним отнеслись как к фальсификату, созданному большевиками, но затем даже самые резкие критики вынуждены были признать их подлинность. Первое краткое сообщение о Влесовой книге появилось двумя годами позже, в 1953 г. Вероятно, именно по аналогии с берестяными грамотами способ нанесения букв на "дощечки" был потом изменен: первоначальные "выжженные" буквы были заменены на процарапанные шилом.

ГРАМОТА: Ш ТЗ ЖНЗНОМНРА: КЗМНКСОУМЕ
 КОУПНЛЗЕСН: РОБ ОУ: ПЛЗКСОВЕ. АНЗНЕМА
 ВЗТОМЗАЛАКВНАГЗНН: АНЗНЕСАДРОУ
 ЖННА: ПОМАПРОУЧНЛА: АНЗНЕКА: ПСОЗ
 ЛНКЗТОМОУ: МОУЖЕВН: ГРАМОТ ОУ: ЕЛН
 ОУНЕГОРРБА: АСЕТНХОУОУ: КОНЕКСОУПН
 ВЗ: НКЗНАЖЗМОУЖВЗСАДНВЗ: ТАНАСЗ
 ВОДЗДАТЗ АТФЕЕСНН: ВЗЗДАЛЗК ОУНЗ:
 ТЕХЗ: АНФЕМЛННЧЗТЯЖЕ ОУНЕГО:

0 1 2 3 4 5 см

**Прорись берестяной грамоты №109 (2 половина XI в.)
 из раскопок 1953 г.
 (по А.В.Арциховскому и В.И.Борковскому)**

В 1954 г. работа над созданием Влесовой книги уже ведется, и Миролюбов невольно "проговаривается" об этом в своих сочинениях. Так, допуская, что древнейшая письменность славян использовала готские и "санскритские" ("ведические") знаки, он пишет, что "логика стоит за это". И тут же говорит о дощечках, которые являются уже фактом, а не логическим доказательством. Напомним, что в единственной "сфотографированной" дощечке есть характерная черта графики деванагри - текст написан под строкой, а также "ведическая" (в действительности же - мнимая) буква *a*. Однако, как уже было сказано, графика деванагри появилась лишь в конце I тысячелетия нашей эры, и поэтому славянские племена никак не могли ее заимствовать двумя тысячелетиями раньше, как это следует из теории Миролюбова.

Влесова книга создавалась в течение нескольких лет, но Миролюбов и Кур поспешили объявить о ней еще до того, как окончательно отработали все элементы своей версии. Поэтому в сообщениях о Влесовой книге встречается много противоречий: то говорится, что текст на дощечках был выжжен или написан каленым железом, то - что он был "выцарапан шилом"; сначала Миролюбов упоминает о "выпавшем счастье видеть" и "прочесть" дощечки, в которых многое ему было трудно понять и разобрать, а спустя два года утверждает уже в письме к С. Лесному, что он в течение 15 лет переписывал текст Влесовой книги и изучал его. О ее содержании сначала говорится весьма неопределенно, подчеркивается религиозный характер текстов ("моления Перуну"), а затем оказывается, что в переписанной Миролюбовым обширной книге содержится история русов за почти две тысячи лет.

Первоначально создатели Влесовой книги предполагали для полной убедительности опубликовать фотографии дощечек. Но первая же публикация "прориси" с "дощечки" 1954 г. и "фотостата" в 1955 г., видимо, вызвали критику и обвинения в фальсификации. Миролюбов и Кур вынуждены были отступить: Миролюбов заявляет, что фотографии потерялись, а последующее сообщение, что все же три фотографии были сделаны, так и не было подкреплено их демонстрацией. Текст сочинялся с трудом. Объявив о находке дощечек в 1953 году, Миролюбов и Кур приступили к их планомерной публикации лишь с марта 1957 г. До этого публиковались лишь фрагменты, но цитаты, приведенные Миролюбовым, в большей своей части не найдены в известном нам тексте Влесовой книги. Эти "заготовки" в дальнейшем в дело не пошли.

Критика сенсационной находки испугала Миролюбова. Ему были важны не столько сами дощечки, сколько свои исторические "факты" и концепции, которым он находил обоснование в созданном им же "уникальном источнике". Чтобы спасти эти сведения (им же самим изобретенные), он жертвует дощечками, отсылая интересующихся ими к А. Куру. А своим источником он делает уже не дощечки Изенбека, а сказы Захарихи, припоминания няни Варвары и свои собственные этнографические наблюдения, проверить которые не представлялось никакой возможности. О дощечках же он говорит вскользь и даже утверждает, что ценность их состоит лишь в том, что они не противоречат сообщениям няни Варвары. Он даже приводит "научный аргумент" в пользу достоверности сведений Захарихи: "Их нельзя отнести за счет ее собственной фантазии, так как она утверждала, что сама научилась им от древней старухи, когда была еще девчонкой", к тому же, добавляет Миролюбов, в сказах упоминаются "всякие такие

вещи и события, которых Захариха, простая женщина, придумать сама не могла".

О.В.Творогов, всесторонне исследовавший Влесову книгу, предполагает, что причиной создания этого фальсификата могли быть идеологические мотивы. Ведь Миролубов писал: чтобы найти силы для борьбы с советским строем, "явлением демоническим и антихристианским", нужно "таить в себе божественное начало", нужно помнить, что "в русской душе - источник мистического прозрения прошлого вечного". Поэтому задачу редакции "Жар-птицы", где была опубликована Влесова книга, он формулирует как "изучение славянского прошлого, возможно более далекого" и заявляет, что он и его единомышленники хотели бы это прошлое "разыскать". Разыскать "нужное" прошлое не удалось, и поэтому, как считает О.В.Творогов, его пришлось создавать самим.

Несомненно это так, однако, не каждый человек, тем более исследователь, способен решиться на подлог и фальсификацию. Для этого нужны также какие-то внутренние мотивы. Также, как среди литераторов существуют графоманы-непрофессионалы, которые готовы на любые затраты ради публикации своих произведений, так и среди любителей, увлекающихся историей, существуют люди, ищущие "подлинные", "настоящие" сведения об интересующем их предмете, которые опровергали бы традиционные представления о нем. Обычно они некорыстны и преследуют псевдопатриотические цели. Они, как правило, совершенно не владеют навыками профессиональной работы с источником и даже иногда не подозревают об их существовании. Они не имеют достаточного кругозора и исчерпывающих знаний об изучаемом ими предмете. Их пристрастность и желание отыскать потаенную правду заставляет их закрывать глаза на неустраивающие их реальные факты, которые используются в традиционных исследованиях. Подобные им любители сенсаций поддержали идею Влесовой книги и донесли ее до сегодняшнего дня.

Миролубов не одинок в своем "творчестве". История знает случаи подделок как исторических источников, так и конкретных рукописей. Так, например, в первой половине XIX в. крестьянин-краевед А. Артынов, движимый любознательностью и желанием написать полную историю своего родного города Ростова, создает несколько внушительных произведений, сохранивших, по его словам, ранние недошедшие летописи. Он, видимо, хотел найти все известия по истории родного края и собрать их в одной книге. Так произошло "Ядро Ростовской истории", значительно превышающее по объему дощечки Миролубова (большая часть трудов Артынова хранится ныне в Российской Национальной биб-

лиотеке в Петербурге). В его повествовании перемешаны легенды и быль, народные сказки и факты подлинных летописей. Его работа и методы ее создания иногда удивительно напоминают приемы Миролюбова.

Так же, как и в трудах Миролюбова, стиль изложения крайне лапидарен и неискусен (видно, что, несмотря на большое желание писать книги, литературный язык сочинителя недостаточно развит). И тому, и другому автору не достаточно один раз изложить свои идеи: Артынов неоднократно переписывает свой огромный труд в разных вариантах (иногда даже по несколько раз в год), Миролюбов также каждый год создает новое произведение о пражской истории славян.

Удивительно похожи и источники, из которых авторы черпают свои сведения. Общеизвестные факты, придающие их сочинениям правдоподобность, они берут из опубликованных летописей и сочинений известных историков; сведения же, которые принципиально отличаются от общепринятых и относятся к дописьменной истории славян, им сообщает "народ", или "старожилы", няня, конюх, отставной солдат, зеленщик, торговка пирожками и т.п. Несомненно, что народные сказки и фольклор XIX в. отражают мировоззрение довольно значительной группы людей и тем интересны, однако, они не имеют ничего общего с реальными историческими фактами.

И Артынов, и Миролюбов понимают это, поэтому пытаются создать "достоверные" источники для своих идей. Так появляются многочисленные "древние летописцы", которые неизвестным образом пропали после того, как Артынов их переписал; так появляются необыкновенные дощечки Миролюбова, также загадочно исчезнувшие. Удивительно также совпадение в том, что в руках публикаторов в обоих случаях оказываются плохие копии с исчезнувших подлинников: первоначальные копии Артынов якобы использовал на обертку товаров в своей лавочке, не думая, что его выписки из летописцев в дальнейшем понадобятся; Миролюбов также якобы был стеснен условиями переписки дощечек, которые Изенбек не разрешал ему выносить. В дальнейшем фотографии Влесовой книги были "утрачены" и публикаторам приходилось пользоваться вторичными копиями. Это позволяло фальсификаторам оправдывать свои ошибки дефектностью источника.

Разница в произведениях Артынова и Миролюбова заключается в обстоятельствах, при которых были созданы эти произведения, обусловившие и их цели. Артынов был достаточно обеспеченным крестьянином, а затем владельцем торговой лавочки. В изысканиях по истории родного края автором двигала любозна-

тельность и, быть может, самолюбие приобщившегося к науке простолюдина. Он не преследовал никаких сверхзадач и не вел ни с кем внутренней полемики, а был самозабвенным краеведом. Артынов с пиететом относился к ученым и ездил советоваться в Москву к известным историкам того времени И.Е.Забелину и А.С.Уварову.

Миролюбов более столетия спустя был поставлен в другие условия: изгнанный с родины, живущий среди чужого народа с такими же, как и он сам, вынужденными эмигрантами, он не мог не задумываться о судьбе, постигшей его страну. К тому же, патриотизм русских эмигрантов был усилен впечатляющей победой русского народа над фашизмом во Второй мировой войне. В этих условиях, в соответствии со своими внутренними потребностями и наклонностями, он и создает Влесову книгу - фальсифицированный памятник древней славянской письменности.

Описанные подделки были не единственными в истории письменности. Однако, фальсификация самих текстов очень редка. Намного больше известно подделок не древних произведений, которые требуют слишком кропотливой работы, а самих рукописей. XIX век был богат на них. Существовали даже специальные торговцы "древностями", поставлявшие для сбыта историкам и любителям отечественной старины наряду с ценными подлинниками множество фальшивок. Это явление в то время связано с общеевропейским течением "романтизма", вызвавшим не только в России, но и в Европе полосу подделок старины в области литературы и искусства. Большинство русских фальсификатов, относящихся к XIX в., принадлежали двум "специалистам" - Антону Ивановичу Бардину, "творившему" в Москве, и его "коллеге" из Санкт-Петербурга Александру Ивановичу Сулакадзеу. Оба они предназначали свои изделия для использования "в интересах науки" и этим существенно отличались от своих предшественников.

А.И.Бардин был хорошо известен в ученых и собирательских кругах первых десятилетий прошлого века как продавец антиквариата. Однако, известный историк М.П.Погодин рассказывает случай, характеризующий его товар не с лучшей стороны: "... покойник А.И.Бардин был мастер подписываться под древние почерки. Рассказывается один анекдот, как он "подшутил" над знатоками гр. Мусиным-Пушкиным и А.Ф.Малиновским [готовившими до гибели в пожаре рукопись "Слова о полку Игореве" к печати - Е.У.]. Граф приезжает в восторге в Историческое общество: "Драгоценность, господа, приобрел я, драгоценность!.. - Что такое? - Приезжайте ко мне, я покажу вам". Приехали после собрания; граф выносит харатейную тетрадку, пожелтелую, почернелую...

**“Руническая надпись” А.И.Бардина
на рукописи “Слово о полку Игореве”**

список “Слова о полку Игореве”. Все удивляются, радуются, один Алексей Федорович [Малиновский] показывает сомнение. “Что же вы? - Да ведь и я, граф, купил список подобный!.. - У кого? - У Бардина”. При сличении списки оказались одной работы”. Такая “шутка” обошлась Малиновскому в 160 рублей (сумму по тому времени немалую).

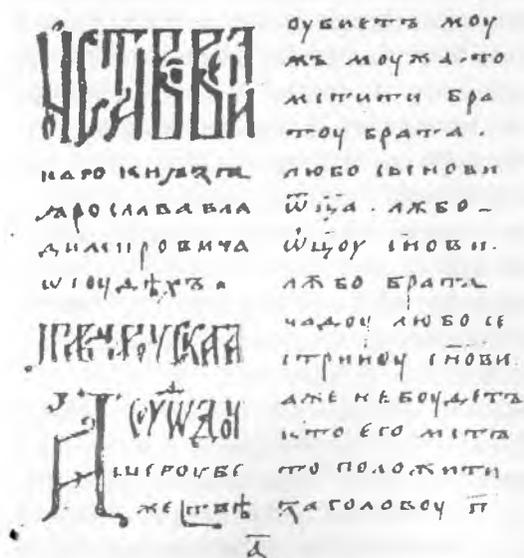
Сохранившиеся многочисленные подделки заставляют нас отнестись к деятельности Бардина несколько серьезнее, чем к просто “шутке”. У него была, видимо, особая мастерская для их изготовления, требовавшего и труда, и затрат. Создание рукописей подобного рода, по тому времени очень умелое, несомненно было для него делом не забавы, а дохода. Рукописи изготовлялись им для продажи, а их содержание находилось в полной зависимости от известных в его время текстов и изданий памятников. Содержание текстов занимало его постольку, поскольку тот или иной из них интересовал исследователей или собирателей. Именно их вкусами и запросами он руководствовался, стремясь “разыскать” еще один список ценного памятника.

О новых научных фактах, об открытии неизвестных текстов он не думал. Фальсификатор старался лишь воспроизвести как можно точно переписываемый оригинал и придать ему форму старинной рукописи. Не обладая достаточной грамотностью и начитанностью в старых текстах, он переписывал их, порой, мало обращая внимания на правописание подлинника; поэтому его копии, словесно близкие к древнему тексту, выдают себя невозмож-

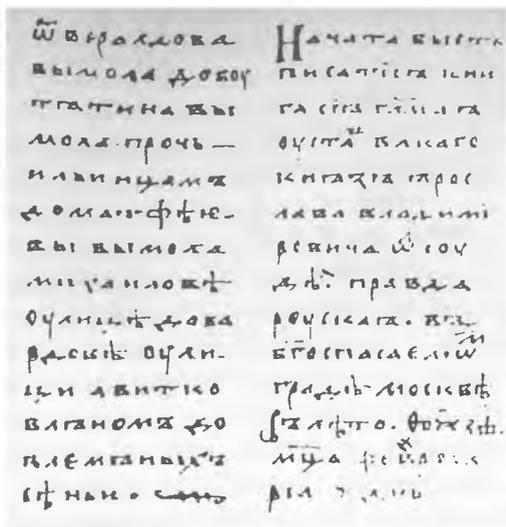
ными для подлинной рукописи правописанием, описками и ошибками. Однако, при отсутствии в его время такой науки, как историческая грамматика, это не могло возбуждать подозрения ученых и тем более любителей старины.

Таким образом, Бардин, торгуя антиквариатом, изготовлял на продажу подделки, часть которых он подписывал своим именем и продавал как копии, а часть выдавал за древние подлинники. Из под его пера вышло четыре копии “Слова о полку Игореве”, пять - “Русской Правды”, пятнадцать экземпляров других памятников древнерусской литературы.

Благодаря своей профессии, Бардин видел много подлинных рукописей, и достаточно хорошо воспроизводил их внешний вид в своих подделках. Для имитации древних списков в качестве материала для письма он использовал настоящий пергамен. Подражая подлинникам, он применял “древнее письмо”, имитируя почерки XIII-XIV в., поскольку более ранних памятников в его руки никогда не попадалось. Как и в настоящих рукописях, он пишет текст без деления его на слова, ставит нужные знаки препинания, выделяет заглавные буквы и названия вязью, киноварью и золотом, рисует миниатюры. Бардин знал со слов собирателей и любителей, как высоко ценились точно датированные рукописи, а также записи на них известных лиц. Поэтому, стремясь повысить цену, он делал фальшивые приписки с этими сведениями не только в рукописях своего изготовления, но и в подлинных.

Начало рукописи А.И.Бардина “Русская правда”

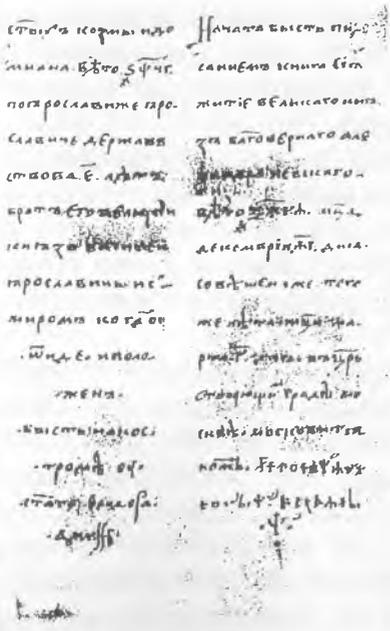

Послесловие к рукописи А.И.Бардина “Русская правда”

Имитируя внешние особенности древних рукописей, Бардин действительно достигал того, что его изделия производили на малоопытных любителей старины впечатление подлинных древних памятников. Но стоило только более осторожному и опытному человеку присмотреться внимательнее к рукописи Бардина, как появлялось сомнение в ее подлинности. Слабая сторона подделок

Бардина заключалась, прежде всего, в хронологических несоответствиях в употреблении начертания отдельных букв, украшений, расположения текста, в выборе общего оформления книги и т.п. Кроме того, не обладая знаниями о языке древнерусских текстов, он употреблял такие написания и делал такие ошибки, какие в настоящих рукописях исключены.

Бардин был наблюдателен и хорошо запоминал начертания букв в рукописях, но употреблял их механически. Он игнорировал

Послесловие к рукописи А.И.Бардина “Житие Александра Невского”

ке, находя, вероятно, это более красивым. Наиболее ярко характеризует его ошибки изготовление фальшивых “древних” рукописей в виде свитков, которые древнерусская письменность не знала. Форма свитка характерна для казенных бумаг более позднего времени. Бардину, видимо были знакомы часто встречающиеся свитки XVI-XVII вв., и он по каким-то соображениям решил “ввести” их в практику более древнего периода.

Однако Бардин, будучи антикваром и руководствуясь желанием продать “редкие” рукописи, не шел дальше подделки уже существующих литературных памятников. Изготовлением же “новых” текстов занимался А.И.Сулакадзев - известный коллекционер и фальсификатор древних рукописей (умер в 1830 г.). Он испытывал особый интерес к долетописной старине и был одержим страстью к выдумке “новых” исторических фактов.

Он собрал большую коллекцию древностей, которая была типична для коллекционеров-любителей того времени. Собрание Сулакадзева - “Музей” - было весьма разнообразно по составу. Все, считавшееся в его представлении редкостным и древним, влекло его к себе. Среди “раритетов” его коллекции были такие, как дубинка Добрыни, камень с Куликова поля, на котором якобы отдыхал Дмитрий Донской и т.п. В то время коллекционирование предметов старины было в большой моде, и все антикварные магазины были заполнены неизвестными до этого подлинными вещами. Поэтому в собрании Сулакадзева сохранилось немало действительно древних рукописей.

Изготовление подделок он начал с фальсификации древних текстов. Одержимый страстью к старине и “новым открытиями”, он придумывает такие тексты, которые “восходят” к дописьменным временам истории славян. Затем, после недоверия, которое вызвали его “открытия” в научных и собирательских кругах, Сулакадзев перешел к имитации древних записей на подлинных рукописях с целью еще больше удревнить их.

Внешний облик “приписей” и “древних” текстов был малоубедительным. С первого взгляда становилось ясно, что это подделка. Видимо, внешней стороне своих изделий Сулакадзев значения не придавал. Если торговец-антиквар Бардин, по мнению современников, был мастером подражать почеркам старых рукописей, то Сулакадзев, несмотря на свой интерес к древней письменности, имитировал внешнюю сторону своего фальсификата крайне небрежно.

Для “приписей” в подлинных рукописях он выработал какой-то особенный почерк, похожий на устав, и считал его, видимо, подходящим для той древности (X-XII вв.), которой он пытался

подражать. Неискусность подделок Сулакадзева была настолько очевидна, что могла ввести в заблуждение только очень несведущего любителя старины начала XIX века. В соответствии с почерком его “приписей” находится и их язык. Он часто представляет собой бессвязный набор слов, показывающий бессилие автора справиться с самыми простыми оборотами старинной речи. И чем “древнее” текст, тем бессвязнее его слова. Это дает основание даже думать, что в этой бессвязности Сулакадзев видел особый признак древности самого текста. Одну из своих неграмотных “приписей” он характеризовал так: “древне-славянский слог приписи всякого палеографа и археолога удовлетворить может”.

Придуманые им тексты также отличаются полным незнанием древнерусского языка. Они изобилуют замысловатыми, вымышленными, непонятными оборотами или представляют бессвязный набор слов. Им придумываются “древние” имена, аналогичные известным из подлинных источников: Мовеслав, Володмай, Оаз, Олгослав, Древослав и др. Стоит прочесть лишь названия его “Каталога”, чтобы убедиться в фантастичности и нереальности его подделок.

Среди пергаменных рукописей в нем фигурирует “№ 2 Боянова песнь Славену - буквы греческие и рунические. Время написания не видно, смысл же показывает лица около I века или позднейших времен Одина... Драгоценный сей свиток любопытен и тем, что в нем изъясняются древние лица, объясняющие Русскую историю, упоминаются места и проч.” Или “№ 3 Перуна и Велеса вещания в Киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим. Века в точности определить нельзя, но видимы события V или VI века... Писана стихами, не имеющими правила. Пергамент весьма древний... заключает ответы идолов вопрошающим - хитрость орacula видна - имена множества жрецов, и торжественный обы-

Богослужебный устав Иерусалимской редакции, XV в. Фальсификация Сулакадзевым записи митрополита Иллариона 1051 г. о создании им этой рукописи в Киево-Печерском монастыре

чай в храме Святовида, и вся церемония сего обряда довольно ясно описана, а при том вид золотых монет, платимых в божницу и жрецам. Достойный памятник древности”. Или “№ 6 *Молитвенник св. Великого князя Владимира*, которым его благословлял дядя его Добрыня”, или “№ 15 *Таинственное учение из Ал-Корана*, на древнейшем арабском языке, весьма редкое - 601 года”.

Вот, например, образец такого “раннего” текста, принятый некоторыми его современниками за чистую монету, и удостоенный Г.Р. Державиным “перевода”.

Подделка Сулакадзева

Перевод Державина

Гмъ послукси Бояна
Умочи Боян снов удыч
О ком плъ блгъ тому,
Суди Велеси не убѣгти.
Слвы Словенси не умлети
Мчи Боян не языци оста
Памети зл горъ Волхови
глоти
Одину памети Скифу гамъ

Не умолчи, Боян, снова воспой
О ком пел, благо тому;
Суда Велесова не убежать
Славы Славянов не умалить
Мечи бояновы на языке остались.
Память Злогора волхвы
поглотили.
Одину воспоминание, Скифу
песнь.

Злтымъ пески тризны
сыши.

Златым песком тризну посыпдем.

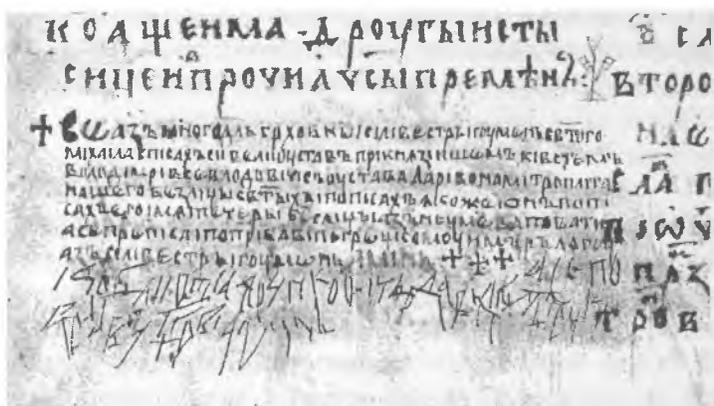
Недоверие к его “открытиям”, высказанное современниками, не заставило его отказаться от фальсификации текстов, но повлекло за собой изменение характера подделок. Ограниченное количество текстов по древней истории давало широкий простор для фантазии. Сулакадзев придерживался мнения, что историчес-

Богослужебный устав Иерусалимской редакции, XV в.
“Припись” XI в., фальсифицированная Сулакадзевым

кий источник “чем древнее, тем важнее”, и “чем скуднее сведения, тем более они нуждаются в дополнениях”. Сведения из изданных летописей он попытался дополнить “новыми данными”.

Не рискуя теперь создавать новые произведения, он берет подлинную рукопись и на свободных местах делает “приписи”, усердно снабжая их датами. Эти приписки не связаны с содержанием самой рукописи, а носят характер как бы случайных пометок современников. Имена, встречающиеся в этих приписках, чаще всего принадлежат известным по летописям историческим лицам. “Новые факты”, сообщаемые в записях, по масштабу намного скромнее, чем имена, щедро рассыпанные Сулакадзевым. Они в основном сводятся к “установлению” точной даты или к сообщению о незначительном событии, исторического значения не имеющего.

Богослужебный устав XV в. Фальсифицированные записи Сулакадзева, одна из которых “принадлежит” игумену Сильвестру (XI в.), якобы написавшему эту рукопись

Как уже было сказано, язык “приписей” и оригинальных текстов Сулакадзева был достаточно невнятен и безграмотен, что свидетельствовало, по мнению фальсификатора, о его значимости и древности. Он удивительно напоминает по своему характеру язык Влесовой книги. Подделки Сулакадзева и Миролюбова роднит очень многое, и не все можно объяснить только закономерностью общих приемов непрофессионалов-“историков” при имитации древних текстов (как это было в случае с Артыновым). К общим чертам можно отнести общий интерес к языческой древности, псевдославянские имена, переключку со “Словом о полку Игореве”, изобретенный алфавит, будто бы сходный с рунами, характер написания слов с пропуском гласных букв: *плъ, блгъ, слвы, злтымъ, жрцу* и т.д. К неожиданным совпадениям можно отнести схожесть

графики букв "Бояновой песни Словену", опубликованной Г.Р.Державиным вместе с переводом, и букв опубликованной Миролюбовым фотографии дощечки. Особенно велико сходство необычной по начертанию буквы, которая у Сулакадзева обозначала букву *ε*, а у Миролюбова - *б*.

Но на этом совпадения не заканчиваются. Как видно из каталога библиотеки Сулакадзева, не все его "раритеты" были написаны на пергамене. Среди исполненных или пока еще только задуманных подделок, Сулакадзев назовет и такие: "Патриарси. Вся вырезана на букowych досках числом 45" или "О Китоврасе; басни и кощуны", с примечанием: "На букowych досках вырезано и связаны кольцами железными, числом 143 доски, 5 века на словенском".

Весьма вероятно, что подделки Сулакадзева или их описания (у Державина и других авторов) могли помочь Миролюбову в создании "Влесовой книги" и ее графики, натолкнули его и на саму идею "деревянной книги". В свете находок в то время первых берестяных грамот, подлинность которых была скоро доказана, момент для появления деревянной книги был самый благоприятный. Можно допустить, что А.Ф.Изенбек или кто-то другой показывал Миролюбову поддельную дощечку с текстом псевдоязыческих пророчеств. Она могла быть изготовлена в мастерской Сулакадзева, который был любителем подобных фальсификатов. Идея Сулакадзева могла вдохновить как самого Миролюбова, так и кого-либо из его современников на создание фальсификата. Остается только удивляться вольной или невольной преемственности методов изготовления подделок, которые, к счастью, отстают от темпов развития науки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берштейн С.Б.** Константин-Философ и Мефодий. М., 1984
- Джурова А.** 1000 години българска ръкописна книга. Орнамент и миниатюра. София, 1981.
- Жуковская Л.П.** Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2.
- История Европы.** т.2. Средневековая Европа. М., 1992.
- История русской переводной художественной литературы.** Т.1. Д.М.Буланин Древняя Русь. СПб., 1995.
- Истрин В.А.** Возникновение и развитие письма. М., 1965.
- Карский Е.Ф.** Славянская кирилловская палеография. Л., 1928
- Лоукотка Ч.** Развитие письма. М., 1950
- Очерки истории культуры славян.** М., 1996
- Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси.** М., 1988
- Прохоров Г.М.** Глаголица среди миссионерских азбук // Труды Отдела древнерусской литературы, Т.XLV. СПб., 1992. С.178-199.
- Розов Н.Н.** Книга Древней Руси. М., 1977
- Рыбаков Б.А.** Язычество Древней Руси. М., 1988
- Словарь книжников и книжности Древней Руси.** X-1 пол. XIV в. Вып. 1. Л., 1987.
- Сперанский М.Н.** Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев). // Проблемы источниковедения, V. М., 1956. С.44-101.
- Творогов О.В.** “Влесова книга” // Труды Отдела древнерусской литературы, Т.XLIII, СПб., 1990. С.170-254.
- Флоря Б.Н.** Сказание о начале славянской письменности. М., 1981
- Хабургаев Г.А.** Первые столетия славянской письменной культуры. М., 1994
- Хабургаев Г.А.** Старославянский язык. М., 1986
- Щепкин В.Н.** Русская палеография. М., 1967

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие3
Славяне накануне появления письменности5
Создатели азбуки32
Славянские системы письма и их возникновение98
У истоков славянской литературы154
Рукописная книга179
Влесова книга и другие подделки древнерусских рукописей198
Библиография234

Уханова Елена Владимировна

У истоков славянской письменности

Обложка	С.М.Цырульников
Верстка	С.М.Цырульников
Корректор	А.С.Виноградов
Редактор	И.М.Воробьев
Выпускающий редактор	М.В.Капризина

ЗАО ИД “Муравей”, 123363, Москва, а/я 81

ЛР № 064599 от 22.05.96 г.

Сдано в набор 03.08.97. Подписано в печать 03.12.97.

Формат 70x100 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1.

Печать офсетная.

Уел. печ. л. 15,0. Тираж 2000 экз. Заказ №1099

Московская типография №6 Комитета по печати РФ.
109008 Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24